

Бертран
РАССЕЛ

Брак
и мораль

PHILOSOPHY

(PHILOSOPHY)

Бертран
РАССЕЛ

Брак и мораль

Издательство АСТ
Москва

УДК 17
ББК 87.7
Р24

Серия «Философия – Neoclassic»

Bertrand Russell
MARRIAGE AND MORALS

Перевод с английского *В. Желнинова*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Печатается с разрешения издательства Routledge,
a member of the Taylor & Francis Group,
copyright of The Bertrand Russell Peace Foundation.

Рассел, Бертран.

Р24 Брак и мораль / Бертран Рассел ; [перевод с английского *В. Желнинова*]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Философия – Neoclassic).

ISBN 978-5-17-123308-2

«Брак и мораль». Книга, за которую Бертран Рассел получил Нобелевскую премию. Книга, в которой изложена история возникновения и развития институтов брака и семьи и затрагиваются вопросы, волнующие каждого из нас, — брак и развод, верность и измена, секс и любовь.

УДК 17
ББК 87.7

© Bertrand Russell, 1957
© Horace Liveright, INC., 1929
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

ПОЧЕМУ СЕКСУАЛЬНАЯ ЭТИКА НЕОБХОДИМА?

Когда мы характеризуем какое-либо общество, будь то древнее или современное, всегда обнаруживаются два элемента, довольно тесно связанных между собой и имеющих первостепенное значение: первый — это экономическая система, а второй — система семейная (семьи и семейных ценностей). Сегодня существуют две влиятельные школы мысли, одна из которых опирается на сугубо экономические воззрения, а другая сводит все к семейным, или, если угодно, сексуальным аспектам; первая, разумеется, школа Маркса, тогда как вторая — школа Фрейда. Сам я не склонен примыкать ни к одной из упомянутых школ, поскольку, на мой взгляд, взаимосвязь экономики и секса отнюдь не демонстрирует явного превосходства одной школы над другой с точки зрения причин и следствий. Например, промышленная революция, безусловно, уже оказала и будет далее оказывать сильное влияние на сексуальную мораль, однако сексуальная сдержанность пуритан была психологически необходима в качестве одной из предпосылок

промышленной революции. Я не готов приписывать первенство ни экономическому, ни сексуальному фактору, да и, положа руку на сердце, вряд ли их можно разделять сколь-нибудь строго. Экономика связана преимущественно с добыванием средств пропитания, но люди все-таки редко добывают еду исключительно на благо индивида, который ее жаждет; как правило, пища предназначается семье, а с изменением семейной системы изменяются и экономические мотивы. Должно быть очевидно, что не только страхование жизни, но и большинство форм частного сбережения почти наверняка исчезнет бесследно, если отнимать детей у родителей и воспитывать их за государственный счет, как в платоновской республике¹; иными словами, если государство берет на себя роль отца, такое государство, *ipso facto*², становится единственным капиталистом. Убежденные коммунисты часто утверждают обратное: если государство будет единственным капиталистом, семья, какой мы ее знаем, не сможет выжить; даже если допустить, что подобные мнения чересчур категоричны, нельзя не признать теснейшую связь между частной собственностью и семьей — связь взаимную и настолько прочную, что невозможно отделить одно от другого, назвать одно причиной, а другое — следствием.

¹ В трактате «Государство» Платон писал, что «все рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц...» (пер. А. Егунова). — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

² Следовательно (*лат.*).

Сексуальная мораль общества, как будет показано, имеет несколько уровней. Прежде всего, имеются позитивные институты, воплощенные в законе; таковы, скажем, моногамия в одних странах и полигамия — в других. Далее идет уровень, где влияния закона не ощущается, зато ощутимо воздействие общественного мнения. И наконец имеется уровень индивидуальных поступков, когда человек принимает решения самостоятельно. Нет ни одной страны и не было ни единой эпохи в мировой истории, где бы и когда бы сексуальная этика и сексуальные институты определялись рационалистическими соображениями (за исключением Советской России). Я вовсе не хочу сказать, что институты Советской России в этом отношении совершенны; нет, я лишь подчеркиваю, что эти институты опираются не на суеверия и традиции, в отличие от, хотя бы частично, институтов всех прочих стран во все времена. Проблема определения наилучшей сексуальной морали с точки зрения общего счастья и благополучия видится чрезвычайно сложной, и ее решение будет зависеть от ряда обстоятельств. В промышленно развитом обществе такое решение будет отличаться от решения в стране с примитивным сельскохозяйственным укладом. Также несомненны различия между обществом, где медицинская наука и гигиена обеспечивают устойчивое снижение смертности населения, и обществом, где эпидемии и иные заболевания выкашивают большую часть населения еще до перехода во взрослую жизнь. Быть может, узнав больше, мы

окажемся в состоянии сделать вывод, что наилучшая сексуальная этика для одного климата должна отличаться от таковой для другого — или что сексуальная этика может зависеть даже от типа диеты в конкретном обществе.

Сексуальная этика проявляет себя в самых разных аспектах — персональных, супружеских, семейных, национальных и международных. Вполне возможно, что какие-то ее практические последствия будут положительными в некоторых перечисленных случаях и отрицательными в других. Нужно рассмотреть все варианты, прежде чем мы сможем решить, как именно воспринимать конкретную систему.

Начнем с персонального уровня: здесь последствия обычно трактуются психоаналитиками. Нужно учитывать не только взрослое поведение, навязываемое кодексом принятых в обществе правил, но и подготовительное образование, призванное внушить почтение к этому кодексу. Как мы теперь знаем, табу в раннем возрасте могут проявляться весьма любопытным и далеко не линейным образом. На этом уровне мы имеем дело с персональным благополучием. К следующему уровню мы переходим, когда начинаем изучать взаимоотношения мужчин и женщин. Для всех очевидно, что сексуальные отношения с одним объектом могут быть более ценными, чем с другим. Большинство людей согласится с тем, что сексуальные отношения более гармоничны, когда в них присутствует не только физическая, но и психологическая составляющая. Действительно, от поэтов здравомыслящая цивили-

зация мужчин и женщин усвоила, что ценность любви возрастает пропорционально вовлечению в отношения личных качеств людей. Кроме того, поэты приучили многих ценить любовь пропорционально ее интенсивности; однако это более спорный вопрос. Большинство современных людей согласится с тем, что любовь должна быть равноправной и что на этом основании, если ни на каких иных, полигамию, например, нельзя рассматривать как идеальную систему. На всем этом уровне необходимо учитывать как брак, так и внебрачные отношения, поскольку внебрачные отношения встречаются в любом обществе, независимо от формы брака и брачного законодательства.

Далее мы подходим к вопросу о семье. Из древней и сравнительно недавней истории мира известно множество разновидностей семейных групп, но патриархальная семья при этом явно господствует; более того, моногамная патриархальная семья уверенно торжествует над полигамной. Основным мотивом сексуальной этики, господствовавшей в западной цивилизации с дохристианских времен, было стремление гарантировать добродетель со стороны женщины, поскольку без нее патриархальная семья теряет смысл (ибо нельзя точно установить отцовство). Соответствующее требование в отношении мужчин появилось позже и было связано с аскезой, перевозимой в христианстве, а в последнее время и с эмансипацией — женщины начали заявлять о своих правах и требовать верности со стороны мужчины. Впрочем, последний фактор вряд ли на-

долго сохранит свое влияние, ибо женщины, по некоторым признакам, отдают предпочтение системе, допускающей свободу для обоих полов, а не той, которая равным образом ограничивает сексуальную свободу мужчин и женщин.

При этом в пределах моногамной семьи обнаруживается обилие вариаций. Браки могут заключаться самими брачующимися или их родителями. В некоторых странах невесту выкупают; в других, скажем, во Франции, выкупают жениха¹. Вдобавок налицо множество различий касательно развода — от католического экстремума, отрицающего саму возможность развода, до древнего китайского закона, позволявшего мужчине развестись с женой, если та чрезмерно болтлива. Постоянство (или квазипостоянство) в сексуальных отношениях возникает также среди животных, не только среди людей, и у животных забота о потомстве необходима для сохранения вида. Например, птицы высиживают яйца, дабы те не остывали, и одновременно вынуждены проводить много часов в поисках пищи. Справиться с той и другой задачей самка просто не в состоянии, поэтому необходимо сотрудничество самки и самца. Вследствие этого большинство птиц кажутся нам образцом добродетели. Что же касается людей, то и здесь отцовское попечение выглядит

¹ Вероятно, имеется в виду известный в некоторых французских деревнях обычай, когда отец невесты «расплачивается» вином и угощением за «приобретение» жениха; впрочем, куда более распространен аналогичный выкуп невесты.

немаловажным биологическим преимуществом для отпрысков, особенно в смутные времена; но с развитием современной цивилизации роль отца в воспитании все больше берет на себя государство, и можно предполагать, что наличие отца вскоре перестанет считаться биологически выгодным — во всяком случае, когда отец не имеет капитала и вынужден зарабатывать на хлеб. При таком положении дел следует ожидать полного разрушения традиционной морали, поскольку у матери не останется причин требовать безусловного установления отцовства ее ребенка. Платон, пожалуй, пошел бы дальше и заместил бы государством как отца, так и мать. Признаюсь, сам я не настолько восхищаюсь государством и не настолько восторгаюсь прелестями сиротских приютов, чтобы с энтузиазмом поддерживать эту схему. В то же время вполне допускаю, что некие экономические силы могут вынудить к частичному (хотя бы) ее принятию.

Закон регулирует сексуальные отношения в двух аспектах; во-первых, он закрепляет ту сексуальную этику, которая принята в конкретном обществе, а во-вторых, защищает права индивидов в области секса. В данной области можно выделить два основных направления: с одной стороны, это защита женщин и несовершеннолетних от посягательств и дурного обращения, с другой — профилактика венерических заболеваний. Ни одно из указанных направлений обычно не рассматривается целостно, и по этой причине соблюдение закона тут не столь эффективно, каким могло бы быть. Что до первого

направления отдельно, напомним, что истерические кампании против торговли белыми рабами¹ обернулись принятием законов, от исполнения которых профессиональные злоумышленники научились с легкостью ускользать, зато открылись широкие возможности для шантажа невинных. А что до второго направления, мнение, будто венерические заболевания суть справедливое воздаяние за грехи, препятствует внедрению мер, которые были бы наиболее эффективными по медицинским основаниям, тогда как в обществе бытует убеждение, что венерические заболевания постыдны и их надлежит скрывать, а это мешает своевременному выявлению и адекватному лечению таких болезней.

Теперь перед нами заключительный вопрос — о населении в целом. Это поистине колоссальная проблема, которую нужно рассматривать с разных сторон. Тут и материнское здоровье, и здоровье детей, и психологическое влияние многочисленных и малочисленных семей, соответственно, на характер ребенка. Данные факторы можно охарактеризовать как гигиенические аспекты нашей проблемы. Также имеются экономические аспекты, личного и общественного свойства: достаток на душу населения в семье или в обществе в зависимости от размера семьи или уровня рождаемости в обществе.

¹ В англоговорящих странах в XIX веке и в первой половине XX столетия это выражение обозначало сексуальное рабство белых женщин; в США в 1910 году приняли так называемый закон о белых рабынях (или закон Манна), запретивший «эксплуатацию женщин в аморальных целях».

Тесно связанным с предыдущим представляется вопрос о влиянии прироста населения на международную политику и возможность достижения мира во всем мире. Наконец, есть евгенический вопрос, то бишь вопрос улучшения (или ухудшения) «породы» вследствие различия в показателях рождаемости и смертности в разных слоях конкретного общества. Никакую сексуальную этику нельзя ни оправдывать, ни осуждать до тех пор, пока вы не рассмотрите ее во всех обозначенных аспектах. Реформаторы наряду с реакционерами имеют обыкновение уделять внимание лишь одному или, в лучшем случае, двум аспектам этой проблемы. Крайне редко можно встретить сочетание личных и политических взглядов, и нет ни малейших доказательств того, что одни взгляды важнее других: мы не располагаем априорными подтверждениями того, что система, эффективная для отдельного индивида, будет столь же эффективной для общества в целом, и наоборот. Лично я не сомневаюсь в том, что почти везде и чаще всего некие скрытые психологические силы побуждали и побуждают людей внедрять системы, подразумевающие совершенно не оправданную жестокость; это, кстати, характерно и для наиболее цивилизованных рас в наши дни. Кроме того, я считаю, что достижения в области медицины и гигиены требуют перемен в сексуальной этике — желательных как с личной, так и с общественной позиции, а возрастающая роль государства в образовании и воспитании постепенно лишает отцов той значимости, которой они обладали на протяжении исто-

рии человечества. Поэтому нам предстоит решать сразу две задачи в критике нынешней этики: с одной стороны, мы должны устранить элементы суеверий, засевшие в подсознании; с другой — мы должны учитывать принципиально новые факторы, которые превращают мудрость прошедшей эпохи в бессмысленные ритуалы, непригодные в настоящем.

Чтобы составить полное представление о существующей системе в перспективе, я сначала рассмотрю некоторые системы, известные в прошлом или бытующие в настоящее время среди менее цивилизованных народов мира. Затем я перейду к характеристике системы, поддерживаемой ныне западной цивилизацией, а в завершение перечислю те отношения, в которых эту систему надлежит улучшить, и обосную, почему, как мне кажется, мы вправе рассчитывать на подобные улучшения.

Глава 2

КОГДА ОТЦОВСТВО НЕИЗВЕСТНО

Брачные обычаи всегда и везде представляли собой сочетание трех факторов, которые можно условно обозначить как инстинктивные, экономические и религиозные. Я не хочу сказать, что между перечисленными группами возможно провести строгое разграничение, — нет. Тот факт, что лавки и магазины закрыты по воскресеньям, проистекает из религиозных заповедей, но сегодня это уже экономическое явление, и точно так же обстоит дело со многими правилами и установлениями, относящимися к сексу. Полезный обычай, имеющий религиозное происхождение, часто сохраняется обществом именно в силу своей полезности, даже когда его религиозное основание теряет свою силу. Различия между религиозным и инстинктивным провести не менее затруднительно. Религии, обладающие сильным влиянием на поступки людей, обыкновенно опираются на некий инстинктивный фундамент. При этом они выделяются уважением к традиции, а также тем, что несмотря на все многообразие ин-

стинктивных человеческих свойств, отдают предпочтение лишь некоторым из них. Например, любовь и ревность равно являются инстинктивными эмоциями, но религия постановляет, что ревность есть добродетель, которую обществу надлежит блюсти, а любовь — в лучшем случае простительна.

Инстинктивный элемент в сексуальных отношениях значит намного меньше, чем принято думать. В данной книге я не собираюсь погружаться в антропологию глубже, чем это необходимо для того, чтобы проиллюстрировать некоторые характерные ситуации, но в одном отношении эта наука видится мне чрезвычайно актуальной: она наглядно демонстрирует, что многие практики, считающиеся рациональными и противоречащими инстинкту, на самом деле существуют на протяжении долгого времени, не вступая в сколь-нибудь явный конфликт с инстинктом. К примеру, не только среди дикарей, но и среди относительно цивилизованных народов была распространена практика официального (причем порой публичного) дефлорирования невинных дев жрецами. В христианских странах установилось мнение, что лишение девственности — прерогатива мужа, и большинство христиан, во всяком случае, до недавнего времени, осуждало практику религиозной дефлорации как инстинктивную. Практика «одалживания» своей супруги гостю в знак уважения и гостеприимства тоже относится к числу тех, которые современный европеец инстинктивно отвергает, а между тем она была очень широко распространена. Полиандрия — еще один обычай, который

невежественный белый человек считает противным человеческой природе. Еще более преступным в его глазах выглядит инфантицид, убийство младенцев, но факты доказывают, что люди добровольно соглашаются на это, когда осознают экономические выгоды такого преступления. Дело в том, что в человеческих действиях инстинкт напроць лишен конкретики, и его легко сбить с естественного пути. Указанная характеристика равно применима к дикарям и цивилизованным сообществам. Само слово «инстинкт», кстати, не кажется уместным обозначением для столь разнородного поведения, как поведение человека в сексуальной сфере. Единственным, что действительно во всей этой реальности можно назвать инстинктивным в сугубо психологическом смысле, оказывается акт сосания груди в младенчестве. Не знаю, как происходит у дикарей, но цивилизованным людям совершенно точно приходится учиться технике половых актов¹. Довольно часто супружеские пары, прожившие вместе не год и не два, обращаются к врачам за советом, как завести детей, а при расспросах выясняется, что они просто-напросто не знали техники полового акта. Потому, следовательно, половой акт вряд ли можно, если быть максимально точным, назвать инстинктивным, хотя, конечно, у людей имеется природная предрасположенность к нему, а желание без физического контакта удовлетворению не подлежит. Действительно, когда речь заходит о людях, становится

¹ См.: Havelock Ellis, *Studies in the Psychology of Sex*, vol. VI, p. 510. — *Примеч. авт.*

ясно, что у нас нет точных моделей поведения, существующих у прочих животных, и инстинкт в этом смысле заменяется чем-то другим. Прежде всего, в человеческом обществе мы сталкиваемся с неудовлетворенностью, стимулирующей действия более или менее случайного и несовершенного вида, но постепенно, более или менее случайно, возникает деятельность, приносящая удовлетворение — и потому повторяемая. Значит, инстинктивна не столько завершаемая деятельность, сколько стремление ей обучиться, и нередко деятельность, способная принести удовлетворение, отнюдь не является заранее предопределенной, пускай даже, как правило, наиболее биологически выгодная деятельность дарует наиболее полное удовлетворение, при условии, что ей научились до приобретения иных привычек.

С учетом того, что в основе всех современных цивилизованных обществ лежит патриархальная семья, и памятуя о том, что сама концепция женской добродетели изобретена ради того, чтобы патриархальная семья стала возможной, важно выяснить, какие природные побуждения порождают ощущение отцовства. Ответ на этот вопрос, увы, не столь прост, как могло бы показаться людям, непривычным к размышлениям. Чувства матери по отношению к ребенку вполне объяснимы, поскольку здесь существует тесная физическая связь — во всяком случае, до момента отлучения от груди. Но вот отношение отца к ребенку (в том, что касается физиологии родительства) явно косвенное, гипотетическое и, если угодно, выводимое — оно выводится из убеж-

дений, скажем, в добродетельности жены, и принадлежит, получается, к области, чересчур интеллектуальной для того, чтобы признать это отношение инстинктивным. По крайней мере, все будет выглядеть именно таким образом, если допустить, что отцовское чувство должно было быть направлено на собственных детей мужчины. Впрочем, это не обязательно так. Обитатели Меланезии не ведают, что у людей бывают отцы, однако среди них привязанность к детям ничуть не слабее той, какую испытывают люди, знающие своих детей¹. На психологию отцовства помогли пролить свет работы Малиновского о жителях Тробрианских островов. Три его работы — «Секс и вытеснение в обществе дикарей», «Отец в первобытной психологии» и «Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии» — представляются совершенно необходимыми для постижения того комплексного чувства, которое мы называем отцовским. Имеются, к слову, две независимые друг от друга причины, по которым мужчина может интересоваться жизнью ребенка: либо он считает этого ребенка своим, либо ему известно, что это ребенок его жены. Вторая причина по отдельности проявляется там, где роль отца обществу неведома.

Тот факт, что жителям Тробрианских островов неизвестно о существовании у людей отцов, был

¹ Дальнейшее изложение строится на пересказе работ английского этнографа и антрополога Б. Малиновского, основоположника метода включенного наблюдения; он провел несколько лет среди туземцев Меланезии, непосредственно изучая их быт и уклад жизни.

установлен Малиновским твердо и однозначно. Малиновский обнаружил, например, что когда какой-то местный мужчина отсутствовал дома год или более, а по возвращении видел свою жену с новорожденным младенцем, этот мужчина искренне радовался и никак не желал понимать намеков европейцев, выражающих сомнение в добродетельности и верности его жены. Пожалуй, еще убедительнее другое свидетельство: он узнал, что человек, владевший превосходным стадом свиней, кастрировал всех самцов и не понимал, почему это привело к ухудшению породы. Местные жители считают, что детей приносят духи, которые помещают младенцев в материнские утробы. Они знают, что девственницы понести не могут, но из этого делают вывод, что девственная плева выступает физическим барьером, препятствующим проникновению духов. Неженатые мужчины и незамужние девушки свободно вступают в половые отношения, но по неизвестной причине незамужние девушки крайне редко беременеют. Как ни странно, девушка в этом случае считается опозоренной, хотя, если следовать дикарской философии, поведение этих девушек никак не связано с их беременностью. Рано или поздно девушки устают от разнообразия связей и выходят замуж. Молодая жена уходит жить в деревню мужа, но она и ее дети по-прежнему воспринимаются как жители той деревни, откуда она родом. За ее мужем не признается кровное родство с детьми, потомство прослеживается исключительно по женской линии. Власть над детьми, которой в прочих местах обладают отцы,

на Тробрианских островах принадлежит дяде по матери. Впрочем, тут мы встречаем крайне любопытное условие. Табу на взаимоотношения братьев и сестер чрезвычайно строгое; повзрослев, братья и сестры уже не смогут обсуждать друг с другом вопросы секса, пусть даже абстрактно. Кроме того, хотя дядя по матери имеет власть над детьми, он редко их видит — разве что когда они находятся вдали от матери и от дома. Эта замечательная система гарантирует детям заботу и привязанность без дисциплины, чего не встретишь где-либо еще. Отец играет с ними, он добр и ласков, но лишен права повелевать, тогда как дядя по матери, которому позволено командовать, живет вдали от детей.

Как ни странно, несмотря на убеждение в отсутствии кровной связи между ребенком и мужем его матери, дикари считают, что дети похожи на мужей своих матерей, а не на матерей или их братьев и сестер. Будет крайне невежливо отметить сходство между братом и сестрой, между ребенком и его матерью, даже очевиднейшее сходство категорически отрицается. Малиновский полагает, что привязанность отцов к детям стимулируется этой верой в похожесть именно на отца, а не на мать. Ему удалось установить, что у дикарей отношения отца и сына зачастую гармоничнее и теплее, чем у цивилизованных народов; вдобавок, чего и следовало ожидать, он не обнаружил у дикарей никаких признаков эдипова комплекса.

Для Малиновского оказалось совершенно невозможным, несмотря на все его старания и доводы,

убедить своих приятелей-островитян в существовании такого явления, как отцовство. По их мнению, это все были глупые выдумки, сочиненные миссионерами. Христианство — патриархальная религия, которую невозможно сделать эмоционально или интеллектуально понятной для людей, не признающих отцовства. Ведь вместо Бога-отца пришлось бы вводить Бога-дядю по матери, что не совсем корректно, поскольку отцовство подразумевает власть и любовь, а в Меланезии власть у дяди по матери, а любовь — у отца. Жителям Тробрианских островов невозможно внушить идею, что люди — дети Божьи, ибо они не в состоянии постичь, как кто-то может быть ребенком какого-либо мужчины. Отсюда следует, что миссионерам надлежит перво-наперво разобраться в вопросах физиологии, а уж затем браться за проповеди. Из наблюдений Малиновского очевидно, что миссионеры не преуспели в решении первоначальной задачи, а потому не преуспели и в распространении Писания.

Малиновский утверждает — и в этом отношении, думаю, справедливо, — что если мужчина находится рядом с женой во время беременности и родов, у него возникает инстинктивная привязанность к ребенку, когда тот рождается, и такова основа отцовских чувств. «Отцовство... хотя и кажется поначалу лишенным всякого биологического основания, глубоко коренится в естественных склонностях и органических потребностях»¹. Однако Малинов-

¹ «Секс и вытеснение в обществе дикарей» (М.: Изд-во ВШЭ, 2011). Перевод Н. Микшиной.

ский полагает, что, если мужчина отсутствует рядом с женой, пока та пребывает в тягости, он изначально не будет испытывать *инстинктивной* привязанности к ребенку, хотя, если обычаи и племенная этика побудят его к близости с этой женщиной и этим ребенком, привязанность все же разовьется, как случилось бы, будь он возле матери с самого начала. Во всех важных человеческих отношениях социально желательные действия, где инстинкт слишком слаб, чтобы оказывать непреодолимое влияние, подкрепляются социальной этикой, чему примером служит поведение этих дикарей. Обычай требует, чтобы муж матери заботился о детях и оберегал их в малолетстве, и этот обычай не вызывает отторжения, поскольку он в целом соответствует человеческим инстинктам.

Инстинкт, на который Малиновский ссылается в попытках объяснить отношение отца к своим детям среди меланезийцев, распространен, полагаю, шире, чем может показаться при чтении его работ. На мой взгляд, мужчинам и женщинам присуща склонность испытывать привязанность к любому ребенку, о котором ему или ей выпало заботиться. Даже если исключительно обычай, правила общечития или некий гонорар выступают непосредственным поводом к заботе со стороны взрослого, сам факт заботы в большинстве случаев способствует возникновению привязанности. Без сомнения, это чувство усиливается, когда мать этого ребенка — женщина, которую ты любишь. Поэтому становится понятным, что эти дикари окружают детей своих

женщин должной заботой и опекой, и можно с уверенностью утверждать, что схожее чувство лежит в основе той любви, которую цивилизованные народы испытывают к своим детям. Малиновский заявляет — и ему крайне трудно что-либо возразить, — что человечество в целом наверняка проходило ту стадию развития, на которой ныне находятся жители Тробрианских островов, поскольку в истории наверняка был период незнания отцовства и отрицания отцовства. Семьи животных, где есть отцы, должны строиться аналогично, ничего другого тут быть не может. Лишь среди человеческих существ, когда отцовство было осознано, это чувство приняло ту форму, которая сегодня для нас привычна.

Глава 3

ГОСПОДСТВО ОТЦА

Как только физиологический факт отцовства получает признание, в отцовском чувстве возникает совершенно новый элемент, который почти повсеместно ведет к возникновению патриархальных обществ. Едва отец соглашается считать, что данный ребенок является, как сказано в Библии, его «семенем», в отношении отца к этому ребенку начинают проявляться два фактора — жажда власти и стремление продолжить свое существование после смерти. Достижения потомков в некотором смысле можно считать своими собственными достижениями, а их жизнь — продолжением своей жизни. Кончина больше не кладет предел амбициям, эти амбиции продолжают реализовываться на протяжении неопределенно долгого срока в жизни потомков. Вспомним, например, удовлетворение Авраама, узнавшего, что его семеню суждено владеть землей Ханаанской¹. В матрилинейном обществе семейные

¹ В Библии ничего не сказано об «удовлетворении» Авраама; ср.: «И явился Господь Авраму и сказал [ему]: потомству твоему отдам Я землю сию. И создал там [Аврам] жертвенник Господу, Который явился ему» (Быт. 12:7).

устремления доступны, естественно, лишь женщинам, а поскольку женщины не сражаются в войнах, их амбиции (какие бы то ни было), оказывают на общество меньшее воздействие, нежели амбиции мужские. Поэтому следует заключить, что понимание природы отцовства должно было усилить конкуренцию в различных группах общества, сделать их более энергичными, более динамичными и, если угодно, бойкими, чем они были на матрилинейном этапе. Помимо этого эффекта, который все-таки достаточно гипотетический, появилась также новая, крайне значимая причина настаивать на добродетельности женщин. Чисто инстинктивный элемент в ревности не настолько силен, как это принято считать. Своей чрезвычайной важностью в патриархальных обществах ревность обязана страху перед фальсификацией происхождения. Подтверждением тому может служить пример, когда мужчина устал от своей жены, зато искренне увлечен любовницей: тем не менее, он будет больше ревновать постылую жену, чем беспокоиться из-за соперника, тоже претендующего на благосклонность его любовницы. Законный ребенок есть «продолжение» мужского эго, а его привязанность к этому ребенку представляет собой разновидность эгоизма. Если, с другой стороны, ребенок не является законным, предполагаемого отца разными уловками все равно побуждают проявлять заботу о ребенке, с которым он не имеет биологической связи. Следовательно, понимание природы отцовства привело к подчинению женщин как единственному способу обеспечения

их добродетели — подчинению сначала физическому, а затем и ментальному, пик которого пришелся на Викторианскую эпоху. Благодаря подчинению женщин в наиболее цивилизованных обществах не найти истинного равноправного партнерства между мужьями и женами; супружеские отношения строятся на снисходительности первых и чувстве долга вторых. Все сколько-нибудь важные помыслы и цели мужчина держит при себе, ибо чрезмерно активные размышления могут толкнуть жену на предательство. В большинстве цивилизованных обществ женщин лишают практически всякого опыта познания мира и ведения дел. Их искусственно и нарочито оглушают — и считают неинтересными и скучными. Из диалогов Платона складывается впечатление, что сам философ и его друзья воспринимали мужчин как единственно достойных подлинной любви. Пожалуй, это не вызовет удивления, если вспомнить, что все вопросы, которыми интересовались греческие философы, признавались недоступными пониманию добропорядочных афинских женщин. Аналогичное положение дел наблюдалось до недавнего времени в Китае, а также в Персии в великие времена славной персидской поэзии¹ — да и в других странах в разные периоды истории. Любовь как отношения между мужчинами и женщинами была разрушена желанием удостовериться в законности происхождения детей. Причем постра-

¹ Имеется в виду период расцвета классической поэзии в IX–XII столетиях; здесь достаточно упомянуть такие имена, как Фирдоуси, Рудаки, Низами, Руми, Саади и Ширази.

дала не только любовь: жертвой этого желания стал вклад женщин в цивилизацию как таковой.

Экономическая система, что логично, претерпела изменения тогда же, когда преобразился способ отслеживания происхождения. В матрилинейном обществе мужчина наследовал своему дяде по матери; в патрилинейном же обществе он стал наследовать отцу. При этом отношения отца и сына в патрилинейном обществе сделались теснее, чем любые отношения между мужчинами в обществе матрилинейном, поскольку, как мы видели, функции, которые мы привычно приписываем отцу, в матрилинейном обществе распределялись между отцом и дядей по матери: отец проявлял любовь и заботу, а дядя по матери олицетворял власть и собственность. Отсюда ясно, что патриархальная семья была более сплоченной, чем семьи более примитивного типа.

Может показаться, что лишь с появлением патриархальной системы мужчины начали требовать девственности от своих невест. При матрилинейной системе молодые женщины предавались любовным похождениям столь же свободно, как и молодые мужчины, но это перестало считаться допустимым, когда женщинам начали внушать, что любые внебрачные связи порочны.

Отцы, осознав сам факт своего отцовства, стали чрезвычайно широко и активно его использовать. История цивилизации во многом представляет собой хронику постепенного ослабления отцовской власти, которая достигла максимума у большинства

цивилизованных народов прямо накануне исторического времени. Поклонение предкам, сохранившееся до наших дней в Китае и Японии, выглядит универсальной характеристикой ранних цивилизаций. Отец обладал непререкаемой властью над своими детьми, в том числе, если вспомнить примеры из истории Рима, властью над жизнью и смертью. Дочери везде и всюду, да и сыновья у многих великих народов, не могли вступать в брак без согласия отцов и, как правило, именно отец решал, кому на ком жениться или за кого выйти замуж. Женщина за всю свою жизнь никогда не вела независимого существования, подчинялась сначала отцу, а потом — мужу. Хотя нужно отметить, что в старости женщины пользовались фактически деспотической властью в домашних условиях: их сыновья с женами жили под тем же кровом, и невестки безоговорочно повиновались свекрови. Вплоть до сегодняшнего дня в Китае не редкость самоубийства молодых женщин, доведенных до отчаяния придирками свекрови, и эти современные китайские события напоминают об универсальных практиках, бытовавших в цивилизованных областях Европы и Азии до самого недавнего времени. Когда Христос поведал, что пришел повести «отца против сына, и сына против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестку против свекрови своей»¹, имелись в виду такие домохозяйства, которые до сих пор встречаются на Дальнем

¹ Лк. 12:53.

Востоке. Власть, которую отец приобретал в первую очередь благодаря своей превосходящей силе, подкреплялась религией, каковую в большинстве ее форм можно определить как веру в то, что боги — заодно с правительством. Поклонение предкам, или нечто аналогичное, было распространено очень широко. Религиозные идеи христианства, как мы уже видели, возвеличивают институт отцовства. Монархическая и аристократическая организация обществ и системы наследования повсюду формировались именно на основании осознания отцовства. Но на заре развития эта схема обуславливалась экономическими мотивами. Из книги Бытия очевидно, что мужчины жаждали многочисленного потомства, которое сулило несомненную выгоду. Преумножение сыновей было столь же выгодным, как преумножение стад и поголовий¹. Недаром же Яхве велел людям плодиться и размножаться².

Но по мере развития цивилизации происходила смена экономических условий, и в итоге религиозные заповеди, некогда отражавшие личные интересы, превратились в помеху. Когда Рим достиг процветания, аристократы уже не могли похвастаться многочисленными семьями. На протяжении поздних столетий римского величия старые патрицианские роды неумолимо вымирали, вопреки всем по-

¹ Отсылка к стиху из книги Второзаконие: «Когда будешь есть и насыщаться, и построишь хорошие дома и будешь жить [в них], и когда будет у тебя много крупного и мелкого скота, и будет много серебра и золота, и всего у тебя будет много...» (Втор. 8:12–13).

² Быт. 1:28.

печениям и поучениям моралистов, столь же бесполезным тогда, как и сейчас. Разводы сделались простым и обычным делом; женщины высшего сословия обрели положение, вполне сопоставимое с положением мужчин; а *patria potestas*¹ слабела на глазах. Во многих отношениях эта ситуация поразительно напоминала ту, которую мы наблюдаем сегодня, однако подобные отношения ограничивались только высшим сословием и шокировали тех, кому недоставало богатства, чтобы получать прибыль от такой практики. Древняя цивилизация, в отличие от современной, страдала вследствие того, что охватывала крайне малый процент населения. Потому-то она постоянно грозила рухнуть, а в конечном счете поддалась суевериям, что волной нахлынули снизу. Христианство и вторжения варваров уничтожили греко-римский комплекс идей. Да, патриархальная система сохранялась и даже поначалу укрепилась — во всяком случае, если сравнивать с временами аристократического Рима, — но ей все же пришлось приспособиться к новому элементу жизни, то есть к христианским взглядам на секс и к индивидуализму, проистекавшему из христианского учения о душе и спасении. Ни одно христианское общество не было настолько откровенно биологическим, как цивилизации древности и культуры Дальнего Востока. Более того, индивидуализм христианской теологии со временем проник в по-

¹ Букв. «отцовская власть» (*лат.*), термин римского права, характеристика полновластия отца семейства в роду (над детьми, внуками и даже правнуками).

литику христианских стран, а надежды на личное бессмертие способствовали тому, что выживание потомства и продолжение рода перестали восприниматься как единственный способ обрести бессмертие. Современное общество, оставаясь патрилинейным и обеспечивая сохранение семьи, придает отцовству куда меньшее значение, чем это было в древних обществах. Семейные узы перестали быть прочными. Надежды и упования мужчин до неузнаваемости изменились со времен библейских ветхозаветных патриархов. Ныне мужчины стремятся к величию через достижение государственного поста, а не через обладание многочисленным потомством, и как следствие — традиционная мораль и богословие сегодня менее влиятельны, чем прежде. Впрочем, нельзя не признать, что сама эта перемена была частью христианской теологии. Чтобы понять, как все произошло, следует рассмотреть, каким образом религия повлияла на отношение общества к браку и семье.

Глава 4

ФАЛЛИЧЕСКИЙ КУЛЬТ, АСКЕТИЗМ И ГРЕХ

С того времени, когда было впервые осознано отцовство, секс стал предметом пристального внимания религии. Чего-то подобного, разумеется, следовало ожидать, поскольку религия охватывает все области человеческой жизни, в том числе и насущные вопросы. Плодородие, будь то урожайность сельского хозяйства или плодовитость стай, стад и женщин были вопросами первостепенной важности для людей на ранних стадиях земледелия и скотоводства. Посевы далеко не всегда давали обильный урожай, а половые связи далеко не всегда приводили к беременности. К религии и магии обращались, чтобы гарантированно получить желаемый результат. Согласно распространенным взглядам на симпатическую магию, плодородие почвы можно обеспечить через стимулирование человеческой плодовитости, для повышения которой во многих первобытных сообществах совершались различные религиозные и магические церемонии. В древнем Египте, где

сельское хозяйство возникло, судя по всему, еще до завершения матрилинейной эпохи, сексуальным элементом в религии выступал изначально вовсе не фаллический культ, а культ женских гениталий, на которые намекали своей формой раковины каури, якобы обладавшие, соответственно, магической силой и постепенно вошедшие в обиход как «денежные» единицы. Впрочем, эта стадия миновала, и в позднем Египте, как и в большинстве древних цивилизаций, сексуальный элемент в религии обрел воплощение в фаллическом культе. Очень хорошее и краткое изложение важнейших характеристик этого периода можно найти в главе за авторством Робера Бриффо¹ в книге «Секс в истории цивилизации»².

Сельскохозяйственные праздники, в особенности те, которые подразумевают посев зерна или сбор урожая, наблюдаются повсюду в мире и во все эпохи являли собой наиболее очевидные и наглядные примеры коллективного сексуального поведения. Аграрное население Алжира отвергает любые попытки ограничить распутство женщин, заявляя, что

¹ Французский хирург, социальный антрополог и писатель, публично дискутировал с Б. Малиновским об институте брака, в 1931 г. опубликовал сразу три работы по теме сексуальных отношений: «Групповой брак и сексуальный коммунизм», «Происхождение любви», «Грех и секс»; автор так называемого «закона Бриффо», который гласит, что «самка, а не самец, определяет у животных все обстоятельства семейной жизни».

² См.: V. F. Calverton and S. D. Schmalhausen (eds.), Havelock Ellis (introduction), *Sex in the History of Civilization*. London, George Allen and Unwin Ltd., 1929. — *Примеч. авт.*

всякое желание навязать сексуальную мораль представляет угрозу полноценной сельскохозяйственной деятельности. Афинские фесмофории, или праздники посева, сохранили в современной утонченной форме исходную суть магии плодородия. Женщины ходили с изображениями фаллоса и произносили вслух непотребные слова. Сатурналии, римские праздники посева, предшествовали карнавалам Южной Европы, и в ходе этих гуляний фаллические символы, мало чем отличающиеся от тех, что популярны среди сиу и дагомейцев, вплоть до недавнего времени занимали важное место¹.

Во многих областях мира можно встретить убеждение, будто луна, воспринимаемая как «мужчина», является истинным отцом всех детей². Такая точка зрения обусловлена, конечно, поклонением луне. Стоит напомнить о любопытном конфликте по поводу лунного и солнечного календарей, пусть этот конфликт не имеет прямого отношения к нашей теме. Календарь во все времена играл важнейшую роль в религии. Англия вплоть до восемнадцатого столетия и Россия вплоть до революции 1917 года продолжали жить по неточному юлианскому кален-

¹ Briffault, *op. cit.*, p. 34. — *Примеч. авт.*

² У маори «луна считается постоянным, или настоящим, мужем всех женщин. Согласно представлениям наших предков и старейшин, брак мужчины и женщины не является делом личного выбора, ибо «настоящий муж — это луна». Аналогичные взгляды известны во многих других странах и, безусловно, олицетворяют переход от стадии, когда отцовство было неизвестно, к стадии полного признания его важности». См.: Briffault, *op. cit.*, p. 37. — *Примеч. авт.*

дарю вследствие распространенного мнения, будто григорианский календарь придуман папистами¹. Точно так же крайне неточные лунные календари пропагандировались жрецами лунного культа; утверждение солнечного календаря шло медленно и трудно. В Египте этот жреческий конфликт даже послужил причиной гражданской войны². Можно предположить, что здесь имела связь с грамматикой, ведь слово «луна» до сих пор имеет мужской род, скажем, в немецком языке. Следы обоих культов, поклонения луне и солнцу, можно отыскать и в христианстве: Христос родился в зимнее солнцестояние³, а Воскресение случилось в пасхальное полнолуние. Было бы некорректно приписывать первобытным цивилизациям какие-либо потуги на

¹ В России григорианский календарь введен декретом Совнаркома в 1918 году; действительно, до революции принятие нового летоисчисления неоднократно откладывалось из-за противодействия православной церкви. В Англии же введение григорианского календаря вызвало череду бунтов под лозунгом «Лучше разойтись с солнцем, чем сойтись с Римом» (поскольку новый календарь был утвержден буллой папы римского Григория XII и первыми на него перешли именно католические страны).

² Имеется в виду конфликт вокруг учреждения солнечного культа при фараоне Эхнатоне, но политический кризис, в том числе с применением насилия, начался уже после смерти фараона.

³ День зимнего солнцестояния в древних культурах — один из важнейших праздников (Йоль и пр.). Кроме того, считалось, что в этот день родился Митра — бог митраизма, популярного религиозного движения и одного из главных соперников христианства; существует гипотеза, что рождение Христа сознательно «назначили» на день зимнего солнцестояния, чтобы новый праздник быстрее укоренился.

рациональность, однако велик соблазн допустить, что солнцепоклонники в итоге восторжествовали (там, где это произошло) именно из-за того, что солнце имеет большее значение в сельском хозяйстве, нежели луна. Недаром сатурналии обычно праздновались весной.

Ряд элементов фаллического культа присутствовал во всех без исключения языческих религиях древности — и в достатке наделял отцов церкви оружием для полемических стычек. Правда, несмотря на немалые полемические усилия, следы фаллического культа благополучно пережили средневековье; лишь протестанты в конце концов преуспели в окончательном его истреблении.

Во Фландрии и Франции достаточно часто встречаются итифаллические святые, например, святой Жиль в Бретани, святой Рене в Анжу, святой Грешюшон в Бурже, святой Рено и святой Арно. Наиболее популярный святой южной Франции, Футен, был по преданию первым епископом Лиона. Когда его святилище в Эмбрюне разрушили гугеноты, колоссальных размеров фаллос этого святого спасли из-под обломков; этот фаллос был багровым от вина, обильно проливавшегося на него просителями, которые видели в освященном таким образом вине верное средство против бесплодия и импотенции¹.

Священная проституция — еще один социальный институт, широко распространенный в древности. Кое-где даже добропорядочные женщины

¹ См.: Briffault, op. cit., p. 40. — *Примеч. авт.*

отправлялись в храм и отдавались либо жрецу, либо случайному незнакомцу. В других местах блудницами оказывались сами жрицы. Вероятно, все подобные обычаи возникли из стремления обеспечить плодородие женщин, заручившись благосклонностью богов, или добиться плодородия культур за счет симпатической магии.

До сих пор мы рассматривали просексуальные элементы религии; однако антисексуальные элементы с незапамятных времен существовали бок о бок с прочими и в итоге — там, где побеждало христианство или буддизм — безоговорочно взяли верх. Вестермарк¹ приводит много примеров «любопытного», как он выражается, «представления, будто есть нечто нечистое и греховное в браке и в сексуальных отношениях в принципе». В самых разных уголках мира под влиянием христианства и буддизма появлялись обители монахов и монахинь, дававших обет безбрачия. У евреев секта ессеев признает нечистыми любые половые контакты. Похоже, это мировоззрение сформировалось еще в древности, причем затронуло даже круги, враждебные христианству. В Римской империи действительно отмечалось общее стремление к аскетизму. Эпикурейство фактически забылось, ему на смену пришел стоицизм, усвоенный многими просвещенными греками

¹ Шведский философ и социолог Э. Вестермарк считается «первым социологом-дарвинистом»; известный вольнодумец своего времени и критик христианства, он изучал, в частности, экзогамию и инцест. Рассел, вероятно, ссылается на его исследование «История человеческого брака» (в 3 т., 1891).

и римлянами. В христианских апокрифах немало пассажей, наводящих на мысль о почти монашеском отношении к женщинам — в противоположность красочному жизнелюбию древних книг Ветхого Завета. Неоплатоники едва ли уступали в аскетичности христианам. Из Персии учение о том, что материальное есть зло, пришло на Запад и убедило, что всякие сексуальные отношения порочны. Такова, пусть и не в своей крайней форме, точка зрения церкви, но рассмотрение церковной доктрины мы оставим до следующей главы. Пока же отмечу то, что бросается в глаза: при определенных обстоятельствах люди спонтанно принимались рассуждать об «ужасах» секса; когда подобное случалось, это было вполне естественным порывом, как и обычное влечение к сексу. Необходимо иметь в виду сказанное выше и трактовать с точки зрения психологии, чтобы сделать вывод, какая именно сексуальная система в наибольшей степени согласуется с человеческой природой.

Нужно указать, прежде всего, что бессмысленно искать в верованиях источник такого отношения. Верования подобного рода опираются в первую очередь на настроение; да, они, когда складываются, могут обременять соответствующее настроение или, во всяком случае, побуждать к поступкам в духе этого настроения, но вряд ли они являются основополагающей причиной антисексуального мировосприятия.

Как мне видится, двумя главными причинами такого мировосприятия являются ревность и сексу-

альная усталость. Везде, где проявляется ревность, даже хотя бы намеками, половой акт кажется отвратительным, а страсть, которая к нему ведет, — грязной и омерзительной. Чисто инстинктивно мужчина, будь у него такая возможность, желал бы, чтобы все женщины на свете любили его и только его; любовь, которую женщины дарят другим мужчинам, порождает в нем эмоции, с легкостью перерастающие в моральное осуждение. Особенно если эта женщина — его жена. У Шекспира, к примеру, мы обнаруживаем, что его мужчины отнюдь не желают страстности в своих женах. Идеальная женщина, по Шекспиру, та, которая принимает объятия мужа из чувства долга, но не помышляет завести любовника, поскольку для нее секс неприятен сам по себе, и она терпит эти контакты лишь потому, что подчиняется моральным установлениям. Обуреваемый инстинктами муж узнает, что жена ему изменила, и преисполняется отвращения — к ней и к ее любовнику; он умозаключает, что ужасен секс как таковой. Причем это случится почти наверняка, если он лишился мужской силы из-за излишеств или преклонного возраста. А поскольку стариков общество уважает больше, чем молодых, их мнение о сексе естественным образом становится официальным и правильным, вопреки воззрениям «не знающей жизни» молодежи.

Сексуальная усталость есть порождение цивилизации; полагаю, она совершенно неизвестна животным и крайне редко встречается у нецивилизованных народов. В полигамном браке она вряд ли

возможна, разве что в самой малой степени, поскольку именно новизна ощущений влечет большинство мужчин к физиологическим излишествам. Столь же маловероятно, что усталость возникнет там, где женщины вольны отказывать в благосклонности, ибо в этом случае они, как и самки животных, будут требовать ухаживаний перед каждым контактом — и не одарят поклонника благосклонностью, пока не увидят, что достаточно разожгли в нем страсть. Это чисто инстинктивное ощущение (и поведение) исчезает под воздействием цивилизации. Существенную роль в его исчезновении сыграли экономические факторы. Замужние женщины и проститутки одинаково зарабатывают на жизнь с помощью сексуальных чар, и для них слишком большая роскошь — отдаться мужчине даром, повинувшись половому инстинкту. Тем самым значительно ослабилось влияние ухаживания, которое в природе выступает способом защиты от сексуальной усталости. Следовательно, мужчины, которых больше не ограничивает довольно жесткая этика, проявляют склонность к излишествам; в конце концов возникает чувство пресыщения и отвращения, что естественным образом воплощается в аскетических убеждениях.

Поскольку ревность и сексуальная усталость часто идут рука об руку, антисексуальные настроения могут получить сильную поддержку в обществе. Думаю, это основная причина распространения аскезы даже в крайне распущенных обществах.

У безбрачия как исторического явления, впрочем, отыскиваются и иные корни. Жрецы и жрицы, посвящавшие жизнь служению божествам, могли считаться супругами этих божеств, и потому им полагалось воздерживаться от любых сексуальных контактов со смертными. Им, разумеется, приписывали исключительную святость, и так сложилась и закрепилась связь безбрачия и святости. Даже сегодня в католической церкви монахинь именуют Христовыми невестами. Это, безусловно, одна из причин, по которой им возбраняется вступать в отношения с простыми смертными.

Подозреваю, что имеются и другие причины, менее очевидные, нежели описанные выше, и объясняющие возникновение аскетизма в Древнем мире на его закате. Бывают эпохи, когда жизнь кажется яркой, когда мужчины энергичны, когда радостей этого мирского бытия вполне достаточно для обретения полного удовлетворения. Но бывают эпохи, когда люди страдают от утомления, когда сей мир и его радости не приносят счастья, когда люди принимают искать духовное утешение или возлагать надежды на загробную жизнь, где восполнится природная пустота поскостороннего существования. Сравним Соломона Песни Песней с Соломоном книги Экклезиаста: первый воплощает Древний мир в его расцвете, второй — в упадке. В чем тут кроется различие, я не могу определить вследствие недостатка знаний. Возможно, объяснение очень простое и чисто физиологическое — скажем, малоактивный образ жизни в городе вместо активной жизнедеятельности.

тельности на свежем воздухе; или у стоиков шалила печень; или же автор книги Экклезиаста думал, что все вокруг суета сует, поскольку делал мало физических упражнений. Как бы то ни было, подобное мировосприятие, без сомнения, могло привести и привело к осуждению секса. Вероятно, причины, которые мы обозначили, наряду с другими внесли свой вклад в общую усталость, свойственную поздней античности, и этот аскетизм усталости стал одной из особенностей последней. К сожалению, христианская этика формировалась именно в этот декадентский и унылый период. Жизнелюбивые мужчины и женщины поздней античности были вынуждены как-то приноравливаться к правилам жизни болезненных, утомленных и разочарованных особ, которые напрочь утратили всякое представление о биологических ценностях и о непрерывности человеческой жизни. Но подробнее об этом мы поговорим в следующей главе.

Глава 5

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА

Как пишет Вестермарк, «скорее, брак укоренен в семье, а не семья в браке». Подобный взгляд казался банальностью в дохристианские времена, но с утверждением христианства сделался важным положением, которое следовало постоянно озвучивать и доказывать. Христианство устами апостола Павла предложило обществу совершенно новый взгляд на институт брака. Согласно новой доктрине, мужчина и женщина вступают в брак не ради рождения детей, а для того, чтобы удержаться от блуда.

Мнение апостола Павла о браке изложено в Первом послании к Коринфянам с ясностью, которая не оставляет простора для иных толкований. Похоже, что коринфские христиане, как ни удивительно, практиковали отношения со своими мачехами (1 Кор. 5: 1)¹, и апостол полагал, что эту практику необходимо прекратить. Позволю себе процитировать апостола Павла (1 Кор. 7: 1–9):

¹ «Некто вместо жены имеет жену отца своего».

А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины.

Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа.

Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу.

Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена.

Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим.

Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление.

Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе.

Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я.

Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.

Сразу бросается в глаза, что святой Павел нигде не говорит о детях; биологическая цель брака представляется ему совершенно неважной. Это вполне естественно, поскольку он считал Второе пришествие неизбежным и верил, что мир обречен вскоре погибнуть. Когда состоится Второе пришествие, людей разделят на агнцев и козлищ, и единственное, что действительно важно — оказаться среди первых. Святой Павел утверждал, что половые отношения, даже в браке, могут воспрепятствовать спасению

(1 Кор. 7: 32–34)¹. Тем не менее, спасение достижимо и для состоящих в браке, а вот прелюбодеяние является смертным грехом: нераскаявшийся блудодей всенепременно попадет в число козлиц. Помнится, мой врач однажды посоветовал мне отказаться от курения, и прибавил, что будет легче это сделать, если я буду класть под язык кислую таблетку, когда возникнет желание закурить. Именно так апостол Павел рассуждает и о браке. Он вовсе не говорит, что брак столь же приятен, как блуд, но полагает, что брак позволит слабым в вере братьям противостоять искушению; он ни словом не упоминает о том, что брак есть благо или что привязанность между мужем и женой может быть прекрасной и желательной, а также не выказывает ни малейшего интереса к семье; его заботит только блуд, и вся сексуальная этика апостола строится вокруг этого понятия. А ведь это все равно что сказать, будто единственная причина выпекания хлеба — желание помешать людям воровать пироги. Святой Павел не соизволил объяснить, в чем, по его мнению, заключена порочность блуда. Можно заподозрить, что, отвергнув Моисеевы заповеди и обретя тем самым возможность употреблять в пищу свинину, апостол все же стремится показать, что в своей морали он по-прежнему строг, как подобает ортодоксальным

¹ «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом, и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу».

иудеям. Быть может, долгие столетия запрета на поедание свинины сделали последнюю для иудеев желанной не меньше блуда, а потому святому Павлу пришлось дополнительно подчеркивать аскетическую сторону своего вероучения.

Осуждение блуда как такового было новшеством для христианской религии. Ветхий Завет, наряду со сводами законов ранних цивилизаций, запрещал прелюбодеяние, но под этим подразумевалось сожитительство с замужней женщиной. Это очевидно каждому, кто удосужится внимательно изучить Ветхий Завет. Например, когда Авраам отправляется в Египет с Саррой, в беседе с царем он называет Сарру своей сестрой, и царь, поверив словам, берет ту в свой гарем; когда впоследствии выясняется, что она жена Авраама, царь ужасается невольно совершенному греху и упрекает Авраама в том, что тот искажил факты¹. Перед нами типичный обычай древности. Женщина, вступившая в половые отношения вне брака, подвергалась осуждению, а вот мужчину не осуждали, если только он не «возлегал с женой ближнего»: в этом случае его обвиняли в покушении на чужую собственность. Христианские воззрения на половые отношения вне брака как на аморальные основывались, как следует из приведенных выше слов апостола Павла, на убеждении, будто всякие сексуальные контакты, даже в браке, достойны сожаления. Это мнение, противоречащее биологическим фактам, может рассматриваться людьми здра-

¹ Быт. 10:11–20.

вомыслящими исключительно как нездоровое отклонение. Тот факт, что оно проникло в христианскую этику, превратил христианство в движение, тяготеющее к психическим расстройствам и ущербному мировосприятию; так было на всем протяжении существования этой религии.

Взгляды апостола Павла были усвоены и ужесточены ранней церковью; безбрачие почиталось как богоугодное дело, мужчины удалялись в пустыню сражаться с сатаной, искушавшим их воображение похотливыми видениями.

Церковь осуждала посещение бань на том основании, что любая попытка сделать свое тело более привлекательным ведет к греху. Грязь восхвалялась, а запах святости, скажем так, становился все более и более едким. «Чистота тела и его одежд, — говорила святая Паула¹, — есть нечестивость души»². Вшей называли Божьими жемчужинами; если они кишмя кишели на человеке, это трактовалось как несомненный признак святости.

Святой Авраам, отшельник, который прожил пятьдесят лет после своего обращения в христианство, категорически отказывался после обращения умываться и мыть ноги. Говорят, он был человеком необычайной красоты, и его биограф, что несколько странно, отмечает: «лицо отражало чистоту его

¹ Римская христианка из знатной семьи, сподвижница святого Иеронима, следом за которым отправилась на Ближний Восток и основала женский монастырь в Вифлееме.

² См.: Havelock Ellis, *Studies in the Psychology of Sex*, vol. IV, p. 31. — *Примеч. авт.*

души». Святой Аммон никогда не видел себя обнаженным. Знаменитая девственница по имени Сильвия, хотя ей было шестьдесят лет от роду и она страдала от телесной болезни, вызванной образом жизни, наотрез отказывалась — по религиозным соображениям — омыwać любую часть тела кроме пальцев рук. Святая Евпраксия присоединилась к обители, где уже жили сто тридцать монахинь, которые никогда не мыли ног и содрогались при одном упоминании бани. Некий анахорет однажды вообразил, что дьявол искушает его иллюзиями, когда увидел, как по пустыне движется обнаженное существо, черное от грязи и многолетнего пребывания на солнце, с седыми волосами, что развевались на ветру. Это была ранее прекрасная святая Мария Египетская, которая таким вот образом на протяжении сорока семи лет искупала свои грехи. Случайное соблюдение монахами правил человеческого общежития неизменно становилось поводом для огорчения и упреков. «Наши отцы, — заявил аббат Александр, рассуждая о прошлом, — никогда не умывались, зато мы часто посещаем общественные бани». Об одном монастыре в пустыне рассказывали, что его монахи сильно страдали из-за нехватки питьевой воды; по молитве настоятеля Феодосия из песка забил обильный родник. Но вскоре некоторые монахи, соблазненные доступностью воды, отринули былую аскезу и убедили настоятеля разрешить строительство бани. Когда баню построили и когда монахи — в первый и последний раз — насладились омовением, родник мгновенно оскудел.

Молитвы, слезы и пост — все было напрасно. Так минул целый год. Наконец настоятель распорядился разрушить баню, явно вызвавшую божественное неудовольствие, и вода вновь потекла»¹.

Очевидно, что при преобладании подобных взглядов на секс половые отношения, когда они все-таки случались, бывали обыкновенно грубыми и резкими — моментальными, как выпивка в период «сухого закона»². Искусство любви оказалось забыто, а брак ожесточился.

Распространяемые аскетами убеждения запечатлевали в умах глубокие и стойкие убеждения в значимости целомудрия, но, при всей их несомненной важности, в значительной мере опровергались своим вредным воздействием на брак. Несколько наиболее показательных случаев выделяются из общей огромной массы патристических³ сочинений; но в целом трудно вообразить нечто более грубое или омерзительное, чем это отношение к браку. Взаимосвязь, изобретенную природой ради благородной цели противостояния смерти, и, как показал Линней, простирающуюся даже в царство цветов, отныне во всеуслышание объявили следствием грехопадения Адама, из-за чего брак стал трактоваться исключительно как наименьшее из зол. Нежная любовь, которая в нем подразумевается, святые

¹ См.: W. E. H. Lecky, *History of European Morals*, vol. II, pp. 117–118. — *Примеч. авт.*

² Имеется в виду «сухой закон» в США (1917–1933 гг.).

³ Патристика — учения отцов церкви (философия, теология, литургия).

и прекрасные домашние отношения, которые из него вытекают, — все это почти целиком исключили из рассмотрения. Целью аскезы было обратить людей в целомудренную жизнь, а брак признавался необходимым промежуточным состоянием на пути к этой цели. Считалось, что он желателен и, следовательно, оправдан для размножения и для избавления рода людского от большего зла, но все же это было проявление упадка, от которого надлежало бежать всем, кто жаждал истинной святости. «Вырубить топором девственности лес брака», как красочно выразился святой Иероним, — в этом заключалось предназначение святого; если святые соглашались прославлять брак, то лишь потому, что этот институт оберегал добрачную девственность. Даже когда заключался брачный союз душ, аскетическая змея продолжала высовывать жало. Мы уже видели, как ее яд омрачал прочие стороны семейной жизни. А в плотские отношения, святейшие среди всех, яд вливался десятикратно. Всякий раз, когда муж или жена становились жертвой религиозного рвения, это губило счастливый союз. Религиозный супруг немедленно испытывал желание предаться одинокой аскезе или хотя бы, если полное отчуждение не представлялось возможным, вести неестественную жизнь в разлученном браке. Обилие рассуждений на эту тему в наставительных трудах отцов церкви и в преданиях о святых наверняка знакомо всем, кто когда-либо обращался к подобной литературе. Приведем толику примеров. Святой Нил, у которого было двое детей, внезапно поддался фантазиям

об аскезе и убедил жену, пролившую немало слез, смириться с предстоящей разлукой. Святой Аммон в ночь своего бракосочетания изводил молодую жену разглагольствованиями о пороках супружеской жизни, и новобрачные решили расстаться по взаимному согласию. Святая Мелания долго и усердно старалась убедить своего мужа позволить ей уйти из супружеской постели, и тот в конце концов согласился. Святой Авраам бежал от жены в ночь свадьбы. Святой Алексий, согласно несколько более поздней легенде, поступил так же, но много лет спустя вернулся из Иерусалима в отцовский дом, где жена продолжала оплакивать его уход, и был принят под кров из милосердия; там он жил до кончины, презираемый и никем не признанный»¹.

Впрочем, католическая церковь не отвергала биологию столь резко, как апостол Павел или отшельники Фиваиды². Из слов апостола Павла вытекает, что брак следует считать исключительно более или менее приемлемым способом удовлетворения похоти. При этом никакие речения апостола не дают повода полагать, будто он призывал к контролю над рождаемостью; напротив, очевидно, что Павел посчитал бы опасным воздержание в период беременности и родов. Церковь же рассудила иначе.

¹ См.: W. E. H. Lecky, *History of European Morals*, vol. II, pp. 339–341. — *Примеч. авт.*

² Область в Египте, куда в IV–V столетиях активно стремились христианские монахи; помимо многочисленных монастырей, в Фиваиде также развивалось аскетическое (отшельническое) движение, начало которому положил святой Антоний (см. далее).

Брак в ортодоксальной христианской доктрине преследует две цели: одну признавал апостол Павел, другая же состоит в деторождении. В результате сексуальная мораль сделалась еще строже, если сравнивать с заповедями апостола Павла. Сексуальные контакты легитимны только в браке, но даже между мужем и женой они становятся грехом, если совершаются без стремления к зачатию. Желание обзавестись законным потомством являлось, по учению католической церкви, единственным оправданием сексуальных отношений. Но этот мотив использовался всегда и везде, какой бы жестокостью он ни сопровождался. Если жена ненавидит сексуальные контакты, если она рискует умереть при следующих родах, если ребенок с известной вероятностью родится больным или безумным, если у семьи недостаточно средств, чтобы не допустить крайних проявлений нищеты — разве это не причина для мужчины отказываться от неуклонного исполнения супружеских прав, пускай он руководствуется благой целью зачать ребенка?

Католическая доктрина здесь демонстрирует двойное основание: с одной стороны, она опирается на аскетизм, который мы обнаружили в словах апостола Павла; с другой стороны, она утверждает, что люди должны привести в этот мир как можно больше душ, ибо всякая душа заслуживает спасения. Почему-то — лично я не понимаю, почему именно — тот факт, что всякая душа может подвергнуться вечному проклятию, не принимается во внимание, но при этом о нем вспоминают, когда речь

заходят о других. Например, католики используют свое политическое влияние, чтобы помешать протестантам реализовывать на практике контроль над рождаемостью и одновременно фактически обрекают своими политическими действиями подавляющее большинство детей протестантов на вечные мытарства за гробом. Такие поступки выглядят не слишком-то красиво, но, разумеется, в религиозной среде есть свои таинства, суть которых не постичь непосвященному.

Признание за детьми положения цели брака обнажает слабости католической доктрины. Эта доктрина всячески доказывает, что сексуальные отношения родителей никоим образом не побуждают детей к греху. Но она никогда не заходила настолько далеко, чтобы допускать расторжение брака по причине бесплодия. Сколь бы горячо мужчина ни желал обзавестись детьми, если сложится так, что его жена бесплодна, он не отыщет ни утешения, ни совета в христианской этике. Дело в том, что позитивная цель брака, а именно деторождение, играет откровенно второстепенную роль; главной же целью остается, как было и для святого Павла, предотвращение греха. Иными словами, важнее всего по-прежнему блуд, а брак продолжает восприниматься лишь как чуть менее прискорбная альтернатива.

Католическая церковь попыталась прикрыть это неприятие брака учением о том, что брак представляет собой таинство. Практическая ценность этого учения заключается в том, что брак признается нерасторжимым. Что бы ни делал любой из супругов

(быть может, обезумел, заразился сифилисом, превратился в запойного пьяницу, стал открыто жить с другим/другой), отношения супругов остаются священными; да, в отдельных случаях может быть даровано разрешение на разделение по принципу *a mensa et toro*¹, но вот права на повторное вступление в брак можно и не дожидаться. Эта стойкость церкви, конечно, причинила немалый урон, но ведь Бог заповедал страдать, и людям приходится терпеть во исполнение Его воли.

Правда, всегда придерживаясь этого чрезвычайно строгого правила, католицизм предлагал и определенную степень свободы относительно того, что считать грехом. Церковь признавала, что от обычного человека нельзя ожидать беспрекословного и безукоризненного соблюдения всех предписаний, поэтому священники были готовы отпускать грех блуда, если грешник соглашался на покаяние. Такая практическая терпимость являлась инструментом укрепления власти священства, поскольку лишь клирики могли производить отпущение грехов, а без отпущения блуд обрекал индивида на вечное проклятие.

Протестанты мыслили себе картину несколько по-иному, в теории менее сурово, а на практике — в некоторых вопросах — даже более сурово. Лютер признавался, что был очарован фразой «Лучше вступить в брак, чем разжигаться», и влюбился в мона-

¹ «(Отлучить) от стола и ложа» (*лат.*), в римском праве форма фактического развода супругов при формальном сохранении брака.

хиню. Он утверждал, что, несмотря на обеты безбрачия, они с этой монахиней вправе сочетаться браком, едва ли даже не обязаны так поступить, ибо в противном случае, учитывая силу его страсти, он окажется ввергнут в смертный грех. Протестантизм, соответственно, отказался от прославления целибата, свойственного католической церкви, и везде, где было возможно, отвергал доктрину о таинстве брака, а также терпимо относился к разводу при смягчающих обстоятельствах. Но протестантов еще сильнее, чем католиков, шокировал блуд, и в целом они жестче придерживались моральных установок. Католическая церковь ожидала от паствы совершения грехов и была готова их отпускать; протестанты, напротив, отринули католические практики исповеди и отпущения, тем самым поместив грешников в гораздо более безнадежное положение. Следствия этого решения несложно разглядеть в современной Америке, где развестись чрезвычайно просто, но где адюльтер осуждается куда суровее, чем в большинстве католических стран.

Ясно, что вся система христианской этики, равно католической и протестантской, нуждается в пересмотре, насколько это возможно, для избавления от предрассудков, к которым предрасполагает христианское образование. Внушаемые и повторяемые убеждения, особенно в раннем детстве, настолько глубоко укореняются в нас, что даже те из нас, кто на словах придерживается свободных взглядов, подсознательно все же привержены ортодоксальным принципам. Мы должны отыскать честный ответ на

вопрос, что побуждает церковь осуждать блуд как таковой. Верим ли мы, что у церкви имелись веские основания для такого осуждения? Или, даже если не верим, нет ли иных оснований, отличных от приводимых церковью, но подталкивающих к тому же выводу? Позиция ранней церкви, признававшей нечистоту сексуальных контактов, сводилась к тому, что такие контакты допустимы при соблюдении ряда предварительных условий. Саму по себе эту позицию нужно охарактеризовать как сугубое суеверие; в предыдущей главе (где речь шла об антисексуальном отношении) я перечислил причины, которые, на мой взгляд, привели к такому отношению к сексу; иными словами, те, кто впервые выразил подобное мнение, наверняка страдали — от телесного или душевного заболевания (или от того и другого вместе). Тот факт, что данная позиция получила широкое распространение, ничуть не доказывает, что ее нельзя считать абсолютно абсурдной; вообще-то ввиду очевидной глупости большей части человечества широко распространенное мнение куда вероятнее окажется нелепым, чем разумным. Обитатели островов Пелью¹ искренне убеждены, что прокалывание носа служит залогом вечного блаженства². Европейцы же думают, что для этого лучше намочить голову и произнести конкретные слова. Вера жителей Пелью признается суеверием; вера европейцев — краеугольный камень нашей святой религии.

¹ Острова в заливе Карпентария у северного побережья Австралии.

² См.: Westermarck, op. cit., p. 170. — *Примеч. авт.*

Иеремия Бентам составил таблицу человеческих удовольствий и страданий, в которой всякое действие помещалось в один из трех столбцов, в зависимости от того, желают ли люди его прославить, осудить или относятся нейтрально¹. Так, в одном столбце мы находим «обжорство», а напротив него, в следующем столбце, «любовь к удовольствиям общественного толка». Или же обнаруживаем в столбце с евлогистическими² характеристиками мотивов «общественный дух», а напротив него, в следующем столбце, «злобу». Всем, кто хочет четко осознавать этические проблемы, рекомендую приучить себя к мысли, что почти всякое слово обвинения имеет синоним с выражением похвалы, и приобрести привычку употреблять слова, которые лишены характера прославления или осуждения. Слова «прелюбодеяние» и «блуд» настолько сильно заряжены моральным осуждением, что при их употреблении крайне затруднительно мыслить ясно. Впрочем, есть и другие слова, употребляемые теми сладострастными сочинителями, которые желают ослабить наши моральные устои: такие писатели рассуждают о «галантности» и «любви, свободной от холодных

¹ Имеется в виду сочинение И. Бентама «Таблица побуждений к действиям, показывающая некоторые разновидности удовольствий и страданий, коим подвержена человеческая натура, с приложением некоторых увлечений, желаний и устремлений, с ними соотносящихся, а также некоторых наборов обвинений, беспристрастных суждений, евлогий и дислогий, каковыми каждое устремление обыкновенно обозначается, и к чему добавлены пояснения и наблюдения» (1817).

² Т. е. рациональными.

уз закона». Оба набора слов предназначены провоцировать предрассудки; если мы хотим мыслить беспристрастно, следует избегать того и другого набора. К сожалению, это неизбежно должно сказаться в худшую сторону на литературной стилистике. Слова похвалы и обвинения чрезвычайно наглядны, красочны и любопытны. Читатель может увлечься инвективой или панегириком, и с незначительными усилиями автор способен направить его эмоции в любом желаемом направлении. Однако мы хотим обратиться к разуму и потому должны использовать скучные нейтральные фразы, такие как «внебрачные сексуальные отношения». Тем не менее, это, быть может, чересчур аскетичная для восприятия формулировка, ведь мы имеем дело с ситуацией, где присутствуют сильнейшие эмоции; если увлеченно предаваться искоренению эмоций из наших текстов, мы рискуем потерять смысл того, о чем рассуждаем. Применительно ко всем сексуальным вопросам налицо полярность мнений, определяемая тем, как они описываются с точки зрения их участников или завистливых посторонних. Наши поступки, без сомнения, «галантны»; поведение других, безусловно, «блудливо». Я рекомендую воздерживаться от эмоционально окрашенных слов там, где это возможно, и в целом довольствоваться нейтральной и научно корректной фразеологией.

Христианская этика неизбежно, в силу упора на сексуальную добродетель, сделала очень многое для того, чтобы ухудшить положение женщин. Поскольку моралисты были мужчинами, женщина выступа-

ла для них искусительницей и соблазнительницей; будь они женщинами, аналогичная роль досталась бы мужчине. Так как женщина соблазняет, желательно ограничить ее возможности вводить мужчин в искушение; следовательно, добропорядочных женщин начали все плотнее окружать предписаниями, а тех женщин, которые не блюли добропорядочность и потому считались грешницами, старательно поносили и обесславливали. Фактически лишь в наши дни женщины вернули себе ту степень свободы, которой они обладали в Римской империи. Патриархальная система, как мы видели, немало сделала для порабощения женщин, но во многом это удалось преодолеть буквально накануне появления христианства. После Константина у женщин опять отняли свободу под предлогом защиты от греха. Только с упадком представления о греховности в нынешние дни женщины начали заново возвращать себе свободу.

Сочинения отцов церкви полны инвектив против женщин.

Женщина воображалась преддверием ада, матерью всех человеческих пороков. Ей следовало стыдиться уже самого того факта, что она является женщиной. Она должна была жить в постоянном позоре, непрерывно искупать вину за беды, навлеченные ею на мир. Ей надлежало стыдиться за платье, в котором усматривали памятник ее падению. В особенности же следовало стыдиться красоты, ибо красота есть наиболее грозное оружие демонов. Физическая красота действительно стала одно время главной темой церковных доносов, хотя, как кажется, тут имеется

единственное примечательное исключение; исследователи отмечали, что в Средние века надгробные образы на могилах епископов поражали своей красотой. В шестом столетии некий провинциальный совет даже запретил женщинам, из-за их нечистоты, принимать облатку на причастии голыми руками. Словом, их откровенно подчиненное положение тщательно и постоянно поддерживалось¹.

Законы о собственности и наследовании тоже изменили, обратив против женщин, и лишь стараниями вольнодумцев времен французской революции дочери вернули себе право на получение наследства.

¹ См.: W. E. H. Lecky, *History of European Morals*, vol. II, pp. 357–358. — *Примеч. авт.*

Глава 6

РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

С утверждением христианства и последующим нашествием варваров взаимоотношения мужчин и женщин опустились до жестокости, неведомой Древнему миру, что существовал на протяжении многих столетий. Да, Древний мир был суров, но отнюдь не жесток. А вот в «темные века» религия и наследие варварства способствовали деградации сексуальной стороны жизни. Жена не имела в браке никаких прав; при этом никто и не помышлял об обуздании природного зверя в нецивилизованных самцах. Безнравственность в Средневековье распространилась широко во всем своем омерзительном естестве; епископы открыто предавались греху с собственными дочерьми, архиепископы пропихивали своих смазливых фаворитов на прибыльные должности¹. Вопреки убеждению, что духовенству надлежит соблюдать целибат, житейские практики

¹ См.: С. Lea, *History of the Inquisition in the Middle Ages*, vol. 16 pp. 9, 14. — *Примеч. авт.* Рус. пер.: Ли Ч. *История инквизиции*. М.: Эксмо, 2007. — *Примеч. ред.*

опровергали церковные заповеди. Папа Григорий VII не покладая рук трудился над тем, чтобы заставить священников избавиться от наложников и наложниц, но Абеляр, напомню, подумывал жениться на Элоизе, несмотря на неизбежный скандал, который должна была вызвать эта женитьба¹. Лишь к концу тринадцатого столетия обет безбрачия для духовенства начал соблюдаться. Разумеется, церковники продолжали заводить интрижки с женщинами, но уже не могли оправдывать свои поступки тем, что не совершают ничего предосудительного, ничего аморального и греховного. А сама церковь, ввиду аскетических взглядов на секс, ничего не делала для облагораживания представления о любви. Посему заняться этим пришлось мирянам².

Неудивительно, что, нарушив единожды свои клятвы и погрузившись в греховную жизнь, духовенство вскоре пало намного ниже мирян в своем поведении. Наглядной демонстрацией такого падения служат история папы Иоанна XXIII, осужденного за инцест, помимо прочих преступлений, и за прелюбодеяние; или история аббата обители Святого Августина в Кентербери, у которого в 1171 году нашли семнадцать незаконнорожденных детей в одной деревне; или история настоятеля обители Святого Пелайо в Испании, который, как было доказано в 1130 году, содержал не менее семидесяти наложниц;

¹ Французский богослов П. Абеляр жил в незаконном браке со своей ученицей Элоизой, которая родила от него сына и тайно обвенчалась с Абеляром, но впоследствии расторгла брак.

² В католическом (но не православном) толковании миряне — все, кто не принадлежит к духовенству и монашеству.

или история Генриха III, епископа Льежского, которого сняли с должности в 1274 году за то, что у него обнаружилось шестьдесят пять незаконнорожденных детей. Невозможно отмахнуться от свидетельств, которыми пестрят решения церковных соборов и сочинения церковных авторов — и которые рисуют картину куда более отвратительную, нежели простое сладострастие с наложницами. Отмечалось, что, когда священнослужители обзаводились женами, осознание незаконности подобных отношений роковым образом сказывалось на мужской верности, так что двоеженство и чрезвычайная ветреность в отношениях проявлялись повсеместно. Средневековые авторы приводят множество описаний женских монастырей, являвшихся, по сути, борделями, перечисляют многочисленные случаи детоубийств в их стенах и не устают сетовать по поводу закоренелой приверженности духовенства инцесту, снова и снова призывая обрушивать строжайшие кары на головы тех священнослужителей, кто живет со своими матерями или сестрами. Протиестественная любовь, которая во многом стараниями христианства практически исчезла из этого мира, возродилась, если верить современникам, в мужских и женских монастырях; вдобавок незадолго до Реформации потоком хлынули жалобы на то, что исповедальни используются для разврата¹.

На протяжении всего периода Средних веков бытовало прелюбопытное расхождение между греко-римскими традициями церкви и тевтонскими традициями аристократии. Совокупно они внесли немалый вклад в развитие цивилизации, но каждая по-своему, и различие здесь принципиально. Цер-

¹ См.: W. E. H. Lecky, *History of European Morals*, vol. II, pp. 350–351. — *Примеч. авт.*

ковь подарила обществу образование, философию, каноническое право, концепцию единства христианского мира — все это плоды традиции, восходящей к средиземноморской античности. Миряне же причастны к формированию обычного права, принципов светского управления, рыцарства, поэзии и романтики. С учетом темы этой книги нас более всего интересует романтическая любовь.

Утверждать, что о романтической любви не знали до Средних веков, было бы некорректно, однако только в Средневековье она превратилась в общепризнанную форму страсти. Суть романтической любви состоит в том, что предмет воздыханий воображается крайне труднодоступным и потому драгоценнейшим. Следовательно, пристальное внимание уделяется стараниям завоевать расположение возлюбленной — через поэзию, песни, поединки и любые иные способы, которые будут сочтены приятными для дамы. Вообще убежденность в неизмеримой ценности женщины оказывала психологическое воздействие на стремление ею обладать, и, на мой взгляд, следует отметить, что, когда мужчине не составляет труда заполучить женщину, его чувства к ней ни за что не примут облик романтической любви. Если судить по картине Средних веков, романтическая любовь первоначально не подразумевалась для женщин, с которыми мужчина состоял в законных или незаконных сексуальных отношениях; она была направлена на женщин высочайшей добропорядочности, отделенных от своих романтических поклонников непреодолимыми преградами

морали и условностей. Церковь столь преуспела в своем стремлении внушить людям ощущение природной нечистоты секса, что стало невозможным испытывать какие-либо поэтические чувства к женщине, если та не считалась недостижимой. А потому любовь, дабы в ней имелась хоть какая-то красота, должна была быть платонической. Современным людям крайне сложно постичь образ мышления поэтов-воздыхателей Средневековья. Те славили искреннюю преданность без всякого стремления к близости, и нам с вами это кажется настолько непонятным, что мы усматриваем в такой любви литературную условность. Но любовь Данте к Беатриче, выраженная в «Новой жизни», никак не назовешь простой условностью; нахожу своим долгом подчеркнуть: напротив, перед нами чувство более страстное, нежели доступно большинству современных людей. Благородные мужи Средневековья неодобрительно относились к этим пагубам мирской жизни; наши человеческие инстинкты они считали следствием развращенности и плодами первородного греха; они ненавидели тело и телесные желания; чистая радость получала у них единственно возможное выражение в экстатическом созерцании, лишенном, похоже, всякого сексуального очарования. В любви подобные воззрения не могли породить того восхищения, которое обнаруживается у Данте. Средневековый мужчина, который истово любит и уважает женщину, попросту не в состоянии помыслить о половом контакте с нею, ибо все сексуальные отношения для него более или менее не-

чисты; значит, его любовь приобретала поэтические и образные формы, что, естественно, наполняло ее символизмом. Это непосредственно сказывалось на литературном творчестве, о чем можно судить по возникновению и развитию любовной поэзии — от зарождения при дворе императора Фридриха II до расцвета в эпоху Возрождения¹.

С моей точки зрения, одним из лучших описаний любви в Средние века является отрывок из книги Хейзинги «Осень Средневековья» (1924):

С тех пор как в напевах провансальских трубадуров XII в. впервые зазвучала мелодия неудовлетворенной любви, струны желания и страсти звенели со всё большим надрывом... Разумеется, Античность тоже воспевала томления и страдания из-за любви; но разве не видели тогда в томлении всего лишь отсрочку и залог верного завершения? А в печальных финалах античных любовных историй самым напряженным моментом было не препятствие желанию, но жестокое разделение уже соединившихся любовников внезапно вторгшейся смертью — как в повествованиях о Кефале и Прокриде или о Пираме и Фисбе. Чувство печали было вызвано не эротической неудовлетворенностью, а злосчастной судьбой. И только в куртуазной любви трубадуров именно неудовлетворенность выдвигается на первое место. Создается форма эротического мышления, способная вобрать в себя избыточное этическое содержание, при том что связь с естественной любовью к женщине

¹ Имеется в виду император Священной Римской империи из династии Гогенштауфенов (годы правления 1220–1250), покровитель наук и искусств; впрочем, поэзия, о которой пишет автор, расцвела при дворе Фридриха как короля Сицилии, а в этом королевстве правитель был известен как Фридрих I.

нисколько не нарушается. Именно из чувственной любви проистекало благородное служение даме, не притязующее на осуществление своих желаний. Любовь стала полем, на котором можно было возвращать всевозможные эстетические и нравственные совершенства. Благородный влюбленный — согласно этой теории куртуазной любви — благодаря своей страсти становится чистым и добродетельным. Элемент духовности приобретает всё большее значение в лирике; в конечном счете следствие любви — состояние священного знания и благочестия, *la vita nuova... Dolce stil nuovo* [Сладостный новый стиль] Данте и его современников был доведен до предела. Уже Петрарка колеблется между идеалом одухотворенной куртуазной любви и тем новым вдохновением, которое вызывала Античность. А от Петрарки до Лоренцо Медичи любовная песнь проделывает в Италии обратный путь, возвращаясь к той естественной чувственности, которая пронизывала чарующие античные образцы. Искусно разработанная система куртуазной любви вновь предается забвению»¹.

Даже платонизм Возрождения — уже проявлявшийся хотя бы при дворах правителей — не привел к восстановлению нюансов куртуазности, когда новая эротическая поэзия сделалась одухотворенной.

Впрочем, во Франции и Бургундии все происходило несколько иначе, чем в Италии, поскольку круг аристократических представлений французов о любви определялся «Романом о розе», где, конечно, опи-

¹ Здесь и далее пер. Д. Селиверстова. Следует отметить, что в тексте Рассела цитаты из «Осени Средневековья» приводятся достаточно вольно — и порой автор «домысливает» сказанное у Хейзинги, выдавая свои соображения за цитирование. — *Примеч. пер.*

сывалась рыцарская любовь, но не утверждалось, что она должна оставаться неудовлетворенной. Фактически это было восстание против учения церкви, своего рода языческое утверждение права любви наполнять жизнь. Как пишет Хейзинга:

Чрезвычайно важно и то, что господствующий класс целой эпохи приобретал знание жизни и эрудицию исключительно в рамках, очерченных *ars amandi*. Ни в какую иную эпоху идеал светской культуры не был столь тесно сплавлен с идеалом любви к женщине, как в период с XII по XV в. Системой куртуазных понятий были заключены в рамки любви все христианские добродетели, общественная нравственность, всё совершенствование форм жизненного уклада. Эротическое жизневосприятие, будь то в традиционной, чисто куртуазной форме, будь то в воплощении «Романа о розе», можно поставить в один ряд с современной ему схоластикой. И то, и другое выражало величайшую попытку средневекового духа всё в жизни рассматривать под одним углом зрения.

Это была эпоха чрезвычайной грубости, но та любовь, которую отстаивал «Роман о розе», не добродетельная с позиции клира, но утонченная, галантная и нежная, была доступна, конечно же, лишь аристократии; она предполагала наличие досуга — и известную свободу от церковной тирании. Турниры, в которых любовные мотивы занимали важное место, осуждались церковью, но церковь при этом оказалась бессильной их запретить; точно так же она не могла искоренить саму систему рыцарской любви. В нашу демократичную эпоху мы склонны забывать о том, чем мир обязан аристократии.

В данном случае возрождение любви, случившееся в период Ренессанса, не было бы столь успешным, не проложи ему путь романтическое рыцарство.

В эпоху Возрождения, вследствие явного отвращения к язычеству, платоническую сторону любви обыкновенно отвергали, пускай она по-прежнему оставалась поэтической. Точка зрения Ренессанса на средневековые условности очевидна в истории Дон Кихота и его Дульсинеи. Тем не менее, средневековая традиция сохраняла свое влияние; в «Астрофиле и Стелле» Сидни¹ это проявляется наглядно, да и сонеты Шекспира, обращенные к «господину У. Х.»², явно подвержены ее влиянию. Однако в целом любовная поэзия эпохи Возрождения показательно весела и прямолинейна.

«Не смейся надо мной в своей постели, покуда хлад ночей меня студит», — призывал поэт-елизаветинец³. Следует признать, что это эмоция прямолинейная, не утонченная и несколько не платони-

¹ Английский поэт-елизаветинец Ф. Сидни прославился новаторством в поэзии, а его цикл сонетов «Астрофил и Стелла» считается одной из первых «трагикомедий любви» на английском языке. — *Примеч. пер.*

² Вокруг этой загадочной фигуры, посвящение которой присутствовало на первом издании шекспировских «Сонетов», споры продолжаются по сей день; недавняя версия гласит, что это посвящение не имеет отношения к Шекспиру, а под именем «У. Х». издатель Томас Торп, автор этого посвящения, «замаскировал» своего покойного коллегу Уильяма Холла. Что касается Б. Рассела, он явно придерживался версии, которая сопоставляла «господина У. Х» с Юным Другом, которому адресована часть сонетов Шекспира. — *Примеч. пер.*

³ Стихотворение Т. Кэмпбелла.

ческая. Впрочем, от платонических страстей Средневековья Ренессанс научился использовать поэзию как средство ухаживания. Над Клотеном в шекспировском «Цимбелине» смеются потому, что он не способен самостоятельно сочинить любовный стих и ему приходится нанимать помощников, которые находят отличную рифму («Живей! Живей! — Звончей»)¹. Любопытно, что ранее, до Средних веков, значительная часть поэзии уже посвящалась любви, но лишь в малой степени затрагивала ухаживание. В китайской поэзии описывались страдания женщины из-за отсутствия ее супруга и господина; в мистической индийской поэзии душа выводилась невестой, жаждущей пришествия жениха, то есть божества; но бросается в глаза, что мужчинам было довольно просто добиться благосклонности женщин, которых они желали, и необходимость обращения к музыке и поэзии едва ли возникала. С точки зрения искусств можно лишь пожалеть, что женщины, как правило, слишком доступны; в идеале мужчина должен приложить значительные усилия, добиваясь благосклонности возлюбленной. Такая ситуация в общем и целом складывается с эпохи Возрождения. Трудности здесь отчасти внешнего, отчасти внутреннего свойства, причем последние объясняются воздействием распространенных моральных предписаний.

Романтическая любовь достигла своего апогея в романтическом движении, и, возможно, главным

¹ Акт II, сцена 3: «Живей! Живей!.. Чу! Жаворонка песнь звончей...». Перевод П. Мелковой.

ее апостолом можно признать Шелли. Когда он влюблялся, его переполняли высокие чувства и творческие порывы, заслуживавшие выражения в поэзии; чувства, приводящие к подобным результатам, он естественным образом считал благими и не видел ни малейшей причины сдерживать свою любовь. И здесь он как раз ошибался. Именно препятствия к осуществлению желаний пробудили в нем поэтический дар. Если бы благородную и несчастную леди Эмилию Вивиани не отослали в монастырь, Шелли вряд ли написал бы «Эпипсихидион»; не будь Джейн Уильямс добродетельной супругой, он никогда не сочинил бы «Воспоминание». Социальные барьеры, против которых он воевал, во многом выступали стимулом для его творчества. Романтическая любовь в том виде, в каком она существовала у Шелли, зависела от состояния неустойчивого равновесия, когда общепризнанные барьеры наличествуют, но не являются непреодолимыми; там, где барьеры жесткие или где их вовсе нет, романтическая любовь, пожалуй, не возникнет. Возьмем в качестве примера китайскую традицию: в этой системе мужчина не встречает иных порядочных женщин, кроме собственной жены, а когда ощущает некую потребность, идет в бордель; жена для него — избранная, причем, вероятно, он знакомится с нею лишь в день свадьбы; потому все сексуальные отношения тут полностью отделены от любви в романтическом смысле, и этому мужчине не выпадает случая приступить к ухаживаниям, которые и порождают любовную поэзию. С другой стороны, в усло-

виях полной свободы мужчина с талантом к великой любовной поэзии, быть может, будет настолько преуспевать благодаря своему обаянию, что ему редко понадобится проявлять свой дар ради покорения женщин. Так что любовная поэзия рождается из тонкого баланса между условностью и свободой; думаю, лучших ее образцов не найти там, где этот баланс искажается в любом направлении.

При этом любовная поэзия не является единственной целью любви, а романтическая любовь может расцвести даже там, где она не приводит к художественному выражению. Лично я верю, что романтическая любовь есть источник самых глубоких удовольствий, возможных в этой жизни. Отношения мужчины и женщины, любящих друг друга нежно и страстно, бесценны, и не осознавать этого значит обрекать себя на страдания. Полагаю, крайне важно, чтобы социальная система допускала такую радость в числе других, не менее ценных удовольствий.

Уже в наши дни, вскоре после французской революции, в обществе распространилось убеждение, будто брак должен быть итогом романтической любви. Большинство современных людей — во всяком случае, в англоязычных странах — принимают это убеждение как должное и не подозревают, что совсем недавно оно воспринималось как революционное новшество. Романы и пьесы столетней давности в основном посвящались стремлению нового поколения утвердить такой взгляд на брак в противовес традиционному браку по выбору родителей. Не возьмусь судить, оказался ли эффект кампании настоль-

ко благотворным, насколько это виделось новаторам. Можно, пожалуй, найти здравый смысл и в суждении миссис Малапроп: мол, любовь и отвращение равно забываются в супружестве, а потому лучше начинать с легкого неприятия¹. Но совершенно точно люди, вступая в брак без предварительного сексуального знакомства друг с другом и под влиянием идей романтической любви, воображают своих избранников неким идеалом и предполагают, что супружество станет неизбывным блаженством. Подобные ожидания особенно свойственны женщинам, которых воспитывают в неведении и чистоте; такие женщины не способны отличить сексуальный голод от истинного чувства. В Америке, где романтический взгляд на брак утвердился прочнее всего и где над законами и обычаями изрядно потрудились старые девы, мы наблюдаем невероятное обилие разводов при крайней редкости счастливых браков. Брак представляет собой нечто большее, нежели удовольствие двух людей от общества друг друга; эта институция способствует рождению детей и частично формирует внутреннюю структуру общества, и значимость ее

¹ Персонаж комедии английского драматурга Р. Б. Шеридана «Соперники» (1775), строгая тетушка-блюстительница морали. Она носит «говорящую» фамилию (букв. «Невпопад») и нередко употребляет «умные» слова, не понимая их смысла; отсюда лингвистический термин «малапропизм». Автор имеет в виду следующее высказывание миссис Малапроп: «Это еще что такое, сударыня? Какие такие предпочтения и отвращения? Это совершенно неприлично для молодой девицы. Ты должна знать, что и то, и другое со временем неизбежно проходит, и потому брак куда безопаснее начинать с легкого отвращения» (действие первое, картина вторая, пер. Т. Щепкиной-Куперник).

простирается далеко за рамки личных чувств мужа и жены. Возможно, хорошо — по-моему, хорошо, — что романтическая любовь подталкивает влюбленных к браку, но нужно отдавать себе отчет в том, что любовь, обеспечивающая брак продолжительный и реализующий свое социальное предназначение, отнюдь не романтична; это более интимное, страстное и реалистическое чувство. В романтической любви предмет обожания воспринимается недостоверно, как бы сквозь пелену очарованности; разумеется, некоторые женщины продолжают блуждать в этом тумане, даже когда брак показывает, что они вышли замуж за мужчин из плоти и крови, а не за идеал, но подобное случается, лишь когда отсутствует реальная близость, лишь когда жена тщательно, словно сфинкс, хранит в секрете свои глубинные мысли и чувства, лишь когда супруги блюдут определенную степень телесной приватности. Впрочем, такие маневры не позволяют браку стать по-настоящему успешным, ведь для этого требуется страстная близость, максимально свободная от иллюзий. Более того, мнение, будто романтическая любовь насущно необходима для брака, успело сделаться анархическим, и, подобно мнению святого Павла, хоть и в противоположном смысле, игнорирует тот факт, что именно дети придают браку смысл. Что касается детей, тут, конечно, не нужна никакая институция, связанная с сексом, а вот когда дети появляются, муж и жена, если они осознают свою ответственность и заботятся о потомстве, должны признать, что их чувства друг к другу уходят на второй план.

Глава 7

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН

Переходное состояние сексуальной морали в настоящее время обусловлено двумя основными причинами: первая — это изобретение и внедрение противозачаточных средств, а вторая — эмансипация женщин. Первую из этих причин я рассмотрю подробно чуть позднее; вторая же является предметом рассмотрения в данной главе.

Эмансипацию женщин отчасти можно увязать с демократическим движением; все началось с французской революции, которая, как мы уже видели, изменила законы наследования в пользу дочерей. Трактат «В защиту прав женщин» Мэри Уолстонкрафт (1792) вырос из идей, на которые опиралась и которые стимулировала французская революция. Далее и вплоть до наших дней притязания женщин на равные права с мужчинами подтверждались все более решительно и твердо. Сочинение Джона Стюарта Милля «Подчиненность женщины», книга чрезвычайно убедительная и аргументированная, оказало немалое влияние на передовых мыслителей сле-

дующего поколения. Мои отец и мать были его учениками, а мать даже выступала с речами в пользу права голоса для женщин в 1860-х годах. Ее феминизм был столь пылким, что я появился на свет попечением первой женщины-врача, доктора Гаррет Андерсон, которую, к слову, не допускали к медицинской практике и которая считалась сертифицированной акушеркой. Феминистское движение ранней поры охватывало лишь высшее сословие и средний класс, а потому не располагало подлинной политической силой. Законопроекты о предоставлении женщинам права голоса вносились в парламент ежегодно, но, пусть их вносил мистер Фэйтфул Бегг при поддержке мистера Стренгвейза Пигга, на тот момент эти проекты не имели шанса воплотиться в законы. Правда, феминистки среднего класса добились одного громкого успеха, настояв на принятии закона, устанавливающего право собственности для замужних женщин (1882). Ранее все имущество, принадлежавшее замужней женщине, находилось в полном распоряжении ее мужа, за исключением случаев доверительного управления. Дальнейшая история женского политического движения еще слишком свежа и слишком хорошо известна, чтобы ее пересказывать. Но стоит отметить, что скорость, с которой женщины в большинстве цивилизованных стран отвоевали себе политические права, поразительна, особенно на фоне прошлого и учитывая те колоссальные изменения в мировоззрении общества, которые это событие предполагало. Отмена рабства будет здесь более или

менее близким аналогом, но напомним, что рабство в европейских странах исчезло задолго до нашего времени и, к тому же, не затрагивало вопроса столь интимного, как отношения мужчин и женщин.

Причины этих внезапных перемен, полагаю, следующие: с одной стороны, демократическая теория подразумевала наделение женщин равными правами, в том числе и в области политики; с другой — все большее количество женщин самостоятельно зарабатывали себе на жизнь и все меньшее их количество нуждалось в поддержке и покровительстве мужей и отцов. В бытовом отношении женщины также чувствовали себя все более независимыми. Разумеется, ситуация достигла предельного обострения в ходе войны¹, когда немалая доля труда, обычно выполнявшегося мужчинами, легла на женские плечи. До войны среди обычных доводов против права голоса для женщин звучал и тот, что женщины — преимущественно пацифистки. В ходе войны они блестяще опровергли это утверждение, и право голоса было предоставлено им в том числе и как награда за участие в этом кровопролитии. Для пионеров-идеалистов, выражавших надежду, что женщины поднимут политику на новый моральный уровень, такой результат, возможно, был разочаровывающим, но такова уж планида идеалистов: всякий раз, когда их мечты обретают плоть, их постигает горькое разочарование. Конечно, женские права ни в коей мере не связаны с их превосходством

¹ Имеется в виду Первая мировая война.

в моральном или каком-либо ином отношении; нет, просто они такие же люди, как и мужчины, и уже на одном этом основании должны обладать равными правами и свободами — и это является обязательным условием в демократическом обществе. Однако на практике, когда угнетенный класс или нация борется за свои права, они всегда стараются подкрепить общие рассуждения заявлениями о некоем превосходстве угнетаемых (в данном случае — женщин) и, как правило, имеется в виду именно моральное превосходство.

Впрочем, политическая эмансипация женщин касается нашей темы только косвенно; их социальная эмансипация важна для нас в связи с браком и нравственностью. На Востоке с давних времен и до наших дней женская верность обеспечивалась посредством изоляции женщин. По большому счету добродетельность женщины не зависела от ее личных моральных устоев, у нее просто не была шанса согрешить. На Западе этот метод никогда не применялся в полной мере, но порядочным женщинам с самого детства внушали страх перед половыми отношениями вне брака. По мере совершенствования способов воспитания в таком духе внешние сдерживающие барьеры постепенно сходили на нет. Те, кто более всего желал их разрушить, верили, что внутренних барьеров должно быть достаточно. Дошло до того, что девушки начали выходить из дома без сопровождения компаньонки. Считалось, что порядочные, хорошо воспитанные девушки обладают достаточно твердыми принципа-

ми, чтобы устоять перед соблазном. В пору моей молодости порядочные женщины в большинстве своем считали секс неприятным занятием и терпели эти контакты лишь из чувства долга; придерживаясь таких взглядов, они, тем не менее, допускали большую свободу для своих дочерей, как бы откликаясь на вызов времени. В итоге сложилась картина, отличная от той, которая ожидалась, и различия заметны как среди замужних, так и среди незамужних женщин. В Викторианскую эпоху женщины прятали свои инстинктивные желания глубоко в подсознании. В наши дни отказ от запретов привел к тому, что женщины наконец осознали свои инстинктивные побуждения, ранее погребенные под толстым слоем благоразумия. Это событие оказалось революционным для сексуальной морали, причем не в только в одной стране или для одного класса, но во всех цивилизованных странах и для всех классов.

Требование равенства между мужчинами и женщинами изначально распространялось не только на политические вопросы, но и на сексуальную мораль. Требование Мэри Уолстонкрафт было вполне современным, но почему-то ее пример не вдохновил последующих пионеров борьбы за права женщин. Они, напротив, выступали как завзятые моралисты и предлагали обременить мужчин теми же самыми ограничениями, которыми до сих пор окружали исключительно женщин. Но с 1914 года молодые женщины без особого теоретизирования стали переходить к иной линии поведения. Эмоциональное воз-

буждение от войны, несомненно, было главной причиной этих перемен; правда, они бы все равно, полагаю, произошли — рано или поздно и относительно быстро. В прошлом женскую добродетель оберегали страх перед адским пламенем и страх забеременеть; первый страх исчез вследствие упадка богословской ортодоксии, а второй устранило изобретение противозачаточных средств. Какое-то время традиционная мораль удерживала позиции благодаря силе обычаев и умственной инерции, но шок от войны разрушил и эти барьеры. Нынешние феминистки уже не столь озабочены « пороками » мужчин, как феминистки тридцатилетней давности; они требуют теперь, чтобы дозволенное мужчинам было позволено и женщинам. Их предшественницы стремились к равенству в моральном рабстве, а новые феминистки ищут равенства в моральной свободе.

Это движение пребывает сегодня в очень ранней фазе, и невозможно предугадать, как оно будет развиваться. Его сторонники и практики еще довольно молоды. У них пока мало своих героев, то есть людей, обладающих серьезным весом в обществе. Полиция, законы, церковь и родители — все выступают против них, когда притязания этого движения становятся достоянием общественности, но в целом активисты ухитряются скрывать неудобные факты от тех, кому эти факты могут причинить боль. Авторы, которые, подобно судье Линдси¹, озвучивают

¹ О судьбе Б. Линдси см. подробнее в главе 12.

названные факты, признаются «освободителями» молодых, хотя молодые не осознают, что их освобождают.

В настоящий момент неясно, как все в результате повернется: то ли старшее поколение признает проблему и попытается лишить молодежь недавно обретенной свободы, то ли нынешние молодые, повзрослев и вступив на значимые посты и должности, санкционируют новую мораль от имени власти. Следует предположить, что в ряде стран мы увидим первый вариант, а в ряде других — второй. В Италии, где забота о нравственности, как и все остальное, лежит на правительстве, предпринимаются энергичные попытки обеспечить «добродетель». В России все обстоит ровно наоборот, поскольку правительство поддерживает новую мораль. В протестантских частях Германии, вероятно, восторжествует свобода, а в католических областях исход довольно сомнителен. Францию вряд ли потрясут перемены, ибо французы всегда были довольно снисходительны в вопросах морали. Что касается Англии и Америки, тут я пророчествовать не рискну.

Но давайте сделаем паузу и проанализируем логические следствия требования равенства между женщинами и мужчинами. Мужчинам с незапамятных времен разрешалось — хотя бы на практике, если не в теории — предаваться незаконным сексуальным отношениям. От мужчины не ждали ответственности к моменту вступления в брак, и даже его неверность в браке считалась простибельной. Главное, чтобы о ней не узнали жена и соседи. Суще-

ствование подобной системы во многом было обусловлено проституцией. Однако данный институт сегодня защищать затруднительно; едва ли кто решится предложить женщинам равноправие с мужчинами через учреждение «класса» проституткок-мужчин для удовлетворения женщин, желающих, подобно своим мужьям, выглядеть добродетельными, не будучи таковыми в действительности. Тем не менее, совершенно очевидно, что ныне, на заказе брака, только малое количество мужчин хранит непорочность до того момента, когда они смогут обзавестись домом и женщиной того же общественного положения. А если неженатым мужчинам не обязательно быть девственниками, значит, незамужние женщины, добиваясь равноправия, могут объявить, что и им девственность ни к чему. С точки зрения моралистов такая ситуация, без сомнения, прискорбна. Но, вдумавшись, всякий традиционный моралист должен будет признать, что фактически предлагает двойные стандарты, требуя добродетельности от женщин и освобождая от нее мужчин. Конечно, на словах можно потребовать воздержания и от мужчин. Но тут же напрашивается возражение: к мужчинам это ограничение неприменимо, ибо им не составляет труда грешить тайно. Таким образом традиционный моралист постулирует неравенство прав мужчин и женщин. Следуя его логике, молодой человек может вступать в интимные отношения с проститутками, но никак не с девушками своего сословия, пусть даже со вторыми (но не с первыми) его отношения, не обесцененные корыстью, могут

быть по-настоящему страстными и восхитительными. Моралисты, разумеется, не желают размышлять о последствиях отставания морали, которую, как им известно, никто не соблюдает; они считают, что, пока о проституции умалчивается, они не несут ответственности за нее как за неизбежный результат их нравочений. Перед нами очередная иллюстрация того общеизвестного факта, что профессиональный моралист в наши дни обычно наделен интеллектом ниже среднего.

С учетом вышеизложенного ясно, что до тех пор, пока множество мужчин по экономическим причинам избегает раннего брака, а многие женщины вообще не выходят замуж, равенство между мужчинами и женщинами будет требовать ослабления традиционных представлений о женской добродетели. Если мужчинам позволены добрачные сексуальные контакты (а так и есть), женщинам тоже нужно это разрешить. Кроме того, во всех странах, где наблюдается избыток женщин, кажется явной несправедливостью то обстоятельство, что женщины, по арифметической необходимости вынужденные оставаться незамужними, должны полностью лишаться шансов на сексуальный опыт. Безусловно, пионеры женского движения не придавали значения подобным фактам, но их современные последователи признают эти факты, а их противники, ратующие за непорочность женщин до брака, по сути поддерживают несправедливость в отношении женщин.

Этот вопрос о противостоянии новой и старой морали четко обрисовывает крайне важную пробле-

му. Если нельзя больше требовать ни непорочности девушек, ни верности жен, становятся насущно необходимыми новые способы сохранения семьи — иначе ее распад неминуем. Можно предположить, что зачатие детей должно происходить только в браке, а вот все добрачные и внебрачные сексуальные контакты следует обезопасить при помощи контрацептивов. В этом случае мужья могут научиться столь же терпимому отношению к любовникам жен, как заведено у восточных народов применительно к евнухам. Трудность осуществления этого плана заключается в том, что мы чрезмерно полагаемся на эффективность противозачаточных средств и верность жен, но не исключено, что довольно скоро эта чрезмерная зависимость снизится. Другие альтернативы, совместимые с новой моралью, это упадок отцовства как важного социального института и делегирование отцовских обязанностей государству. В некоторых обстоятельствах, когда мужчина уверен в своем отцовстве и любит ребенка, он, конечно, может добровольно выполнять свои отцовские обязанности и финансово поддерживать мать и дитя; но закон не будет его к тому обязывать. Фактически все дети окажутся в том положении, в каком сегодня находятся незаконнорожденные дети неизвестных родителей, разве что государство, если подобная практика распространится, начнет заботиться о них усерднее, чем это происходит сейчас.

Если, с другой стороны, старая мораль вновь восторжествует, для укрепления ее основ поборникам этой морали нужно будет уделить особое вни-

мание некоторым аспектам. Во-первых, возродить традиционную модель образования девочек, благодаря которому они вырастают глупыми, суеверными и невежественными; это можно отчетливо наблюдать в тех школах, где имеет влияние церковь. Во-вторых, им нужно будет ввести строжайшую цензуру на предмет упоминания сексуальных отношений в книгах; это условие уже реализуется в Англии и Америке, ибо цензура, ввиду отсутствия изменений в законодательстве, ужесточается вследствие активности полиции. Впрочем, всего этого — уже, повторяю, реализуемого — явно недостаточно. Единственной мерой полного воздействия видится лишение молодых женщин всякой возможности остаться наедине с мужчиной: девушкам надо запретить работать вне дома и вообще не выпускать никуда одних, без сопровождения матерей или тетюшек; достойная сожаления практика посещения танцев без компаньонки подлежит немедленному искоренению. Незамужней женщине младше пятидесяти лет следует запретить владение автомобилем; вдобавок стоит, быть может, ввести требование ко всем незамужним женщинам раз в месяц проходить медицинское обследование в полиции, а всех, кто лишился девственности, подвергать тюремному заключению. Применение контрацептивов, конечно же, надо запретить, вдобавок к этому нужно признать незаконным в беседах с незамужними женщинами ставить под сомнение догмат о вечном проклятии. Эти меры, если проводить их энергично на протяжении ста или более лет, помогут справиться с растущей

безнравственностью общества. Но я полагаю, что во избежание риска злоупотреблений необходимо заодно кастрировать всех полицейских и всех медицинских работников. Быть может, разумно пойти еще дальше (ведь мы помним о врожденной порочности мужского характера). Рассуждения моралистов логично подводят нас к тому, что кастрации подлежат вообще все мужчины, исключая священнослужителей и религиозных проповедников¹.

Очевидно, что нас ждут трудности и возражения, какой бы курс мы ни выбрали. Если мы позволим утвердиться новой морали, то она должна пойти дальше и обнажить проблемы, которые сейчас мы едва ли можем наметить. Если, с другой стороны, мы попытаемся навязать современному миру ограничения прошлых эпох, то окажемся в ситуации предельно жесткого регулирования, против которого очень скоро восстанет человеческая природа. Словом, ясно, что, несмотря на все опасности и трудности, мы должны позволить обществу двигаться вперед. С учетом этой цели нам понадобится принципиально новая мораль. Под этим я подразумеваю, что обязанности никуда не исчезнут, просто они могут радикально отличаться от тех, что мы имели в прошлом. Пока моралисты довольствуются тем, что ратуют за восстановление системы, столь

¹ После прочтения «Элмера Гантри» я начал подозревать, что это исключение, возможно, лишнее. — *Примеч. авт.* Имеется в виду сатирический роман американского писателя С. Льюиса (1926), главный герой которого, священник, испытывает пристрастие к табаку и алкоголю и бежит за юбками. — *Примеч. ред.*

же мертвой, как птица Додо¹, они не в состоянии сделать что-либо для морализации новой свободы или для определения новых обязанностей, ею предусматриваемых. Не думаю, что новая система должна, в отличие от старой, поддерживать безудержное удовлетворение побуждений, но ее резоны к подавлению побуждений будут иными, нежели в прошлом. На самом деле нам предстоит заново переосмыслить сексуальную мораль как таковую. На нижеследующих страницах я отважусь внести свои скромные предложения для решения этой задачи.

¹ Персонаж повести Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» обычно изображается похожим на вымершего маврикийского дронга.

Глава 8

ТАБУ О СЕКСУАЛЬНОМ ЗНАНИИ

Желая приступить к формулированию новой сексуальной морали, мы прежде всего должны спросить себя — не о том, как следует регулировать взаимоотношения полов, но о том, справедливо ли удерживать мужчин, женщин и детей в принудительном невежестве относительно подробностей сексуальных контактов. Причина, по которой лично я считаю этот вопрос важнейшим, следующая: в этой главе я постараюсь убедить читателя в том, что невежество в подобных делах чрезвычайно вредит индивидам, а потому никакая система, чье существование подразумевает сохранение невежества, не может быть желательной. Нужно отметить, что сексуальная мораль как таковая предназначается для хорошо информированных людей и не должна опираться на невежество как залог своей привлекательности. Вдобавок она является составной частью более обширной доктрины, которая не получает поддержки правительства и полиции, но которая выглядит неоспоримо разумной. Указанная

доктрина гласит, что правильное поведение ни при каких условиях, за исключением редчайших случаев, невозможно стимулировать посредством невежества — или изменить посредством знания. Конечно, верно, что, если А хочет, чтобы Б действовал определенным образом в интересах А, но не в интересах Б, для А может быть полезным скрывать от Б факты, которые могут дать ему ключ к пониманию своих истинных интересов. Это отлично понимают на фондовой бирже, однако почему-то считается, что этики в возвышенном смысле слова это не касается. Правительство отменно преуспевает в сокрытии фактов; например, всякое правительство норовит не допускать распространения слухов о военных поражениях, поскольку такие слухи могут привести к падению правительства — крах правящего режима может (и обычно бывает) в национальных интересах, но уж точно не в интересах данного правительства. Умалчивание об особенностях сексуальной жизни, пусть мы сравниваем между собой две как будто несопоставимые области, тоже происходит, хотя бы частично, из схожих мотивов. Первоначально это невежество виделось обязательным лишь для женщин, угнетенное положение которых рассматривалось как необходимое для господства мужчин. Впрочем, постепенно женщины уверились, что невежество способствует сохранению целомудрия, и частично под их влиянием возникло убеждение, что дети и молодые люди, будь то мужского или женского пола, должны быть полностью невежественными в вопросах секса. На этой стадии

господство мужчин утратило приоритет, все сместилось в область иррациональных табу. Никто не пытался выяснить, действительно ли желательно невежество; признается даже незаконным искать доказательства того, что невежество вредит человеку. Позволю себе привести заметку из газеты «Манчестер гардиан» от 25 апреля 1929 года:

Американских либералов шокировал результат судебного процесса по делу миссис Мэри Уэр Деннет, которую вчера федеральный суд в Бруклине признал виновной в пересылке непристойных изданий почтой. Миссис Деннет является автором широко известной брошюры для детей, где в доступной и сдержанной форме излагаются элементарные сведения о сексе. Ей грозит пятилетнее тюремное заключение или штраф в размере 5000 фунтов — а, возможно, и то и другое.

Миссис Деннет — известная социальная активистка и мать двух взрослых сыновей; одиннадцать лет назад она написала эту работу для просвещения своих детей. Текст напечатали в медицинском журнале, а затем по просьбе редактора выпустили отдельной брошюрой. Одобренный десятками ведущих врачей, священнослужителей и социологов, текст распространялся в тысячах экземпляров усилиями мужской и женской Христианских ассоциаций¹. Кроме того, брошюру использовали как учебник в муниципальных школах Бронксвилла, модного пригорода Нью-Йорка.

Федеральный судья Уоррен Б. Берроуз из Новой Англии, председатель заседания, проигнорировал перечисленные свидетельства и отказался выслушать выдающихся педагогов и врачей, которые ждали вызова в суд, а также не позволил зачитать перед жюри

¹ Имеются в виду мужской и женский американские филиалы Ассоциации молодых христиан — волонтерской организации, основанной в 1844 году.

присяжных хвалебные отзывы о сочинении миссис Деннет. Судебный процесс свелся к прочтению брошюры перед жюри, состоявшим из пожилых женатых нью-йоркцев, которых собрали вместе потому, что они никогда не брали в руки работ Г. Л. Менкена или Хэвлока Эллиса¹ (за этим специально проследил прокурор).

Журналист местной газеты «Нью-Йорк уорлд», безусловно, прав, утверждая, что с введением запрета на сочинение миссис Деннет американская молодежь лишилась последней возможности получить объективные сведения о сексуальной стороне жизни. Дело будет рассматриваться в апелляционном суде высшей инстанции, и мы будем с нетерпением ждать его решения.

Суд состоялся в Америке, но нечто подобное вполне могло произойти и в Англии, поскольку английское право практически не отличается от американского. Сексуальное просвещение у нас так же уголовно наказуемо. И английский прокурор точно так же мог бы набрать в качестве присяжных заседателей невежественных людей, не способных судить рационально. Согласно нашему закону, детям противопоказаны знания о сексе, а потому рассуждения о том, что подобные знания могут быть полезны, невозможны в принципе. Тем не менее, поскольку мы-то с вами не в зале суда и поскольку данная книга не адресована детям, нам позволено задаться вопросом о том, является ли тради-

¹ Г. Л. Менкен — американский репортер, литературовед и писатель-сатирик, публиковал материалы в том числе по общественно-политическим темам. Хэвлок Эллис — английский врач, основоположник сексологии.

ционная практика официального погружения детей в невежество желательной — или нежелательной.

Обыкновенно детей стараются оставлять настолько невежественными, насколько это вообще возможно для родителей и учителей. Дети никогда не видят обнаженными своих родителей, а, выйдя из младенчества (и при наличии соответствующих условий проживания), перестают видеть голыми братьев (девочки) и сестер (мальчики). Им велят не прикасаться к своим половым органам и не говорить о них; все вопросы о сексе наталкиваются на шокированное «Тсс!». Им говорят, что детей приносит аист или что их находят в кустах крыжовника. Рано или поздно они узнают реальные факты, обычно в менее или более искаженной форме — от других детей, делящихся скабрёзными подробностями тайком, — и, вследствие семейного воспитания, воспринимают эти факты как «грязные». Также они узнают, что их систематически обманывали те, к кому они привыкли обращаться за советами и наставлениями. Это самым негативным образом отражается на их отношении к родителям, к браку и к противоположному полу, и лишь очень и очень немногие мужчины и женщины с традиционным воспитанием научаются беспристрастно относиться к сексу и браку. Им прививают привычку лгать в вопросах секса, и родители и учителя относятся к такой лжи с одобрением; им внушают, что сексуальные отношения, даже в браке, отвратительны по своей природе и что, участвуя в процессе размножения, мужчины всего-навсего подчиняются своей

животной природе, а женщины исполняют тягостный долг. Подобное мировосприятие превращает брак в пытку — как для мужчин, так и для женщин, а отсутствие инстинктивного удовлетворения порождает жестокость, маскирующуюся под мораль.

Мнение ортодоксальных моралистов¹ по поводу сексуального просвещения можно, полагаю, выразить следующим образом.

Сексуальное желание — очень сильный инстинкт и проявляется в разных формах на разных стадиях развития. В младенчестве оно принимает форму прикосновений и забав с определенными частями своего тела; позднее формируется любопытство и пристрастие к «грязным» разговорам, а в подростковом возрасте налицо уже более зрелые формы интереса. Нет никаких сомнений в том, что неподобающее сексуальное поведение диктуется помышлениями о сексе, и лучший способ обрести добродетельность — занять ум и тело молодого человека делами и заботами, никак не связанными с сексом. Поэтому детям и подросткам не рассказывают о сексе; им запрещается обсуждать эту тему между собой, а взрослым надлежит притворяться, будто тут вообще не о чем говорить. Тем самым девочку можно оставлять в неведении вплоть до первой брачной ночи, и тогда логично ожидать, что открывшиеся факты ее шокируют — и спровоцируют именно такое отношение к сексу, которого добивается от жен-

¹ К их числу принадлежат полиция и различные чиновники, но я бы не включал сюда современных педагогов. — *Примеч. авт.*

щин всякий убежденный моралист. Что касается мальчиков, тут все несколько сложнее, так как нельзя надеяться на их полное невежество после восемнадцати-девятнадцати лет и старше. Им стоит разъяснить, что мастурбация чревата впадением в безумие, а контакты с проститутками неизменно приводят к венерическим заболеваниям. Ни одно из этих утверждений не является правдой, но это «правдивая ложь» на пользу морали. Кроме того, мальчикам нужно внушать, что ни при каких обстоятельствах разговоры о сексе в обществе недопустимы — даже в браке. Так возрастает вероятность того, что после женитьбы мужчина передаст жене отвращение к сексу и тем самым уберет ее от супружеской измены. Секс вне брака есть грех; секс в браке допускается, ибо он необходим для продолжения рода, но это малоприятная обязанность, возложенная на человека в наказание за грехопадение, и к ней следует подходить в том же настроении, в каком идешь на хирургическую операцию. В Англии запрещено законом публично утверждать в печати, что жена может и должна получать сексуальное удовлетворение от контакта с мужем. (Я сам слышал, как осудили автора непристойной брошюры такого рода по подобному обвинению — среди прочих.) Именно на всем вышеизложенном строится отношение к сексуальному просвещению молодежи со стороны закона, церкви и старомодных педагогов.

Прежде чем рассмотреть воздействие этого отношения на область секса, следует сказать несколько слов о его последствиях в других областях.

Наиболее печально, как мне представляется, то обстоятельство, что мы препятствуем научному любопытству молодежи. Умные дети хотят знать обо всем на свете; они расспрашивают о поездах и об автомобилях и самолетах, хотят знать, почему идет дождь и откуда берутся дети. Все эти загадки для ребенка равнозначны, он просто следует, как выражался Павлов, рефлексу познания («Что это такое?»), источнику всех научных изысканий. Когда ребенок в своем стремлении обрести знания выясняет, что кое в чем это стремление признается порочным, его тяга к научной любознательности начинает угасать. Поначалу он путается в том, какие формы любопытства допустимы, а какие нет: если дурно спрашивать, откуда берутся дети, значит, с точки зрения ребенка, не менее дурно спрашивать, как делают самолеты. В любом случае он поневоле приходит к выводу, что научная любознательность — опасное побуждение, которое никак не следует отпускать на волю. До того, как заняться поисками истины, надлежит установить наверняка, каково это знание — добродетельно оно или порочно. А поскольку сексуальное любопытство, как правило, занимает все мысли, пока не атрофируется, ребенок приходит к заключению, что знание, которого он ищет, порочно, тогда как единственное добродетельное знание состоит в сведениях, которых в здравом уме не пожелает никто (например, в усвоении таблицы умножения). Погоня за знаниями, этот спонтанный порыв всех здоровых детей, тем самым прерывается, и детей искусственно оглушают. Не думаю, что

кто-то станет возражать: женщины с традиционным воспитанием в среднем глупее мужчин, что объясняется, на мой взгляд, в значительной степени тем, что в молодости их намного эффективнее подавляют в стремлении к знаниям о сексе.

Помимо интеллектуального урона налицо в большинстве случаев и более серьезный моральный ущерб. Как первым показал Фрейд (и как открывают для себя все при тесном общении с детьми), басням об аисте и кустах крыжовника дети обычно не верят. Значит, ребенок приходит к выводу, что родители его почему-то обманывают. Если они лгут в одном, то, следовательно, могут лгать и в другом, а потому их моральный и интеллектуальный авторитет падает. Более того, поскольку родители лгут, когда речь заходит о сексе, дети заключают, что тоже могут лгать в этих вопросах. Они говорят о сексе друг с другом и, скорее всего, тайно мастурбируют. Так они учатся привычке обманывать и скрывать истинные чувства, а подчинение требованиям родителей омрачает их жизнь страхом. Психоанализ показал, что угрозы родителей и нянь насчет скверных последствий мастурбации очень часто являются причиной нервных расстройств — не только в детстве, но и во взрослой жизни.

То есть традиционное отношение к сексу при общении с молодыми оглупляет людей, понуждает к обману и робости, а изрядное число пострадавших и вовсе переступает черту безумия.

До определенной степени эти факты ныне признаются всеми разумными людьми, которым выпа-

дает общаться с молодежью; однако они противоречат существующему закону, что очевидно из случая, приведенного в начале этой главы. Текущая ситуация такова, что всякий осведомленный человек, которому предстоит иметь дело с детьми, вынужден выбирать — нарушать ли ему закон или причинить детям, переданным под его опеку, непоправимый моральный и интеллектуальный урон. Закон изменить крайне трудно, ибо значительное количество пожилых мужчин настолько погрязли в извращениях, что их удовольствие от секса опирается на убеждение, будто секс отвратителен и порочен. Боюсь, нет ни малейшей надежды на реформы, пока не уйдут из жизни нынешние старики и люди среднего возраста.

До сих пор мы рассматривали дурное влияние традиционных методов воспитания вне сексуальной сферы; теперь пора изучить непосредственно сексуальные стороны этого вопроса. Одна из целей моралистов, несомненно, состоит в том, чтобы устранить одержимость предметом сексуального интереса; такая одержимость в настоящее время, увы, наблюдается необычайно часто. Бывший глава колледжа в Итоне недавно признал, что общение школьников между собой обычно либо скучное, либо непристойное, а ведь те школьники, о которых он говорит, воспитывались по традиционной методике. Тот факт, что секс окружают тайной, радикально увеличивает естественный интерес молодых к этой теме. Если взрослые и вправду относятся к сексу так, как к любой другой теме, отвечают на

все вопросы ребенка и предоставляют ему все сведения, каких он требует или какие в состоянии понять, ребенок никогда не придет к осознанию непристойности, поскольку это осознание опирается именно на убеждение, что определенные темы обсуждать не принято. Сексуальное любопытство, как и любое прочее, угасает, получив удовлетворение. Поэтому наилучшим способом избавить молодых людей от одержимости сексом будет рассказать им ровно столько, сколько они хотят знать.

Отмечу, что я говорю так, основываясь не на априорном убеждении, а на практическом опыте. Наблюдение за детьми в школе¹ доказало — во всяком случае, мне самому, — что порочность детей есть результат ханжества родителей. Мои собственные дети (семилетний мальчик и пятилетняя девочка) не слышали ни слова о том, будто в сексе или в экскрементах есть что-то особенное, я также всеми силами защищал их от усвоения идеи порядочности, из которой логически вытекает представление о непорядочности и непристойности. Мои дети выказывают естественный и здоровый интерес к вопросу о том, откуда берутся дети, но намного больше их занимают машины и железные дороги. При этом они не демонстрируют желания задумываться о «запретных» темах ни в отсутствие, ни в присутствии взрослых. Что касается других детей в школе,

¹ Имеется в виду экспериментальная школа Бикон-Хилл, основанная Расселом и его супругой в 1927 году. Сам Рассел покинул школу в 1932 году, а его супруга продолжала руководить занятиями до 1943 года.

мы выяснили следующее: если они попадают к нам в 2, 3 или 4 года, то развиваются, как все прочие, а вот те, кому исполнилось шесть или семь, уже успели научиться воспринимать все, относящееся к половым органам, как непристойное. Их изумляет открытие, что в нашей школе об этом говорят тем же тоном, что и обо всем другом, и некоторое время наслаждаются беседами, которые сами считают скабрёзными; но когда понимают, что взрослые не следят за подобными разговорами и не вмешиваются, постепенно теряют интерес к этой теме и становятся чисты разумом почти так же, как те дети, кого никогда не учили пристойности. Им делается откровенно скучно, когда новички в классе пытаются завести разговоры на «запретную» тему. Словом, при таком подходе область секса как бы дезинфицируется, а зловредные бактерии, роящиеся во мраке умолчания, благополучно вымирают. Я не верю, что каким-либо иным способом можно переубедить детей, привыкших считать секс порочным, к восприятию этой темы как полезной и достойной.

Как мне кажется, на одно обстоятельство почему-то не обращали достаточного внимания те, кто желает очистить секс от грязи, в которую его втоптали христианские моралисты. Тема секса от природы связана с темой телесных выделений, и, пока последние вызывают отвращение, психологически вполне естественно, что толика этого отвращения будет переноситься на секс. Поэтому необходимо в общении с детьми не впадать в ханжество при обсуждении выделений тела. Конечно, определенные

меры предосторожности необходимы по санитарным соображениям, но детям, когда они смогут понять, надо объяснить, что эти предосторожности — исключительно гигиенического свойства и что нет ничего исходно постыдного в этих естественных функциях.

В данной главе я не пытаюсь обосновать правильное сексуальное поведение, а лишь отмечаю, каким должно быть наше отношение к вопросам сексуального просвещения. Относительно того, что было сказано выше по поводу сексуального просвещения молодых, хочется надеяться и верить, что я сумел заручиться поддержкой всех свободомыслящих современных педагогов. Но далее я перехожу к более спорной теме, и здесь, как мне кажется, читательского сочувствия будет добиться непросто. Это тема так называемой непристойной литературы.

В Англии и Америке закон утверждает, что литература, признанная непристойной, может при определенных обстоятельствах уничтожаться властями, а автора и издателя могут подвергнуть наказанию. В Англии это происходит согласно закону лорда Кэмпбелла от 1857 года. Этот закон гласит, что:

Если по рассмотрении жалобы появится какое-либо основание предположить, что непристойная книга или нечто подобное хранится в каком-либо доме или другом месте с целью продажи или распространения, и при доказательствах того, что один или более подобных предметов были проданы или распространены из указанного места, то суд вправе, убедившись, что названные предметы по своему содер-

жанию и в силу публикации представляют вызов общественному мнению и подлежат судебному преследованию, постановить специальным распоряжением, что указанные предметы должны быть изъяты, а после вызова на заседание жильца дома тот же или другой суд вправе, если удостоверится, что эти изъятые предметы соответствуют по содержанию выданному распоряжению и хранились в доме для вышеозначенных целей, приказать их уничтожить¹.

Слово «непристойный», употребляемое в этом законе, не имеет точного юридического определения. На практике публикация признается юридически непристойной, если так считает судья, причем он не обязан прислушиваться к мнению специалистов, даже если они заверят суд, что при иных условиях публикация произведения, охарактеризованного как непристойное, служит неким полезным целям. То есть любой, кто сочиняет роман, пишет социологический трактат или обосновывает реформу законодательства в области секса, рискует увидеть, как плоды его трудов уничтожаются, поскольку какой-то невежественный пожилой мужчина признал их недостойными прочтения. Принятие этого закона нанесло обществу колоссальный урон. Исследования Хэблока Эллиса по психологии сексуальности подверглись осуждению именно по этому закону², хотя, к счастью, Америка оказалась в данном случае более либеральной. (Вряд ли стоит

¹ См.: Desmond MacCarthy, *Obscenity and the Law // Life and Letters*, May 1929. — *Примеч. авт.*

² Вследствие судебного иска по первому тому последующие тома в Англии не публиковались. — *Примеч. авт.*

предполагать, что Эллис изначально стремился шокировать общество своей аморальностью; вдобавок крайне маловероятно, что сей толстенный ученый труд прочли люди, озабоченные исключительно соблюдением благопристойности.) Разумеется, невозможно обсуждать эту тему без внимания к вопросам, которые обычный судья никогда не станет затрагивать в разговоре с женой или дочерью, но запрещать издание такой книги — все равно что заявлять, что студентам не положено знать подробности изучаемого ими предмета. С общепринятой точки зрения, полагаю, одной из наиболее «нежелательных» характеристик труда Эллиса является обилие историй болезни, из которых очевидно, сколь бесполезны и вредны нынешние способы обеспечения добродетели и душевного здоровья. Такие документы предоставляют данные для рационального осмысления существующих методов полового воспитания; закон гласит, что нам запрещается располагать подобными данными и что мы должны судить, по-прежнему пребывая во мраке невежества.

Осуждение «Колодца одиночества»¹ (в Англии, но не в Америке) заставило общество задуматься о другой стороне цензуры, а именно о том, что любое внимание к гомосексуализму в художественной литературе преследуется по закону. Существует

¹ «Лесбийский» роман британской писательницы Маргариты Р. Холл (1928), на протяжении десятилетий (в том числе благодаря скандалу, о котором упоминает Рассел) оставался самым известным и популярным англоязычным романом такого толка.

огромное количество сведений о гомосексуализме, доступное студентам на континенте, где законы менее обскурантистские, но эти сведения категорически запрещается распространять в Англии — и в научных трудах, и в художественной литературе. Мужской гомосексуализм, в отличие от женского, в Англии под запретом, и крайне сложно подобрать аргументы в пользу изменения этого законодательства, причем такие, которые сами не оказались бы незаконными как непристойные. Но всякому, кто удосужился изучить сей предмет, известно, что этот закон является следствием варварского и невежественного суеверия, в обоснование которого нельзя привести никаких доводов. Аналогично обстоит дело с инцестом; несколько лет назад был принят новый закон, сделавший ряд проявлений инцеста криминальными, однако по закону лорда Кэмпбелла нельзя ни поддерживать, ни отвергать этот новый закон, если только не формулировать свое мнение столь абстрактно и тщательно, что оно делается бессмысленным.

Другое любопытное следствие закона лорда Кэмпбелла заключается в том, что многие темы возможно обсуждать лишь с употреблением громоздких технических терминов, известных очень малому количеству высокообразованных людей, и эти слова не поддаются переводу на язык, понятный широким массам. Считается допустимым (с некоторыми оговорками) использовать в печати слово «коитус», но никак нельзя употреблять более привычные синонимы этого слова. Напомню тут недавнюю историю

с «Посыльным в безрукавке»¹. Порой этот запрет на простые слова имеет серьезные последствия; например, брошюру миссис Сэнгер² о регулировании рождаемости, адресованную женщинам-работницам, объявили непристойной на том основании, что эти женщины смогут понять содержание текста. С другой стороны, книги доктора Мэри Стоупс³ не противоречат закону, ибо их язык понятен только людям с определенным уровнем образования. В результате получается, что обеспеченным слоям доступны сведения о способах, контролирующих рождаемость, тогда как просвещение наемных работников и их жен в этой области считается преступлением. Я указал на этот факт в обращении к Евгеническому обществу⁴, которое постоянно се-

¹ Дебютный роман британской писательницы Норы Джеймс (1929), посвященный «гетеросексуальной богеме»; практически весь тираж первого издания был уничтожен по решению суда за непристойность содержания.

² Маргарет Сэнгер, американская феминистка и сексуальная просветительница, учредила первую в США клинику по контролю рождаемости; из-за преследований со стороны властей позднее бежала в Великобританию.

³ Британская писательница, сторонница евгеники, активно боролась за права женщин. Будучи ученой дамой (первая женщина-ученый среди преподавателей Манчестерского университета), публиковала сложные для широкой публики тексты, в том числе в бюллетене «Новости контроля рождаемости», который она издавала. Учредила первую в Великобритании клинику планирования семьи. Автор книги «Супружеская любовь», одной из первых работ с открытым публичным обсуждением контроля рождаемости.

⁴ Речь о Британском евгеническом обществе, которое до 1924 года именовалось Обществом евгенического просвещения. До 1968 года включительно общество выпускало «Евгеническое

тует, что рабочие плодятся быстрее представителей среднего класса, но старательно уклоняется от любых попыток изменить закон, обуславливающий такое положение дел.

Многие согласятся, что указанные последствия принятия закона о непристойных публикациях достойны сожаления, но все равно скажут, что подобный закон обществу необходим. Лично я не верю, что возможно принять закон против непристойности, не предполагающий таких нежелательных последствий, и потому должен заявить, что ратую за отсутствие любых законов в этой области. В пользу данного утверждения можно привести два довода: во-первых, ни один закон не в состоянии запретить дурное без одновременного запрета хорошего; во-вторых, публикации несомненно и откровенно порнографические не причинят вреда обществу при рациональном половом воспитании.

Что касается первого довода, свидетельств здесь предостаточно благодаря истории применения закона лорда Кэмпбелла на территории Англии. Этот закон, как явствует из изучения парламентских дебатов, изначально виделся оружием против порнографии, и при его подготовке считалось, что положения данного закона не будут распространяться на другие разновидности литературы. Впрочем, составители закона недооценивали хитроумие полиции и глупость судебных чиновников. Цензуре посвя-

обозрение». В 1989 году было переименовано в Институт имени Гальтона и переключилось с евгеники в Великобритании на вопросы контроля рождаемости в странах третьего мира.

щена блестящая книга Морриса Эрнста и Уильяма Сигла¹. Они рассматривают как британский, так и американский опыт, а также затрагивают происходящее в других уголках света. Опыт показывает, в особенности применительно к строжайшей цензуре в Англии, что легкомысленные пьески, призванные пробуждать похоть, легко проходят цензуру, которая старается избегать упреков в ханжестве, зато серьезные пьесы, ставящие значимые вопросы (та же «Профессия миссис Уоррен»²), оседают у цензоров на много лет, а поэтическим пьесам трансцендентного свойства вроде «Ченчи»³, где нет ни слова, способного заставить вождель даже святого Антония⁴, нужна сотня лет, чтобы преодолеть отвращение мужественного лорда-канцлера. В Америке, несмотря на отсутствие цензуры, ситуация с театральными постановками во многом аналогична английской. Наглядный пример — возмутительный исход кампании Хорейса Ливрайта в защиту

¹ См.: Morris Ernst, William Seagle, *To the Pure*, Viking Press, 1928. — *Примеч. авт.*

² Пьеса Бернарда Шоу (1893), запрещенная к постановке до 1902 года как безнравственная (героиня пьесы содержит несколько домов терпимости).

³ Имеется в виду трагедия П. Б. Шелли (1819), посвященная судьбе римлянки Беатриче Ченчи, убившей своего отцаразвратника. Помимо Шелли, к этой истории также обращались Стендаль, А. Дюма, О. Уайльд и другие авторы.

⁴ Имеется в виду Антоний Великий, первый (возможно) отшельник Фиваиды, где он провел около двадцати лет и где его многократно искушал дьявол (в том числе сладострастными видениями). Считается образцом самоотречения и монашеской аскезы.

«Пленницы»¹. Если коротко, в нашем распоряжении есть огромное количество фактов, из которых следует, что цензура запрещает серьезные произведения, представляющие художественную или научную ценность, а дешевые поделки, разжигающие похоть, свободно проникают сквозь лазейки в законе.

Имеется, впрочем, и дополнительное возражение против цензуры: даже откровенная порнография принесет меньше вреда, если открыто признавать ее таковой, чем когда она начинает привлекать своей загадочностью и умолчанием о ней. Вопреки закону, практически всякий более или менее обеспеченный мужчина в юности наверняка рассматривал непристойные открытки и гордился тем, что ими обладает, поскольку их непросто добыть. Приверженцы традиционных взглядов убеждены, что такие открытки чрезвычайно вредны для общества, но вряд ли кто-то из них признается, что они травмировали его самого. Разумеется, эти открытки возбуждают в мужчине преходящую похоть, но у любого сексуально здорового мужчины возбуждение возникает регулярно — не по одной причине, так по другой. Частота, с которой мужчина испытывает желание, зависит от его собственного физическо-

¹ Х. Ливрайт (непр. Лайверайт) — американский издатель и антрепренер, поставил на Бродвее спектакль «Дракула» с Белой Лугоши, позднее спектакль был экранизирован. «Пленница» — англоязычная адаптация одноименной французской пьесы Э. Бурде, первая в США театральная постановка на лесбийскую тематику. Выкупив постановочные права на пьесу, Ливрайт безуспешно пытался оспорить в суде запрет на публичную демонстрацию «этой непристойности», по выражению судьи Верховного суда штата Нью-Йорк Дж. Махоуни.

го состояния, тогда как случаи возбужденности обуславливаются социальными условиями, для него привычными. Скажем, ранним викторианцам было достаточно увидеть женские лодыжки, а современному мужчине уже подавай обнаженное бедро. Это лишь веяния моды в одежде. Войди в моду нагота, она перестала бы нас возбуждать, и женщинам пришлось бы, как это заведено у ряда дикарских племен, надевать одежду, чтобы сделаться сексуально привлекательными. Те же соображения распространяются на литературу и изображения: то, что захватывало воображение в Викторианскую эпоху, оставляет мужчин более трезвой эпохи совершенно равнодушными. Чем разумнее ограничения сексуальной привлекательности, тем меньше усилий требуется для эффективного привлечения противоположного пола. Девять десятых привлекательности порнографии сводятся к непристойному отношению к сексу, внушаемому моралистами нашей молодежи; всего одна десятая физиологична и возникла бы так или иначе, что бы ни гласил закон. На этом основании, хотя многие со мной не согласятся, я утверждаю, что нет нужды ни в каком законе, регулирующем непристойные публикации.

Табу на наготу является препятствием для формирования разумного отношения к сексу. Применительно к маленьким детям это сегодня признают многие специалисты. Дети должны видеть друг друга и родителей обнаженными, когда это происходит естественным образом. На определенном коротком этапе, обычно около трех лет, ребенок интересуется

ся различиями между своими отцом и матерью и сравнивает родителей с собой и своей сестрой, но этот период быстро заканчивается, а потом он проявляет к наготы не больше интереса, чем к одежде. Если же родители не желают показываться детям обнаженными, у ребенка неизбежно сложится ощущение, что здесь есть какая-то тайна, и благодаря этому ощущению сформируются представления о благопристойности и неприличии. Имеется всего один способ избежать непристойности — это отказаться от тайн.

В пользу наготы говорят также важные соображения медицинского характера — при подходящих обстоятельствах, конечно; скажем, прогулка на свежем воздухе в солнечную погоду. Солнечный свет, попадая на голую кожу, оказывает исключительно полезное воздействие. Более того, любой, кто наблюдал за детьми, что резвятся на воздухе без одежды, наверняка поражался тому, что эти дети ведут себя свободнее, естественнее и грациознее, нежели когда они одеты. То же самое относится и к взрослым. Подходящее место для наготы — свежий воздух, солнце и вода. Если социальные условности позволят, нагота вскоре перестанет вызывать сексуальное возбуждение; мы все будем чувствовать себя лучше, мы станем здоровее под воздействием воздуха и солнца на кожу, а наши стандарты красоты подстроятся под стандарты здоровья, поскольку будут охватывать тело целиком, а не одно лицо. В этом отношении следует вспомнить и похвалить практики древних греков.

Глава 9

МЕСТО ЛЮБВИ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

В преобладающем большинстве сообществ наблюдается любопытное двойное отношение к любви: с одной стороны, это главная тема поэзии, романов и пьес; с другой стороны, ее полностью игнорируют ведущие серьезные социологи и о ней предпочитают забывать, составляя схемы экономических или политических реформ. На мой взгляд, подобное отношение ничем не оправдано. По-моему, любовь — одно из важнейших явлений в жизни человека, и я готов осудить любую систему, которая без необходимости мешает ее свободному развитию.

Любовь, если употреблять это слово корректно, вовсе не сводится к обозначению любых отношений между полами, она характеризует лишь те, которые подразумевают сильные эмоции и представляют собой сочетание физиологии и психологии. Такие чувства способны достигать чрезвычайной интенсивности. Вспомним, к примеру, «Тристана и Изоль-

ду»¹: опыт этой пары соответствует личному опыту бесчисленного множества мужчин и женщин. Умение художественно выразить эмоцию любви встречается редко, но сама эта эмоция — по крайней мере, в Европе — вполне распространена. В одних сообществах ей поддаются чаще, нежели в других, и, полагаю, это зависит не от человеческой природы, а от принятых условностей общежития и соответствующих институций. В Китае не принято говорить о любви, о ней вспоминают лишь тогда, когда рассказывают о злокозненных наложницах, сбивавших с пути праведного императоров; традиционная китайская культура отвергает все сильные эмоции и утверждает, что человек при любых обстоятельствах должен мыслить рационально. В этом она обнаруживает сходство с европейской культурой начала восемнадцатого столетия. Но у нас за плечами романтическое движение, французская революция и Великая война, и мы понимаем, что роль разума в человеческой жизни отнюдь не главенствующая, что бы там ни думали на сей счет при королеве Анне². Вдобавок сам разум частенько нас подводит, о чем свидетельствует психоаналитическое учение. Три основных и предельно рациональных занятия современного человека — это религия, война и лю-

¹ Средневековый рыцарский роман, известный во множестве вариантов. Главные герои романа — рыцарь Тристан и его возлюбленная, принцесса Изольда; их страсть настолько сильна, что они остаются вместе даже после смерти.

² То есть в конце XVII — начале XVIII столетия, когда в Англии господствовали идеалы эпохи Просвещения, основное место среди которых занимал культ здравого смысла.

бовь; все они сверхрациональны, но любовь при этом не антирациональна: я хочу сказать, что разумный человек может наслаждаться этой эмоцией. По причинам, которые рассматривались в предыдущих главах, в современном мире присутствует известный антагонизм между религией и любовью. Не думаю, что этот антагонизм непреодолим; он возник лишь вследствие того, что христианская религия, в отличие от ряда других, восходит к аскетизму.

Впрочем, в современном мире у любви есть другой враг, более опасный, чем религия, и он поклоняется работе и экономическому успеху. Принято считать, особенно в Америке, что человек не должен позволять любви вмешиваться в его карьеру, а если все-таки позволяет, значит, он глупец. Но тут, как вообще во всех человеческих делах, необходим баланс. Будет глупостью (хотя в некоторых случаях может оказаться трагическим героизмом) целиком жертвовать карьерой ради любви, но такая же глупость (и никак не геройство) жертвовать любовью ради карьеры. Тем не менее, так происходит, причем повсеместно и неизбежно, ибо наше общество строится на универсальном стремлении к деньгам. Возьмем в качестве образца типичного делового человека наших дней — лучше всего в Америке: едва повзрослев, он посвящает все мысли и отдает все силы борьбе за финансовый успех, остальное является для него не более чем мимолетным досугом. В юности он порой удовлетворял свои физические потребности с проститутками; затем женился, но у них с женой принципиально разные интересы, из-за чего эти двое

никогда не сближаются по-настоящему. Он приходит домой поздно вечером, уставший от конторской работы; встает рано утром, еще до того как проснется жена; в выходные он играет в гольф, потому что физические упражнения необходимы для поддержания формы в схватке за деньги. Интересы жены кажутся ему сугубо женскими, он их одобряет, но не пытается сделать общими. У него нет времени ни на стороннюю любовь, ни на любовь в браке, хотя он может, конечно, иногда навещать проституток — когда уезжает из дома по делам. Его жена, вероятно, остается сексуально холодной по отношению к нему, поскольку ему некогда ее соблазнять. Подсознательно он недоволен своей жизнью, но не понимает, почему. Он заглушает свою неудовлетворенность — в первую очередь, работой, а также прибегает к иным, менее допустимым способам, например, через садистское удовольствие от просмотра призовых боев или от преследования радикалов. Его жена, в равной степени неудовлетворенная, находит утешение во второразрядной культуре и блюдет добродетель, осуждая всех, кто живет свободно и весело. Так отсутствие сексуального удовлетворения у мужа и жены превращается в ненависть к человечеству, замаскированную под восхваления общественного мнения и стандартов нравственности. Это положение дел в значительной степени проистекает из неверного представления о наших сексуальных потребностях. Святой Павел говорил, что сексуальные контакты возможны лишь в браке, и в этом его поддерживало большинство христианских морали-

стов. Отвращение к сексу их ослепляло, затмевая более утонченные проявления сексуальной жизни, и в результате те, кто пострадал от этого учения в юности, выходили в мир, не ведая о своих безграничных возможностях. Любовь есть нечто гораздо большее, чем желание половой близости; это основной способ избавления от одиночества, которое преследует многих мужчин и женщин на протяжении большей части их жизни. Среди людей глубоко укоренился страх перед равнодушным миром и потенциальной жестокостью окружающих; налицо тоска по близости, часто скрываемая за грубостью, хамством или хулиганским поведением мужчин и за истериками и придирками у женщин. Страстная взаимная любовь спасает человека; она разрушает прочные стены эго, конструируя новое существо из двух одиночеств. Природа не предусмотрела для человека одинокой жизни, ведь люди не могут выполнять свое биологическое предназначение самостоятельно, без помощи другого; а люди цивилизованные не в состоянии полностью удовлетворить свои сексуальные потребности без любви. Инстинкт заставляет нас искать удовлетворения в полноценных отношениях, когда физическое сочетается с психическим. Те, кому не повезло познать истинную близость и подлинное товарищество счастливой взаимной любви, упускают лучшее, что способна подарить жизнь; подсознательно, если не сознательно, они это понимают, и неизбежное разочарование побуждает их к зависти, жестокости и насилию. Поэтому воздание должного страстной любви видится важной

задачей для социологов, ибо без такого опыта мужчины и женщины не смогут полностью самореализоваться и проявлять в отношении мира ту душевную щедрость, в отсутствие которой их общественная активность наверняка окажется вредной.

Большинство мужчин и женщин при подходящих условиях испытывает страстное увлечение в те или иные периоды своей жизни. Однако человеку неопытному крайне затруднительно отличить страстную любовь от простого вожделения; в особенности это верно для хорошо воспитанных девушек, которых учили, что им не следует целоваться с мужчиной без любви. Если от девушки ожидают, что она выйдет замуж девственницей, то нередкими будут случаи, когда ее охватывает преходящее и банальное сексуальное влечение, которое женщина с сексуальным опытом легко отличает от настоящей любви. Здесь, несомненно, кроется одна из главных причин неудачных браков. Даже там, где имеется взаимная любовь, чувство может быть отравлено верой кого-либо из партнеров в греховность любви. Это воззрение, безусловно, кажется вполне обоснованным. К примеру, Парнелл откровенно впал в грех прелюбодейства — и тем самым отодвинул исполнение надежд Ирландии на многие годы¹. Но и там, где ощущение греха мнимо, оно все равно отравляет

¹ Чарльз С. Парнелл, лидер ирландских националистов, долгие годы имел внебрачную связь с женой местного парламентария; когда историю предали огласке, начался шумный бракоразводный процесс, сказавшийся в том числе на политическом положении самого Парнелла и его партии, выступавшей за конституционное закрепление автономии Ирландии.

любовь. Если любви суждено нести в мир только благое, она должна быть свободной, щедрой, раскованной и искренней.

Ощущение греховности любви, внушаемое традиционным воспитанием, часто формируется на подсознательном уровне как среди мужчин, так и среди женщин, и равно свойственно тем, чье сознательное мнение эмансипировано, и тем, кто отвержен старым заповедям. Последствия подобного мировосприятия разнятся; мужчины частенько становятся грубыми, неуклюжими и жестокими в любовных делах, поскольку не могут заставить себя говорить об этом вслух, чтобы откликнуться на чувства женщины, и при этом неспособны адекватно оценивать важность постепенного приближения к заключительному контакту, что чрезвычайно важно для большинства женщин. Действительно, они часто отказываются понимать, что женщине тоже хочется удовольствия, а если она ничего не испытала, то виноват ее возлюбленный. У женщин, получивших традиционное воспитание, нередко складывается привычка гордиться своей холодностью, бравировать воздержанием и всячески демонстрировать несогласие на доступность физической близости. Искушенный ухажер, конечно, сможет разрушить все эти преграды, возводимые робостью, но мужчина, который их признает и видит в них залог женской добродетели, не преуспееет, и в результате отношения мужа и жены, даже после многих лет брака, остаются в значительной степени формальными. Во времена наших дедов мужьям не полага-

лось видеть жен обнаженными, а дам привела бы в ужас одна мысль об этом. Следует отметить, что такое положение дел распространено шире, чем может показаться, и встречается даже среди тех, кто на словах избавился от старых убеждений.

Существует и еще одно, уже психологическое препятствие для полноценного развития любви в современном мире: речь о страхе перед тем, что именуется утратой индивидуальности. Это глупый и довольно современный страх. Индивидуальность не может быть самоцелью; это нечто, вступающее в плодотворный контакт с миром и утрачивающее в процессе свою обособленность. Индивидуальность, которую как бы помещают за стекло, увядает, зато та, что свободно выплескивается в человеческих взаимоотношениях, обогащается. Любовь, дети и работа — все это важнейшие источники плодотворных контактов человека с окружающим миром. И любовь в этом ряду, конечно же, занимает первое место. Более того, она насущно необходима для обретения подлинных родительских чувств, ибо ребенку уготовано природой воспроизводить черты характера обоих родителей, а если родители не любят друг друга, каждый из них будет любоваться проявлением своих черт в ребенке и негодовать на проявления черт второго родителя.

Работа всегда вводит человека в плотный контакт с внешним миром. Окажется этот контакт плодотворным или нет, зависит от отношения к работе. Когда работаешь исключительно ради денег, высшая ценность труда пропадает; работа должна подразу-

мевать преданность — людям, целям или хотя бы мечте. А любовь бессмысленна, если она собственническая; в таком случае она ничем не отличается от работы ради добывания денег. Чтобы обрести те ценности, о которых идет речь, любовь должна уравнять в правах эго любящего и любимого, должна заставить осознать, что чувства и желания другого человека важны ничуть не меньше собственных. Иными словами, должно присутствовать инстинктивное, а не просто сознательное стремление расширить врожденный эгоизм, чтобы тот охватывал еще и другого человека. Всего этого достаточно трудно добиться в нашем раздираемом конкуренцией обществе, где царит нелепый культ индивидуальности: отчасти — наследие протестантизма, отчасти — наследие романтического движения.

Среди современных эмансипированных людей любовь в том важном значении слова, которое мы обсуждаем, находится в серьезной опасности. Когда люди перестают вспоминать о моральных ограничениях сексуальных отношений и предаются страсти при малейшем возбуждении, они перестают связывать секс с глубокими чувствами и нежностью и порой могут ассоциировать его даже с чувством ненависти. Лучшей иллюстрацией здесь могут послужить романы Олдоса Хаксли¹. Его герои, подобно свято-

¹ Очевидно, речь идет о ранних романах писателя — социальных сатирах «Желтый Кром» (1921), «Шутовской хоровод» (1923), «Бесплодные листья» (1925) и «Контрапункт» (1928). Знаменитая антиутопия «О дивный новый мир», на которую, вполне вероятно, Рассел тоже бы сослался, будь она уже издана, увидела свет в 1932 году.

му Павлу, воспринимают сексуальный контакт исключительно как физиологический; высшие ценности, с которыми может быть связан секс, ускользают от их внимания. Отсюда всего один шаг к возрождению аскетизма. Любовь обладает собственными идеалами и собственными «врожденными» моральными стандартами. Они обыкновенно маскируются и христианской доктриной, и непримиримым бунтом против сексуальной морали, охватившим значительную часть нынешнего молодого поколения. Сексуальный контакт в отрыве от любви не способен принести подлинное удовлетворение нашему инстинкту. Я не говорю, что секса следует избегать: ведь для этого придется возвести столь прочные барьеры, что и любовь в них задохнется. Нет, я говорю, что сексуальные отношения без любви теряют ценность и потому их следует рассматривать разве что как эксперимент.

Притязания любви на то, чтобы занять достойное место в человеческой жизни, как мы уже видели, кажутся вполне обоснованными. Но любовь — сила анархическая; если ее не контролировать, она быстро выйдет за границы, установленные законом и обычаями. Пока в происходящее не вовлекаются дети, анархией можно пренебречь. Но с появлением детей мы входим в иную область бытия, где любовь уже не автономна, где она служит биологическим целям вида. Нужна некая социальная этика применительно к детям, позволяющая при конфликтах отвергнуть любые претензии страстной любви. При этом мудрая этика постарается мини-

минимизировать возможность конфликтов — не только потому, что любовь — благо сама по себе, но и потому, что для детей хорошо, когда их родители любят друг друга. Увязать независимость любви с обеспечением интересов детей — вот одна из важнейших задач новой сексуальной этики. Но прежде чем рассматривать эту тему, нужно обсудить институт семьи.

Глава 10

БРАК

В этой главе я собираюсь обсуждать брак как таковой, без детей, просто как отношения мужчин и женщин. Конечно, брак отличается от прочих сексуальных отношений тем, что он является правовой институцией. Вдобавок в большинстве сообществ это также религиозная институция, но здесь важна именно юридическая сторона. Последняя фиксирует практику, которая существует не только среди первобытных людей, но и среди обезьян и других животных. У животных мы тоже наблюдаем фактический аналог человеческого брака, в котором сотрудничество самца необходимо для выращивания молодняка. Как правило, браки животных моногамны и, по мнению некоторых специалистов, в особенности это характерно для человекообразных обезьян. Кажется — если верить указанным специалистам, — что эти счастливые животные не сталкиваются с проблемами, досаждающими людским сообществам, поскольку самцы после «женитьбы» перестают быть привлекательными для прочих

самок, а самки после «замужества» утрачивают привлекательность для прочих самцов. Следовательно, среди человекообразных обезьян, пусть в этом они не опираются на религию, грех неизвестен, одного инстинкта достаточно для обеспечения добродетели. Имеется ряд свидетельств того, что среди низших рас (дикарей) отмечается такое же положение вещей. Говорят, что бушмены сугубо моногамны, и, насколько можно судить, тасманийцы, ныне истребленные, хранили непоколебимую верность своим женам. Даже у цивилизованных народов порой можно заметить слабые следы моногамного инстинкта. Учитывая влияние привычки на поведение, нельзя не подивиться тому, что моногамия не укрепилась сильнее, чем мы это наблюдаем. Впрочем, это пример психической обособленности человеческих существ, из которой произрастают как людские пороки, так и интеллект; я имею в виду способность воображения отвергать старые привычки и порождать новые формы поведения.

Выглядит вполне вероятным, что первым ударом по первобытной моногамии стало вторжение в жизнь общества экономических мотивов. Эти мотивы во всех своих воздействиях на сексуальное поведение были неоспоримо губительными, поскольку они вытесняли отношения, основанные на инстинкте, и предлагали отношения рабства или покупки. В ранних сельскохозяйственных и скотоводческих общинах жены и дети являлись для мужчин экономическим активом. Жены работали на благо мужа, дети старше пяти-шести лет пригодились на полях

или в уходе за домашним скотом. Потому наиболее влиятельные мужчины стремились обзавестись как можно большим числом жен. Полигамия редко выступала как общепринятая практика вследствие недостатка женщин; она была прерогативой вождей и богатых людей. Многочисленные жены и дети составляли ценную собственность мужчины. То есть основной функцией жены сделалась роль породистого домашнего животного, а ее сексуальные потребности отодвинулись на второй план. На этом этапе развития цивилизации мужчина мог с легкостью развестись с женой — правда, в этом случае ему следовало вернуть семье жены полученное за нее приданое. А вот женщине было практически невозможно развестись со своим мужем.

Отношение большинства полувцивилизованных сообществ к супружеской измене вполне соответствует такому мировоззрению. У малоцивилизованных народов к прелюбодеянию порой относятся терпимо. Мы знаем, что самоанцы, отправляясь в путешествие, заранее знали, что жены будут утешаться в их отсутствие¹. Если взять чуть более передовой образчик, мы обнаружим, что женская измена каралась смертью или, в лучшем случае, крайне суровыми наказаниями. В моей молодости все пересказывали друг другу истории Мунго Парка о «мумбо-юмбо», но недавно я с изумлением узнал, что некоторые высоколобые американцы считают

¹ См.: Margaret Mead, *Coming of Age in Samoa*, 1928, p. 104 ff. — *Примеч. авт.* Рус. пер.: Мид М. *Культура и мир детства*. М.: Наука, 1988. С. 88–171.

Мумбо-Юмбо богом реки Конго¹. На самом деле никакой это не бог и к Конго отношения не имеет. Это назойливый демон, придуманный мужчинами из верховий реки Нигер, чтобы пугать согрешивших женщин. Рассказ Мунго Парка носит выраженный вольтерьянский характер в том, что касается происхождения религии, и потому этот отчет современные антропологи склонны не замечать — им неприятно проникновение рациональной подлости и жестокости в жизнь дикарей. Мужчина, познавший жену другого мужчины, считался, разумеется, преступником, но тот, кто вступал в сексуальные отношения с незамужней женщиной, не признавался виноватым — если эта близость не роняла стоимость женщины на брачном рынке.

С возникновением христианства это мировоззрение изменилось. Религиозная сторона брака сильно расширилась, и нарушения брачных установлений приобрели характер табу, а не прав собственности. Конечно, прелюбодеяние с женой другого мужчины по-прежнему трактовалось как преступление, но половые отношения вне брака отныне при-

¹ Мунго Парк — шотландский хирург, путешественник и исследователь Западной Африки; в ознаменование его заслуг перед географией Шотландское географическое общество учредило медаль Мунго Парка. В своем отчете о посещении поселений народности мандинго Парк характеризовал мумбо-юмбо как идолов, к которым обращаются за разрешением семейных споров; позднее в некоторых ученых работах действительно утверждалось, что это имя носит некий западноафриканский бог. Постепенно слово «мумбо-юмбо» вошло в английский язык в значении «бессмысленное нагромождение звуков, тарбарщина».

знавались оскорблением Бога, и это, по мнению церкви, было намного страшнее. По той же причине развод, который прежде не составлял проблемы для мужчин, объявили неприемлемым. Брак сделался таинством и связал партнеров пожизненно.

Принесло ли это пользу или ущерб человеческому счастью? Ответить на этот вопрос трудно. Среди крестьян жизнь замужних женщин всегда была непростой, а в особенности это касалось наименее цивилизованного крестьянства. Самые варварские народы признавали женщину старухой в двадцать пять лет, и в этом возрасте она уже не надеялась сохранить следы былой красоты. Восприятие женщин как домашнего скота было, несомненно, лестным для мужчин, но самим женщинам сулило жизнь в заботах и хлопотах. Христианство в некоторой степени усугубило подчиненное положение женщин, особенно в верхних слоях общества, но оно, по крайней мере, установило их теологическое равенство с мужчинами и не рассматривало женщину как бесправную собственность мужа. Конечно, замужняя женщина была не вправе бросить мужа и уйти к другому, но она могла уйти от него в монастырь и посвятить себя Богу. Да и в целом улучшение положения женщин состоялось, если брать большинство населения, именно при христианстве — в противовес дохристианским временам.

Оглядывая современный мир и задаваясь вопросом, какие условия гарантируют счастливый брак, а какие обрекают людей на несчастье, мы поневоле приходим к достаточно любопытному выводу: чем

цивилизованнее общество, тем меньше шансов на долгую счастливую жизнь с одним партнером. Ирландские крестьяне, пусть до недавнего времени браки у них заключались родителями, как правило, счастливы в браке и верны своим половинам; во всяком случае, так утверждают сведущие люди. Можно сказать, что брак как таковой крепче всего там, где меньше социальных различий. Когда один мужчина мало отличается от остальных, а одна женщина мало отличается от прочих, нет явной причины сожалеть о том, что ты не женился на ком-то еще. Зато люди с разнообразными вкусами, интересами и целями склонны искать того же разнообразия в своих партнерах — и испытывают неудовлетворенность, выясняя, что добились меньшего, чем могли бы достичь. Церковь, которая тяготеет к оценке брака сугубо с точки зрения секса, не видит причин считать, что один партнер в чем-то уступает другому, и настаивает на нерасторжимости брачных уз, как бы ни были они тяжелы для той или иной стороны.

Другим залогом счастливого брака является малочисленность свободных женщин наряду со скудостью социальных okazji, когда женатые мужчины могут повстречать других женщин. Если сексуальные отношения возможны только с женой, большинство мужчин с этим наверняка примирится и, если вынести за скобки какие-то исключительные случаи, научится терпеть. То же самое касается жен, в особенности тех, кто никогда не думал, будто брак должен приносить много счастья.

То есть брак вполне можно назвать счастливым, если ни одна из сторон не рассчитывала обрести в нем избыток счастья.

Соблюдение социальных условий по той же причине предотвращает неудачные браки. Если брачные узы признаются окончательными и нерасторжимыми, у воображения нет оснований мечтать об иной участи и рисовать более, если угодно, экстатическое счастье. Там, где господствует подобный взгляд на вещи, для мира и согласия в доме достаточно, чтобы муж и жена соблюдали общепризнанные стандарты приличий.

Среди цивилизованных народов современного мира более не найти этих предпосылок счастья; более того, мы обнаруживаем, что лишь немногие браки после нескольких лет совместного проживания можно назвать счастливыми. В каких-то случаях это связано с избыточными требованиями к уровню культуры, но чаще причина коренится в недостаточном уровне культуры и воспитания.

Рассмотрим второй вариант. Самую большую роль здесь играет скверное сексуальное воспитание, причем жертвами его обыкновенно становятся зажиточные люди, а никак не крестьяне. Крестьянские дети очень рано знакомятся с тем, что принято именовать правдой жизни, могут наблюдать все это как среди людей, так и среди животных. Тем самым они избавляются от невежества и ханжества. Тогда как тщательно воспитываемые дети обеспеченных людей, напротив, напрочь лишены практических знаний о сексуальной стороне жизни, и да-

же наиболее передовые родители, которые учат детей не только по книгам, не передают им тот практический опыт, который крестьянский ребенок приобретает сызмальства. Триумф христианского вероучения воплощается в том, что мужчина и женщина вступают в брак, не обладая сексуальным опытом. В девяти случаях из десяти, когда это происходит, результат оказывается неудачным. Сексуальное поведение человеческих существ не инстинктивно, так что неопытные жених и невеста испытывают стыд и дискомфорт. Чуть лучше, когда невинна лишь женщина, а мужчина успел приобрести некоторые познания от проституток. Большинство мужчин не осознает важности ухаживаний и после бракосочетания, а многие хорошо воспитанные женщины не понимают, какой вред наносят браку, оставаясь замкнутыми и физически отчужденными. Все перечисленное можно исправить через улучшение сексуального просвещения, и следует отметить, что нынешнее молодое поколение в данном отношении выгодно отличается от своих отцов и дедов. Женщинам присуще мнение, будто они стоят морально выше мужчин, поскольку получают меньше удовольствия от секса. Такой взгляд на интимные отношения делает невозможными откровенность и подлинно товарищеские отношения между мужем и женой. Разумеется, на самом деле ни о каком превосходстве, к слову, речи быть не может, ибо неспособность получать удовольствие от секса (а это не добродетель) представляет собой физиологическое или психическое отклонение —

как и неспособность наслаждаться едой, чего сто лет назад тоже ожидали от утонченных дам.

Но иные причины несчастья в браке устранить не так-то просто. Думаю, по своей природе цивилизованные люди, будь то мужчины или женщины, обычно полигамны: к этому побуждает инстинкт. Они могут влюбляться от всего сердца и на протяжении ряда лет быть поглощенными одним человеком, но, рано или поздно, сексуальная привычка начинает охлаждать былую страсть, и тогда они начинают посматривать по сторонам в надежде пробудить угасающий интерес. Да, этот импульс можно сдерживать из соображений морали, но крайне трудно вообще не допустить его возникновения. С обретением женщинами свободы появилось гораздо больше возможностей для супружеской измены, чем было в прежние времена. Эти возможности порождают соответствующие мысли, те в свою очередь провоцируют желания, а в отсутствие религиозных предписаний желания ведут к поступкам.

Эмансипация женщин осложняет брак по-разному. В старину жене приходилось приспособливаться к мужу, тогда как муж не испытывал потребности приспособливаться к жене. Сегодня многие жены, ссылаясь на право женщин на индивидуальность и на собственную карьеру, не желают целиком приспособливаться к мужьям, а мужчины, все еще приверженные старой традиции мужского господства, не видят оснований для того, чтобы приспособливаться самим. Эта проблема особенно обостряется в случаях супружеской неверности. Ранее

муж порой изменял жене, но та, как правило, об этом не догадывалась. Если же ей становилось известно, он сознавался, что согрешил, и убеждал в том, что раскаивается. С другой стороны, сама она обычно хранила верность супругу. В противном случае, если о том становилось известно ее мужу, брак распадался. Там, где, как и во многих современных браках, взаимная верность не требуется, инстинкт ревности все равно продолжает существовать — и зачастую оказывается роковым для брака, губит всякую устоявшуюся близость между людьми, даже если не случалось открытых ссор.

Для современного брака имеется и еще одно препятствие, хорошо знакомое тем, кто острее всего осознает ценность любви. Любовь способна жить, лишь пока она свободна и спонтанна; как правило, ее убивает необходимость выполнять долг. Утверждать, что ты должен полюбить кого-то — самый верный способ заставить возненавидеть его. Тем самым брак как сочетание любви с юридическими обязанностями оказывается как бы между двух стульев. Шелли писал:

...Я к секте той не примыкал,
Чья заповедь — с одним или с одной
Делить под рабским игом путь земной,
Как будто мудрость или красота
Всех остальных — забвенная тщета,
И учит современная мораль
Терпеть неизлечимую печаль,
Пока в цепях с тобой за шагом шаг
Плетется друг или ревнивый враг,
А скучный длинный путь ведет во мрак¹.

¹ «Эпипсихидион». Пер. В. Микушевича.

Не может быть сомнений в том, что отгораживаться от сторонних влияний любви в браке значит ослаблять собственную восприимчивость и симпатию и лишать себя ценных человеческих контактов. Это значит проявлять насилие по отношению к чему-то, что, с предельно идеалистической точки зрения, выглядит пределом мечтаний. Кроме того, подобно всем проявлениям ограничивающей морали, такая позиция напоминает, если угодно, взгляд полисмена на человеческую жизнь — я имею в виду постоянное стремление что-нибудь да запретить.

По всем перечисленным причинам, многие из которых связаны с безоговорочно благими побуждениями, брак сегодня сделался сомнительным предприятием; если мы не хотим, чтобы он был преградой для счастья, нужно переосмыслить его по-новому. Одно решение часто предлагают и широко применяют в Америке — это облегчение процедуры развода. Должен признать — и, думаю, со мной согласится всякий гуманный человек, — что развод следует предоставлять по большему числу оснований, нежели прописано в английских законах, но легкий развод отнюдь не кажется мне решением всех проблем брака. Если брачный союз бездетен, развод действительно может быть лучшим решением, даже когда обе стороны делают все возможное, чтобы вести себя достойно; но при наличии детей стабильность брака является, на мой взгляд, первоочередной задачей. (К этому вопросу я вернусь позднее, при обсуждении семьи.) По-моему, если в браке есть дети и оба супруга разумны и честны, сле-

дует ожидать, что брак продлится всю жизнь, но не нужно думать, будто здесь невозможны сторонние сексуальные отношения. Брак, который начинается со страстной любви и ведет к рождению детей, желанных и любимых, должен порождать связь между мужчиной и женщиной столь крепкую, что они будут ценить глубинную интимность своей близости, даже когда сексуальная страсть угасла и даже если у кого-то из них (или у обоих) возникнет сексуальное влечение к кому-то еще. Подобному упрочению брака способна помешать ревность, но ревность, будучи инстинктивной эмоцией, можно контролировать, если распознать ее вред и не сводить это чувство к выражению морального негодования. Близость и товарищество на протяжении многих лет, когда вместе переживаешь беды и радости, обладают неким особым очарованием, которого лишена заря любви, сколь бы восхитительной она ни была. Всякий, кто сознает, как благотворно время сказывается на ценностях, не станет избавляться от такой близости ради новой любви.

Потому я считаю, что цивилизованные мужчина и женщина могут быть счастливы в браке, хотя для этого необходим ряд условий.

Во-первых, необходимо осознание полного равноправия обеих сторон; не должно быть никакого посягательства на личную свободу; нужна полнейшая физическая и духовная близость; а еще требуется определенное сходство во мнениях относительно взглядов и ценностей. (Например, будет фатальным, если один партнер ценит только деньги,

а другой — лишь хорошо сделанную работу.) При соблюдении всех этих условий брак может стать наилучшим и najważнейшим союзом из всех возможных между двумя человеческими существами. Ранее редко осознавали, что многие неурядицы проистекают из того факта, что мужья и жены воспринимают друг друга, как полицейские — преступников. Для того, чтобы брак в полной мере проявил свои преимущества, мужья и жены должны твердо усвоить: что бы там ни гласил закон, они в своей личной жизни должны оставаться свободными.

Глава 11

ПРОСТИТУЦИЯ

До тех пор, пока добродетель порядочных женщин признается вопросом первостепенной важности, институт брака подлежит дополнению другим институтом, который может даже рассматриваться как часть первого — речь об институте проституции. Всем знакома широко известная формулировка Леки, когда он уподобляет проститутку ангелам-хранителям домашнего очага и беспорочности наших жен и дочерей. Это явно викторианское по духу суждение, вдобавок старомодное по форме выражения, но сам факт неоспорим. Моралисты осуждают Леки за эти слова, поскольку его замечание привело их в ярость (по неведомой им самим причине), но не смогли доказать, что это утверждение ошибочно. Конечно, они совершенно правы в том, что, следуя мужчине их наставлениям, проституции бы не было, но они прекрасно знают, что ни один мужчина не прислушается к подобным наставлениям, а потому все рассуждения о возможных последствиях правильного выбора лишены смысла.

Потребность в проституции возникает в силу того, что многие мужчины, будучи холостяками или разлучаясь с женами на время поездок, не желают проявлять сексуальную воздержанность, а в привычном для нас добродетельном обществе им не найти готовых к близости порядочных женщин. Посему общество как бы порождает определенное число женщин для удовлетворения этой мужской страсти — с наличием последней стыдливо мирятся, так как боятся оставлять ее неутоленной. Преимущества проституток в том, что они доступны всегда и везде, и в том, что, не имея иной жизни, кроме своего занятия, они как бы ускользают от внимания общества, и мужчины, позабавившись с ними, возвращаются к своим женам, семьям и в лоно церкви с незапятнанной репутацией. Впрочем, самих проституток, этих бедных созданий, повсеместно презирают — несмотря на неоценимые услуги обществу, несмотря на опосредованную заботу о добродетели порядочных жен и дочерей, несмотря на попечение о церковных устоях, — их воспринимают как изгоев и не позволяют контактировать с обычными людьми вне рамок своего занятия. Эта вопиющая несправедливость пришла в мир с триумфом христианской религии и сохраняется по сей день. Правда, истинная опасность проституции в том, что она обнажает пустоту морализаторства. Подобно мыслям, подавляемым нашим внутренним цензором, как учит Фрейд¹, проституцию изгоняют в подсо-

¹ Согласно модели психики, предложенной З. Фрейдом, внутренним цензором выступает Сверх-Я (суперэго), к которому относятся мораль, совесть, вера и т.п.

знание. Но оттуда, как нередко бывает с такими изгнанниками, она все равно мстит, пусть даже неосознанно.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катаfalки новобрачных¹.

Проституция отнюдь не всегда считалась презренным занятием, о котором приличные люди не говорят. У нее, если угодно, достойное и возвышенное происхождение. Некогда проститутки были жрицами различных божеств: отдаваясь незнакомцам в храме, они тем самым поклонялись своему богу или богине. В те дни к ним относились с уважением, а мужчины пользовались этими женщинами и одновременно почитали их². Отцы христианской церкви не жалели красноречия на инвективы против этой системы, которая, по их словам, превозносила языческое распутство и восхваляла сатанинские уловки. Храмы со временем опустели, а проституция выплеснулась за их пределы и сделалась тем, что привычно взгляду современного человека, то есть коммерческим занятием, приносящим

¹ У. Блейк. «Лондон». Пер. С. Маршака. Нужно отметить, что в переводе достаточно сильно смягчен обличительный пафос оригинала: Блейк писал о «юной блуднице», проклятия которой отзываются «слезами новорожденных» и «навлекают горе» на молодоженов.

² О храмовой проституции на древнем Востоке писал еще Геродот; известно, что в шумерском кодексе Хаммурапи законодательно закреплялись имущественные права «сестер бога», да и в Библии встречаются упоминания о храмовом распутстве.

прибыль — не самим проституткам, конечно, а тем, у кого они состоят в рабстве; еще сравнительно недавно самостоятельные проститутки, которых сейчас встречаешь все чаще, были редким исключением: подавляющее их большинство состояло при борделях, банях и прочих печально знаменитых заведениях. В Индии переход от религиозной проституции к коммерческой завершился еще не до конца. Кэтрин Мэйо, автор книги «Мать Индия», перечисляет религиозную проституцию в ряду «очевидных пороков» этой страны.

За исключением Южной Америки¹, проституция ныне везде, как представляется, приходит в упадок — отчасти из-за того, что сегодня женщинам стали доступны иные способы заработка, а отчасти из-за того, что многие современные женщины охотно соглашаются на внебрачные отношения с мужчинами — добровольно, не по денежным мотивам. Тем не менее, я склонен думать, что окончательно искоренить проституцию не удастся. Возьмем, к примеру, моряков, сходящих на берег после долгого плавания. Нелепо думать, что они станут тратить время на ухаживание за женщинами, дожидаясь, когда те наконец снизойдут к ним. Или же возьмем довольно большую группу мужчин, несчастливых в браке. Такие мужчины будут искать легкого и простого способа близости вдали от дома, причем настолько свободного от психологических обязательств, насколько это вообще возможно. Однако

¹ См.: Albert Londres, *The Road to Buenos Ayres*, 1929. — *Примеч. авт.*

имеются веские основания для стремления свести проституцию к минимуму. Налицо сразу три весомых аргумента: во-первых, она опасна для здоровья общества; во-вторых, наносит психический урон женщинам; в-третьих, чревата психическим ущербом для мужчин.

Опасность для здоровья общества — важнейший, пожалуй, из перечисленных поводов. Разумеется, венерические заболевания распространяются прежде всего при посредстве проституток. Попытки справиться с проблемой через регистрацию проституток и учреждение государственных инспекций не привели к заметным успехам, если судить сугубо с медицинской точки зрения; вдобавок здесь возможны всяческие злоупотребления вследствие той власти, которую полиция получает над проститутками, да и — по случаю — над женщинами, что вовсе не собирались подаваться в профессиональные проститутки, но по воле обстоятельств очутились в глазах закона в рядах последних. Конечно, с венерическими заболеваниями удалось бы справиться куда эффективнее, если бы их не воспринимали как наказание свыше за грех. Есть превентивные меры, которые могли бы значительно снизить вероятность заразиться этими заболеваниями, но считается нежелательным пропагандировать подобные меры предосторожности — под предлогом того, что эти знания будут способствовать греху. А те, кто заражается венерическим заболеванием, частенько откладывают лечение, потому что стыдятся, ведь все эти заболевания характеризуются как «неприлич-

ные». Да, сегодня общество смотрит на эту ситуацию проще, и дальнейшая либерализация взглядов может обернуться существенным уменьшением числа венерических заболеваний. Но очевидно, что проститутки в любом случае будут оставаться основным источником венерических болезней.

Проституция в том виде, в каком она существует в настоящее время, являет собой неприемлемый образ жизни. Одна только угроза болезней делает проституцию опасным занятием, сопоставимым с размещиванием свинцовых белил, да и в остальном такой образ жизни деморализует. Тут и праздность, и склонность к чрезмерному употреблению алкоголя. Кроме того, проституток обычно презирают и считают заразными — причем так думают даже их клиенты. Это жизнь вопреки инстинкту, столь же противная инстинкту, как и жизнь монахини. По всем указанным причинам проституция, в той форме, которая сложилась в христианских странах, представляется чрезвычайно нежелательным занятием.

В Японии, по всей видимости, дело обстоит иначе. Проституция признается обществом как достойная карьера, ею даже занимаются по просьбе родителей. Нередко она становится приличным способом заработать себе приданое. Согласно мнению некоторых специалистов, японцы обладают частичным иммунитетом к сифилису. А потому занятие проституцией в Японии не отягощается общественным осуждением. Ясно, что проституция, если ей суждено выжить, должна стремиться к японской

форме, а не к той, которую мы видим в Европе. Также ясно, что чем строже моральные стандарты в стране, тем большая степень упадка будет характеризовать жизнь проститутки.

Контакты с проститутками, вошедшие в привычку, скверно скажутся, скорее всего, на психическом состоянии мужчины. Он постепенно станет считать, что нет ни малейшей надобности в уходе ради сексуального контакта. Кроме того, уважая принятый моральный кодекс, он будет испытывать презрение ко всем женщинам, с которыми имел близость. Воздействие этого состояния ума на брак может оказаться поистине катастрофическим, будь то случаи, когда мы видим отождествление брака с проституцией, или случаи, когда наблюдается противоположное стремление максимально разделить брак и проституцию. Некоторые мужчины попросту не способны вступать в половые отношения с женщинами, которых они искренне любят и уважают. Фрейдисты приписывают их недееспособность эдипову комплексу, но, как мне кажется, довольно часто тут проявляется и желание возвести барьер между такими женщинами и проститутками. Если оставить в стороне подобные крайности, многие мужчины, особенно старомодного типа, относятся к своим женам с преувеличенным уважением, что превращает их в психологических девственников и мешает им получать сексуальное удовольствие. Совершенно противоположная ситуация возникает, когда мужчина в своем воображении отождествляет жену с проституткой. В результате он забывает, что

сексуальной близости должно предшествовать обоюдное желание и что здесь категорически необходим некий период ухаживания. Потому он ведет себя с женой грубо и жестоко, а она начинает ощущать отвращение, преодолеть которое очень непросто.

Вторжение экономических мотивов в область сексуальных отношений всегда в той или иной степени губительно. Сексуальные отношения должны вести к взаимному восторгу, вступать в них допустимо лишь при стихийном порыве обеих сторон. Там, где это не так, пропадает всякая ценность. Использовать другого человека в столь интимной области значит проявлять неуважение к этому человеку как таковому (а ведь из уважения произрастает мораль). Для человека с обостренной чувствительностью подобные отношения никак не могут выглядеть привлекательными. Если, тем не менее, контакт происходит исключительно вследствие физической потребности, за ним, вероятно, последует раскаяние, а в мировоззрении кающегося мужчины иерархия ценностей теряет упорядоченность. Причем мы говорим не только о проституции, но и о браке. Для женщин брак является наиболее обычным способом получения средств к существованию, и в целом нежелательных сексуальных контактов в браке, пожалуй, больше, чем происходит в общении с проститутками. Мораль в свободных сексуальных отношениях представляет собой уважение к другому человеку и подразумевает вступление в интимные отношения только по обоюдному согласию. Именно потому, что проституция противоречит этому

принципу, ее надлежит считать нежелательной, даже если она заслужит уважение, а опасность венерических заболеваний будет устранена.

Хэвлок Эллис в своем очень любопытном исследовании проституции выдвигает довод в ее пользу, но мне этот довод не кажется обоснованным. Он начинается с рассмотрения оргий, привычных для большинства ранних цивилизаций, и указывает, что в этих оргиях выплескивались анархические импульсы, подавлявшиеся при иных обстоятельствах. По словам Эллиса, проституция выросла из этих оргий и в некоторой степени служила той же цели, что и указанные оргии. Многие мужчины, говорит Эллис, не в состоянии обрести полное удовлетворение в рамках ограничений, условий и условностей обычного брака, а редкие посещения проституток считают менее асоциальными, нежели все остальные доступные им формы поведения. Этот довод при внимательном изучении совпадает с доводом Леки, хотя и смотрится несколько современнее. Женщины, чья сексуальная жизнь свободна, столь же подвержены влиянию импульсов, о которых пишет Хэвлок Эллис, как и мужчины, а эмансипация сексуальной жизни женщин позволит мужчинам удовлетворять соответствующие побуждения без необходимости обращения к услугам тех, кем движут финансовые мотивы. Это действительно одно из важных преимуществ предполагаемого сексуального освобождения женщин. Насколько я могу судить, женщины, чьи воззрения на секс и чувства не сдерживаются старыми табу, способны найти и принес-

ти гораздо больше удовлетворения в браке, чем было возможно в викторианские времена. Везде, где старая мораль приходит в упадок, увядает и проституция. Молодой человек, которому прежде предстояло бы иногда наведываться к проституткам, ныне может вступать в отношения с девушками собственного сословия, и эти отношения, добровольные для обеих сторон, содержат психологический элемент, не менее важный, чем физический, и подразумевают немалую толику страстной любви с обеих сторон. С точки зрения подлинной морали это грандиозный шаг вперед по сравнению со старой системой. Моралисты сетуют на перемены, ведь такие отношения скрыть намного труднее, однако, в конце концов, отношения строятся не ради соблюдения первого принципа морали, столь любезного сердцам моралистов. Новая свобода отношений между молодыми людьми, на мой взгляд, должна только радовать, она сулит появление поколения мужчин, лишенных жестокости, и женщин, избавленных от ханжеской стыдливости. Те, кто выступает против новой свободы, должны признать открыто, что своими возражениями они лишь ратуют за сохранение проституции как единственного клапана, через который общество, образно говоря, выпускает пар, стравливая чрезмерное давление условностей.

Глава 12

ПРОБНЫЙ БРАК

В рациональной этике брак не считается таковым при отсутствии детей. Стерильный брак должен легко и просто расторгаться, ибо только при наличии детей сексуальные отношения становятся значимыми для общества и заслуживают юридического признания. Иного мнения, разумеется, придерживается церковь, которая под влиянием проповедей святого Павла до сих пор воспринимает брак как своего рода альтернативу блюду, а не как способ порождения потомства. Впрочем, в последние годы церковники начали осознавать, что ни мужчины, ни женщины больше не ждут вступления в брак для начала сексуальных отношений. Что касается мужчин, то, при условии, что их развлечения с проститутками редки и тщательно маскируются, на подобные факты в целом закрывают глаза, но когда мы говорим о других женщинах, не профессиональных проститутках, записным моралистам гораздо труднее смириться с тем, что они обозначают как аморальность. Тем не менее, в Америке,

Англии, Германии и Скандинавии после войны произошли большие изменения. Многие девушки из респектабельных семей перестали заботиться о сохранении своей «непорочности» до брака, а молодые мужчины вместо того, чтобы ходить к проституткам, заводят отношения с девушками, на которых, будь они обеспеченнее, хотели бы жениться. В Соединенных Штатах Америки эта практика, похоже, распространилась шире, чем в Англии — возможно, благодаря сухому закону и автомобилям. С введением сухого закона на вечеринках стало почти обязательным доводить себя до той или иной степени опьянения. А вследствие того, что многие девушки имеют собственный автомобиль, им стало проще укрываться от бдительных взоров родителей и соседей. Итоговое положение вещей нашло отражение в книгах судьи Линдси¹. Старшее поколение обвиняет его в преувеличениях, но от молодежи подобных обвинений не слышно. Путешествуя по Америке, я попытался проверить его утверждения в случайных беседах с молодыми людьми. Выяснилось, что они отнюдь не отрицают факты, изложенные Линдси. Похоже, по всей Америке значительное количество девушек, выходящих замуж и впоследствии признаваемых добропорядочными, обладает немалым сексуальным опытом, нередко с несколькими любовниками. Даже там, где дело не доходит до настоящей близости, присутствуют смелые

¹ См.: Ben Lindsey, *The Revolt of Modern Youth*, 1925; *Companionate Marriage*, 1927. — *Примеч. авт.*

«ласки» и «касания» — своего рода альтернатива полноценному сексуальному контакту.

Не стану утверждать, будто сам считаю текущую ситуацию удовлетворительной. И она будет оставаться таковой до тех пор, пока мы не избавимся от пережитков традиционной морали. «Бутлегерский» секс столь же унизителен в сравнении с подлинным, как и бутлегерский алкоголь. Думаю, никто не посмеет отрицать, что после введения в Америке сухого закона в среде обеспеченной молодежи (особенно это относится к молодым женщинам) распространилась мода на пьянство. Мысль о том, что они нарушают закон, кружит им голову; преступив закон в отношении алкоголя, они преступают моральные рамки и в отношении секса. Кроме того, такая смелость действует на них как афродизиак. Вследствие этих причин молодые люди вступают в сексуальные отношения не по любви, а из бравады, да еще нетрезвыми. Секс, как и алкоголь, они употребляют в концентрированной дозе, чтобы ускользнуть от бдительного ока властей, но подобное употребление — в спешке и украдкой — не может принести истинного удовольствия. Мне кажется, рациональные и искренние сексуальные отношения, когда взаимодействуют две равные личности, в нынешней Америке крайне редко встречаются вне брака. В этом смысле моралисты добились успеха. Они не сумели предотвратить блуд; напротив, их стойкая позиция придала блуду перчинку и способствовала его распространению. Зато они преуспели

в том, чтобы сделать блуд действительно недостойным занятием, так же, как преуспели с запретом алкоголя, который, по их утверждениям, отравляет человеческий организм. Они вынуждают молодых людей заниматься сексом тайно, в отрыве от повседневных отношений, совместной работы и всякой психологической близости. Наиболее робкие из молодых не отваживаются на полноценный сексуальный контакт, но обрекают себя на длительное возбуждение без удовлетворения, которое истощает нервы и ставит под сомнение возможность обретения подлинного восторга от секса впоследствии. Для большей части американской молодежи характерно также постоянное недосыпание из-за поздних вечеринок, что не может не отражаться на работе.

Однако последствия общепринятой морали могут быть еще более катастрофичными. Если «аморальный» поступок молодого человека станет известен хранителю морали, тот с садистским наслаждением предаст этот факт гласности. А поскольку молодым американцам практически нигде получить сколько-нибудь полезные знания о противозачаточных средствах, случаи нежелательной беременности фиксируются не так уж и редко. Оказавшись в отчаянном положении, девушки решаются на аборт. Это процедура опасная, болезненная, запрещенная законом, и ее трудно скрыть. Пропасть между моралью молодого и старшего поколений, наблюдаемая невооруженным глазом в нынешней Америке, ведет в том числе и к следующему печальному результату: зачастую нет и не может быть настоящей

близости или дружбы между родителями и детьми, а потому родители не в состоянии помочь своим детям советом или выразить сочувствие. Оказавшись в затруднительном положении, молодые люди не смеют обратиться к родителям из страха спровоцировать взрыв — тут возможен и скандал, и, безусловно, истерическое потрясение. Отношения родителей и детей становятся формальными, как только ребенок достигает подросткового возраста. Насколько цивилизованнее выглядят жители Тробрианских островов, у которых отец говорит любовнику дочери: «Ты спишь с моим ребенком; что ж, тогда женись на ней»¹.

Но, несмотря на перечисленные недостатки, в эмансипации молодых людей Америки просматривается немало преимуществ, если сравнивать их со старшим поколением. Они свободнее от ханжеских предрассудков, более искренни, менее поработаны законами и установлениями, лишены рациональных оснований. Еще мне думается, что они могут оказаться менее жестокими, менее грубыми и менее суровыми, чем старшее поколение, для которого характерны спонтанные всплески насилия, вызванные нереализованными сексуальными желаниями. Также можно надеяться, что, когда сегодняшнее молодое поколение достигнет зрелости, оно не полностью забудет свое поведение в молодости и будет проявлять терпимость к сексуальным экспериментам.

¹ См.: Bronislaw Malinovsky, *The Sexual Life of Savages*, p. 73. — *Примеч. авт.*

Положение дел в Англии в целом аналогично тому, что мы видим в Соединенных Штатах Америки, хотя англичане ведут себя несколько скромнее, поскольку у них нет сухого закона и меньше автомобилей. Кроме того, в Англии и уж точно на континенте, гораздо меньше практикуется сексуальное возбуждение без полного удовлетворения, а респектабельные английские особы, за некоторыми отдельными исключениями, менее одержимы соблюдением нравственности, чем это наблюдается в Америке. Тем не менее, различие между двумя странами сводится лишь к степени контроля.

Судья Бен Б. Линдси, который на протяжении многих лет возглавлял суд по делам несовершеннолетних в Денвере и на этом посту имел широчайшие возможности для установления фактов, предложил обществу новую институцию — по его формулировке, «товарищеский брак». К сожалению, он лишился своей должности: когда стало известно, что он поощряет молодых людей в их распущенности вместо того, чтобы пытаться внушить им чувство стыда и пробудить угрызения совести, активисты ку-клукс-клана и католики выступили против него сообща. Между тем товарищеский брак — это идея, высказанная мудрым консерватором. Это попытка привнести стабильность в сексуальные отношения молодежи, вытеснить преобладающий промискуитет. Линдси обращает внимание на очевидное: жениться молодым мешает отсутствие средств, а деньги нужны в браке частично на детей и частично потому, что жене не пристало самой зарабатывать

на жизнь. Его точка зрения такова: молодым людям следует позволить новую разновидность брака, отличающуюся от обычной тремя характеристиками. Во-первых, им не следует заводить детей, а посему молодой паре надлежит предоставить все доступные сведения о способах предохранения. Во-вторых, пока нет детей и пока жена не забеременела, возможен развод по взаимному согласию. В-третьих, при разводе жена не должна иметь право на алименты. Линдси утверждает — по-моему, справедливо, — что если ввести такую форму брака законодательно, очень многие молодые люди, например, студенты университетов, станут заключать достаточно прочные союзы с совместным проживанием, и откажутся от участия в дионисийских оргиях¹. Линдси приводит доказательства того, что студенты, состоящие в браке, трудятся лучше холостых. Действительно, всякому очевидно, что работу и секс проще сочетать в условиях постоянных отношений, а не в угаре вечеринок и пьяных оргий. Нет ни малейших оснований считать, что совместная жизнь вдвоем будет обходиться дороже жизни по отдельности, поэтому экономические мотивы, главное сегодняшнее препятствие для брака, можно не принимать в расчет.

¹ В культурологии дионисийство — совокупность повседневных практик стихийности (буйства и разнузданности), противопоставляемое аполлоническому началу, то есть здравомыслию, рассудительности и логике. Ф. Ницше, обосновавший противостояние дионисийства и аполлонизма в работе «Рождение трагедии из духа музыки», считал это различие основополагающим для европейской культуры. В русской философии дионисийскую теорию отстаивал Вячеслав Иванов («Дионис и прадионисийство»).

Я нисколько не сомневаюсь в том, что идеи судьи Линдси, воплощенные в законе, окажут чрезвычайно благотворное влияние на молодежь, и это влияние будет выгодным в том числе с точки зрения морали.

Тем не менее, предложения судьи Линдси шокировали всех людей среднего возраста и большинство газет по всей Америке, вдоль и вширь. Писали, что он покусился на святость дома как институции; что мириться с браками, целью которых не является немедленное деторождение, означает потворствовать легализованной похоти; что судья чрезмерно преувеличивает распространенность внебрачных сексуальных отношений, клеветает на американских женщин, и что большинство деловых людей охотно хранит девственность до тридцати и даже тридцати пяти лет. В общем, сказано и написано было много, и мне кажется, что среди тех, кто говорил и писал, были люди, верившие в свои слова. Я выслушал множество нападок на судью Линдси, но у меня сложилось впечатление, что все приведенные доводы можно свести к двум главным. Во-первых, предложения судьи Линдси не одобрил бы Иисус Христос; во-вторых, эти идеи не получили бы одобрения даже у тех людей, кого можно назвать популярными кумирами наших дней. Второй из этих доводов выглядит более весомым и даже обоснованным, а вот первый — сугубо гипотетический и его никак нельзя доказать. При этом никто так и не потрудился разъяснить общественности, каким образом идеи Линдси ущемляют человеческое счастье. С этой по-

зиции представители традиционной морали предложение Линдси даже не рассматривали.

Со своей стороны, будучи целиком убежден в том, что товарищеский брак окажется шагом в правильном направлении и принесет много пользы, я считаю, что это, по большому счету, лишь полумера. Мне представляется, что все сексуальные отношения, не подразумевающие обзаведения детьми, должны рассматриваться как чисто личное дело, что если мужчина и женщина решили жить вместе, не заводя детей, никто не вправе навязывать им иное мнение. На мой взгляд, крайне нежелательно, чтобы мужчина или женщина, вступая в брак с целью деторождения, не имели предшествующего сексуального опыта. Немалое количество свидетельств говорит нам о том, что первый опыт секса должен быть с человеком, уже обладающим таким опытом. Половой контакт не является для людей инстинктивным; по-видимому, он перестал быть таковым, когда мы отказались познавать друг друга исключительно *a tergo*¹. Помимо прочего, кажется абсурдным требовать от людей вступления в пожизненные отношения без каких-либо предварительных представлений о сексуальной совместимости. Это не менее абсурдно, чем запрещать человеку, покупающему дом, осматривать помещения, пока он не оплатит покупку. Вообще, если мы признаем биологическую функцию брака, логичным было бы введение следующей законодательной поправки: считать брак

¹ Сзади (*лат.*).

законным только с наступлением беременности. В настоящее время брак, избавленный от сексуальных контактов, невозможен, но ведь именно дети, а вовсе не эти контакты, являются истинной целью брака, а потому брак нельзя считать состоявшимся до появления детей (или до беременности). Эта точка зрения опирается, по крайней мере, частично, на то разделение между зачатием и сексом для удовольствия, которое оформилось благодаря противозачаточным средствам. Контрацепция изменила отношение к сексу и браку и сделала насущными различия, которые раньше игнорировались. Люди могут сходиться только для секса, как при обращении к проституткам, или для товарищества с сексуальным элементом, что предполагают идеи судьи Линдси, или, наконец, ради создания семьи. Эти подходы принципиально различны, и никакая общая, единая для всех мораль не может быть адекватной в современных обстоятельствах.

Глава 13

СЕМЬЯ В НАШИ ДНИ

Возможно, читатель уже подзабыл, что в главах 2 и 3 мы рассматривали матрилинейные и патриархальные семьи и их воздействие на мировоззрение и сексуальную этику первобытных обществ. Теперь настала пора вернуться к этой теме и завершить рассмотрение семьи как единственной институции, в рамках которой ограничение сексуальной свободы выглядит рациональным. Мы достаточно долго обсуждали взаимосвязь секса и греха, не то чтобы изобретенную ранними христианами, но максимально ими использованную, а ныне воплотившуюся в спонтанные моральные суждения большинства людей. Впредь я более не намерен вдаваться в богословские вопросы, в особенности вновь затрагивать ту точку зрения, что секс представляет собой нечто порочное и подлежит искоренению через поддержание института семьи и поощрение желания обзавестись потомством. Нам сейчас предстоит обратиться к иной теме: какова степень прочности сексуальных отношений, необходимая в интересах

детей? Иными словами, мы будем изучать семью как основание стабильного брака. Этот вопрос далеко не прост. Ясно, что у ребенка, воспитывающегося в семье, есть альтернатива: ведь существуют замечательные учреждения для детей-сирот, условия в которых могут быть гораздо лучше, чем в обычной среднестатистической семье. Еще нужно понять, играет ли сколько-нибудь важную роль в семье отец, поскольку лишь благодаря ему женская добродетель становится значимой для семейной жизни. Также мы должны изучить влияние семьи на индивидуальную психологию ребенка — и здесь нам не обойтись без несколько зловещей тени Фрейда. Мы рассмотрим и влияние экономических факторов на укрепление или ослабление положения отца. Кроме того, надо спросить себя, хотим ли мы видеть, как государство займет место отца — или даже, если вспоминать Платона, места отца и матери. Допуская, что мы сделаем выбор в пользу отца и матери как наилучшего окружения для ребенка в типичном случае, мы все равно обязаны рассмотреть все варианты ситуаций, когда кто-либо из родителей фактически не в состоянии нести ответственность за дитя или когда родители несовместимы между собой настолько, что их разрыв видится полезным для самого ребенка.

Среди тех, кто выступает против сексуальной свободы по теологическим основаниям, принято отвергать развод — ибо тот якобы противоречит интересам ребенка. Впрочем, этот довод со стороны людей, мыслящих теологически, не является убедительным.

тельным. Подобные люди отрицают также и разводы, и противозачаточные средства, даже когда кто-то из родителей болеет сифилисом и может заразить детей этой болезнью. Случаи такого рода показывают, что люди, с дрожью в голосе рассуждающие о брошенных детях, по большому счету оправдывают жестокость по отношению к этим детям. Вопрос о браке в интересах детей следует рассматривать, отбросив предрассудки и с осознанием того, что ответ на этот вопрос вовсе не очевиден. Тут, пожалуй, стоит в нескольких словах напомнить предысторию.

Семья является, если угодно, дочеловеческим изобретением, и ее биологическое значение состоит в том, что помощь отца в период беременности и кормления грудью способствует выживанию молодняка. Но, как мы видели на примере жителей Тробрианских островов и как можно смело предполагать для человекообразных обезьян, эта помощь в первобытных условиях обусловлена совсем иными причинами, чем помощь отцов в цивилизованном обществе. Первобытный отец не ведает о биологическом родстве с ребенком; дитя — лишь потомок женщины, которую он любит. Он знает, что это именно ее ребенок, ведь он наблюдал, как ребенок рождается, и именно указанный факт обеспечивает инстинктивную связь между мужчиной и ребенком. На этом этапе развития общества мужчина не ощущает биологической потребности в защите добродетели своей жены, хотя, без сомнения, будет испытывать инстинктивную ревность, если узнает о неверности супруги. Кроме того, он не восприни-

мает ребенка как свою собственность. Дитя принадлежит жене мужчины и брату его жены, а персональные отношения с ребенком сводятся для него к выказыванию привязанности.

Однако с развитием интеллекта мужчина фактически обречен рано или поздно отведать плод с древа познания добра и зла. Он осознает, что ребенок является его порождением, и начинает заботиться о добродетели своей жены. Жена и ребенок становятся его собственностью, а на определенной стадии экономического развития эта собственность приобретает немалую цену. В отношении привносится религия, дабы жена и дети ощутили долг перед мужем и отцом. Особенно дети, поскольку наступит время, когда отец одряхлеет, а дети достигнут расцвета физических сил. На этом этапе будет на-сущно необходимо для его блага, чтобы дети почитали отца. Соответствующая заповедь сформулирована неверно. На самом деле она должна гласить: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились *их* дни на земле»¹. Ужас перед отцеубийством, свойственный ранним цивилизациям, показывает, сколь велико было искушение, которое требовалось преодолеть; ибо преступление, которое мы не в состоянии вообразить, например, каннибализм, не внушает нам подлинного ужаса.

Именно экономические условия, характерные для жизни ранних скотоводческих и сельскохозяй-

¹ В Библии: «Почитай отца твоего и мать твою [чтобы тебе было хорошо и,] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 20:12).

ственных общин, обеспечили создание полноценной семьи. Рабский труд был недоступен для большинства людей, а потому простейший способ обретения рабочих рук заключался в их порождении. Чтобы дети в дальнейшем трудились на отца, следовало освятить институцию семьи сиянием религии и моральных заветов. Постепенно право первородства расширило единство семьи, затронув боковые ее ветви, и укрепило власть и авторитет главы семейства. Аристократия и королевская власть сложились в этом порядке идей, отсюда же проистекает понятие Бога — недаром Зевс считался отцом богов и людей.

До последнего времени развитие цивилизации лишь укрепляло институт семьи. Но затем стало все настойчивее проявляться движение в противоположном направлении, и в итоге семья в западном мире утратила былое значение. Причины, по которым случился упадок семьи, были отчасти экономическими, а отчасти культурными. В пору своего расцвета семья в некотором роде даже мешала горожанам и морякам. Коммерция во все эпохи, кроме нынешней, служила основным источником культурного обмена, поскольку благодаря ей люди усваивали обычаи других народов и избавлялись от усвоенных в детстве племенных предрассудков. Соответственно, греческие мореплаватели были в меньшей степени подвержены семейному рабству, чем представители других народов. Есть и иные примеры эмансипирующего воздействия моря — это Венеция, Голландия и елизаветинская Англия.

Впрочем, мы немного отвлеклись. Для нас важно, что когда некто отправлялся в длительное плавание, оставив дома семью, этот некто естественным образом выходил из-под семейного контроля, а семья пропорционально ослаблялась. Приток сельского населения в города, неизменный признак развития цивилизации во все эпохи, оказывал схожее воздействие и наряду с морской торговлей ослаблял семью. Еще важнее, пожалуй, особенно в низших слоях общества, было рабство. Хозяин практически не обращал внимания на семейные отношения рабов. Он легко разлучал мужей с женами по своей прихоти и, конечно, мог овладеть любой рабыней, которая ему приглянулась. Безусловно, это обстоятельство несколько не затрагивало аристократические семейства, которые сохраняли единство ради престижа, чему доказательством служат многочисленные истории наподобие вражды Монтекки и Капулетти, столь характерные не только для Италии времен позднего Средневековья и Ренессанса, но и для городской античности. Правда, аристократия лишилась былой власти в первое столетие существования Римской империи, а христианство, восторжествовавшее в конечном счете, изначально было религией рабов и пролетариев. Предшествовавшее ослабление семьи в указанных условиях, без сомнения, объясняет тот факт, что раннее христианство выказывало враждебность по отношению к семье и предложило этику, в которой семье уделялось крайне мало места (меньше только в буддизме). Согласно христианской этике, приоритетом является

взаимодействие души с Богом, а не человека со своими ближними.

При этом пример буддизма должен предостеречь нас от чрезмерного внимания к экономической обусловленности религий. Увы, я мало знаю об условиях жизни в Индии в пору распространения буддизма, чтобы рассуждать об экономической притягательности этого учения для индивида, но подозреваю, что экономика здесь вообще ни при чем. На протяжении всего того времени, когда буддизм процветал в Индии, это была, по-видимому, в первую очередь религия князей, а потому семья для этих людей, вероятно, имела большее значение, нежели для всех прочих. Тем не менее, презрение к мирской суеде и поиски спасения охватили даже княжеские роды, вследствие чего в буддийской этике семья занимает сугубо подчиненное положение. Великие религиозные лидеры, за исключением Магомета¹ — и Конфуция, если признавать того религиозным лидером, — как правило, проявляли безразличие к социальным и политическим обстоятельствам, их больше интересовало совершенствование души посредством молитвы, дисциплины и самоотречения. Религии, возникшие в исторические времена, в противоположность тем, что уже существовали к началу исторических записей, были в целом индивидуалистическими и предполагали, обобщая, что человек способен нести свое бремя в одиноче-

¹ Так у автора, который, как можно судить, намеренно употребляет устаревшие словоформы для характеристики ислама («магометанство») и его основателя («Магомет»). — *Примеч. пер.*

стве. Разумеется, они настаивали на том, что человек, будучи членом общества, должен выполнять возложенные на него обязанности, но расширение социальных контактов не считалось желательным и тем более обязательным. Это особенно верно для христианства, которое всегда выказывало двойственное восприятие семьи. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня»¹, — гласит Евангелие, и это означает, по сути, что человек должен поступать согласно *своим* убеждениям, даже если его родители считают, что это неправильно; такую точку зрения отвергли бы и древний римлянин, и старомодный китаец. Эти зерна индивидуализма в христианстве прорастали медленно, но постепенно ослабляли все общественные отношения, в особенности среди тех, кто верил истово. Последствия менее заметны в католицизме, чем в протестантизме, поскольку для протестантов принципиально важен анархический элемент, условие, что нужно повиноваться Богу, а не человеку. На практике повиновение Богу есть следование своей совести, а совесть всем говорит разное. Посему неизбежны спонтанные конфликты между совестью и законом, и в этих конфликтах истинный христианин обязан чтить человека, руководствующегося совестью, а не диктатом закона². В ранних цивили-

¹ Мф. 10:37.

² В качестве примера можно привести долготерпение лорда Хью Сесила, подвергавшегося непрерывным нападениям в годы войны. — *Примеч. автора.* Имеется в виду британский политик-консерватор, непримиримый противник либерального правительства Г. Асквита, членов которого он называл не иначе как «изменниками». — *Примеч. ред.*

зациях отец был богом; в христианстве Бог стал Отцом и власть отца-человека ослабла.

Упадок семьи в относительно недавние времена следует в первую очередь приписать промышленной революции, но все началось еще задолго до этих событий — и не в последнюю очередь под влиянием индивидуалистической теории. Молодые люди добивались права вступать в брак по собственному усмотрению, а не по родительской воле. Женившиеся сыновья уже не рвались оставаться под отцовским кровом. Получив образование, они отделялись и вели самостоятельную жизнь. Пока малые дети могли трудиться на фабриках, они приносили доход своим родителям (и умирали от переутомления); но затем фабричные законы¹ положили конец этой форме эксплуатации, вопреки протестам тех, кто из-за этого лишился средств к существованию. Из источника дохода дети превратились в финансовое бремя. На этом этапе появились противозачаточные средства — и началось падение рождаемости. Много можно сказать по поводу среднестатистического мужчины, который во все времена имел столько детей, сколько мог себе позволить, не больше и не меньше. Так или иначе, сказанное выше кажется верным для австралийских аборигенов, ланкаширских ткачей и британских пэров. Нисколько не претендую на теоретическую строгость моих рассужде-

¹ Комплекс законодательных мер по регулированию условий фабричного труда в Великобритании; законы принимались парламентом с 1819-го по 1895 год, затрагивали такие вопросы, как труд несовершеннолетних и женщин, санитарные условия, продолжительность рабочего дня, безопасность и пр.

ний, но они не так далеки от истины, как это может показаться на первый взгляд.

Статус семьи в наши дни пострадал пуще прежнего, когда последний ее оплот получил сокрушительный удар от государства. В пору расцвета семья объединяла пожилого патриарха, немалое число взрослых сыновей, их жен и детей, а также, быть может, внуков; все жили под одной крышей, все сотрудничали в составе общей экономической единицы, все выступали заодно против враждебного внешнего мира, подобно гражданам современных воинственных наций. Сегодня семья уменьшилась до отца, матери и младших детей, но при этом даже малые дети, по распоряжению государства, проводят большую часть времени в школе и получают знания, полезные с точки зрения государства, а не предлагаемые родителями. (Впрочем, здесь религия оказывается частичным исключением.) Лишенный былой полноты власти над ребенком, которой обладал древнеримский отец, британский отец может быть привлечен к ответственности за жестокость, если будет обращаться со своим ребенком так, как обращалось большинство отцов сто лет назад, радея о нравственном воспитании. Государство предоставляет медицинскую и стоматологическую помощь и кормит ребенка, если родители не в состоянии это обеспечить. Так функции отца сводятся к минимуму, поскольку большинство из них отняло государство. С развитием цивилизации это становится неизбежным. В первобытном обществе отец был необходим по экономическим причинам, как среди

птиц и человекообразных обезьян; он защищал молодняк и их мать от насилия. Эту обязанность уже давно взяло на себя государство. У ребенка, оставшегося без отца, шансов погибнуть ничуть не больше, чем у ребенка с отцом. Экономическая функция отца в состоятельном сословии может выполняться даже эффективнее, когда он мертв, ибо он может завещать свои средства детям, а на себя тратить уже не сможет. Среди тех, кто вынужден зарабатывать на жизнь, отец по-прежнему экономически полезен, но с точки зрения этих людей его полезность неуклонно снижается вследствие гуманистических настроений общества, которое настаивает на том, чтобы ребенок получал определенный минимум заботы даже при отсутствии отца, способного эту заботу оплатить. В среднем классе фигура отца сохраняет наибольшую значимость. Пока он жив и обеспечивает семью, он может наделить своих детей преимуществами, которые (через дорогое образование) позволят им достичь желаемого социально-экономического статуса; а вот если он умрет, пока дети еще малы, велика вероятность того, что они спустятся на несколько ступенек вниз по социальной лестнице. Впрочем, шаткость подобного существования значительно уменьшилась благодаря страхованию жизни. Оформив страховку, предусмотрительный отец способен обеспечить благополучие семьи и после кончины.

В современном мире подавляющему большинству отцов приходится много времени отдавать работе, из-за чего они редко видят собственных детей. Утром они слишком заняты сборами на работу, что-

бы общаться; по вечерам же, когда они возвращаются домой, дети уже спят (или должны спать). Нередко можно услышать, что чьи-то дети знают своего отца как «того типа, который приходит по выходным». В настоящей заботе о детях отцы участвуют редко; фактически их обязанности делят между собой матери и учреждения образования. Верно, что отец частенько искренне привязан к детям, пускай он и уделяет им лишь малую толику времени. В любое воскресенье в беднейших кварталах Лондона можно встретить множество отцов с маленькими детьми, и папы явно наслаждаются возможностью поближе познакомиться с отпрысками. Но, что бы себе ни думали отцы, с точки зрения ребенка это игра, лишенная серьезного значения.

В высших и профессиональных слоях общества принято препоручать младенцев опеке нянь, а тех, кто постарше, отправлять в пансионы. Мать выбирает няню, отец выбирает пансион, как бы сохраняя ощущение власти над потомством, а родителям-рабочим это недоступно. Но что касается близких контактов с детьми, то среди обеспеченных узы между матерью и ребенком, как правило, слабее, чем среди наемных работников. Отец может немного поиграть с детьми в выходные, однако реально участвует в их воспитании ничуть не больше, чем отец-рабочий. Он, конечно, несет экономическую ответственность и решает, где дети будут обучаться, но его личный контакт с ними обычно минимален и не может считаться серьезным вкладом в воспитание.

Когда ребенок достигает подросткового возраста, возникает угроза конфликта с родителями, ибо ре-

бенок мнит, что теперь вполне способен принимать самостоятельные решения, а родители всячески демонстрируют заботливость, которая нередко маскирует жажду власти. Родители опасаются дурного влияния и пытаются наставить подростков на путь истинный. Однако их суждения настолько догматичны, что молодежь отказывается доверять старшим и, как правило, поступает по своему разумению. Единственная уступка родителям в этом отношении — то, что молодежь пытается скрыть от родителей факт неповиновения. Посему нельзя утверждать, что от родителей есть какая-то польза в вопросах воспитания.

До сих пор мы рассматривали только слабость современной семьи. Теперь нужно изучить, в чем она по-прежнему сильна.

Семья сегодня важнее, пожалуй, по эмоциям, которые она порождает, чем по каким-либо иным причинам. Родительские эмоции мужчин и женщин важны, думаю, более прочих — по своей способности определять поступки. Равно мужчины и женщины, имеющие детей, выстраивают свою жизнь во многом с оглядкой на юных, и дети побуждают сугубо типичных мужчин и женщин вести себя кое в чем самоотверженно; быть может, показательнее всего здесь страхование жизни. Человек экономический столетней давности никогда не рисовался в учебниках как имеющий детей, хотя, безусловно, обладал детьми в фантазиях экономистов, которые, впрочем, принимали за данность тот факт, что конкуренция, которую они приписывали обществу, между отцами и сыновьями отсутствует. Понятно, что

психология страхования жизни лежит вне цикла мотивов, связанных с классической политической экономией. Но эта политическая экономия не была психологически автономной, поскольку желание получить собственность неразрывно связано с родительскими чувствами. Риверс¹ зашел так далеко, что предположил, будто вся частная собственность есть производная от родительских чувств. Он упоминает некоторых птиц, как бы присваивающих себе владения в период размножения, но не в другое время. Думаю, большинство мужчин согласится, что мы становимся более жадными, если угодно, с появлением детей. Эта жадность инстинктивна в общеупотребительном смысле слова, то есть спонтанна и гнездится в подсознании. Полагаю, что в этом отношении семья выступает важнейшим фактором экономического развития человечества и по-прежнему доминирует в мировоззрении тех, кому приличный доход позволяет делать сбережения.

Поневоле обращаешь внимание на любопытное недопонимание между отцами и детьми. Человек, который упорно трудится в бизнесе, говорит праздному сыну, что посвящал свою жизнь исключительно благо детей. Сын же, напротив, предпочел бы скромную сумму на расходы и некое проявление доброты сейчас, а не состояние после смерти отца. Более того, сын совершенно правильно замечает, что его отец отбывает в Сити по привычке, а вовсе не из

¹ Имеется в виду британский антрополог и психиатр У.Х. Риверс; Рассел ссылается на его работу «Тода» (1906), посвященную одному из племен южной Индии.

родительской привязанности. Поэтому сын считает отца обманщиком, а отец видит в сыне бездельника. Правда, сын несправедлив к отцу. Он по-настоящему знакомится с отцом и оценивает его критически, когда тот находится в зрелом возрасте. К этому времени привычки отца давно сформированы, и сын не может знать, какие тайные, подсознательные силы привели его отца к возникновению этих привычек. Быть может, его отец вырос в бедности, и когда родился его первенец, он поклялся себе, что никто из его детей не испытает тех лишений и трудностей, которые пришлось пережить ему самому. Решение могло состояться на подсознательном уровне, но даже без публичного выражения оно могло определить всю его дальнейшую жизнь. Благодаря подобным мотивам семья играет важную роль в общественной жизни.

С точки зрения ребенка, в родителях важно то, что именно ему они дарят свои любовь и заботу, которые не распространяются больше ни на кого, за исключением его братьев и сестер. Это отчасти хорошо, а отчасти плохо. Я намереваюсь рассмотреть психологические последствия жизни в семье для детей в следующей главе. Поэтому здесь я ограничусь лишь замечанием, что в настоящий момент семья очевидно важна для формирования характера, и что дети, воспитанные в отрыве от родителей, могут сильно отличаться, в лучшую или худшую сторону, от обычных детей.

В аристократическом обществе — пожалуй, в любом обществе, допускающем персональное воз-

вышение, — семья, применительно к ряду важнейших ее представителей, есть олицетворение исторической преемственности. Наблюдения как будто доказывают, что люди с фамилией Дарвин больше преуспевают в науке¹, чем те же самые люди, доведись им в младенчестве изменить фамилию, скажем, на Снукс. Передавайся фамилии по женской, а не по мужской линии, все, полагаю, обстояло бы точно так же. Совершенно невозможно четко разделить влияние наследственности и среды, но я убежден, что семейная традиция в немалой степени обуславливает те явления, которые Гальтон² и его ученики приписывали наследственности. В качестве примера семейного влияния можно вспомнить причину, по которой Сэмюэл Батлер выдвинул теорию подсознательной памяти и отстаивал неоламаркистскую теорию наследственности³. Эта причина заключа-

¹ Если брать верхним пределом год публикации данной работы Рассела, семейство Дарвин успело подарить миру натуралиста и поэта Эразма Дарвина, его сына Роберта, врача и финансиста, и внука Чарльза Дарвина, а также сыновей последнего Хорейса (инженер), Джорджа (астроном), Леонарда (географ), Фрэнсиса (ботаник) и внуков Бернарда (писатель) и Чарльза (физик-теоретик); кроме того, дядя Ч. Дарвина Фрэнсис получил известность как врач и путешественник.

² Ф. Гальтон — британский географ и исследователь человеческого интеллекта, много занимался изучением наследственности и отстаивал теорию о наследственной обусловленности психологических различий между индивидами.

³ С. Батлер — британский писатель и художник, автор романа-антиутопии «Едгин» (1872); по мнению критиков, «биология была для него мостиком к философии жизни, к поиску научных оснований религии и к натуралистическому одушевлению мироздания». Неоламаркизм — учение, отрицающее приоритет естественного отбора в наследственности.

лась в том, что по семейным обстоятельствам он считал необходимым для себя спорить с Чарльзом Дарвином. Его дедушка (кажется) поссорился с дедом Дарвина, его отец ругался с отцом Дарвина, а значит, и ему следует продолжить традицию. На память приходит «Мафусаил» Шоу, и вся беда в том, что деды Дарвина и Батлера обладали скверным характером¹.

Возможно, величайшая важность семьи в наши дни состоит в том, что она сохраняет у людей привычку обзаводиться детьми. Если мужчина не воспринимает ребенка как собственность и не ждет, что наладит с ним тесные отношения, он не видит особого смысла в зачатии. Конечно, при легком изменении наших экономических институтов возможно появление чисто «материнских» семей, но подобные семьи не являются предметом моего рассмотрения, ибо они никак не способствуют сексуальной добродетели; нас интересует семья, которая делает брак стабильным. Может быть — я действительно думаю, что это вполне вероятно, — отец как таковой вскоре исчезнет полностью, уцелеет разве что среди богатых (если допустить, что богатых не уничтожит социализм). В этом случае женщины будут растить детей заодно с государством, а не с отцами. Они

¹ Основную идею драматургической «метабиологической пенталогии» Б. Шоу «Назад к Мафусаилу» (1921) выражает утверждение, что жизнь совершенствуется методом проб и ошибок. По всей вероятности, Рассел ссылается на вторую пьесу пенталогии, «Евангелие братьев Барнабас», главные герои которой ратуют за увеличение продолжительности человеческой жизни, но приходят к этому выводу каждый самостоятельно.

станут рожать столько детей, сколько захотят, а отцы перестанут нести какую-либо ответственность. В самом деле, при распушенных нравах матерей отцовство установить попросту невозможно. Но, если так случится, это обернется радикальными переменами в психологии и деятельности; полагаю, последствия будут грандиознее, чем кажется большинству из нас. Будут ли перемены к лучшему или к худшему — не дерзну предполагать. Из нашей жизни улетучится единственная эмоция, сопоставимая по значимости с плотским влечением. Секс сделается тривиальнее, и будет куда затруднительнее проявлять интерес к чему бы то ни было после собственной кончины. Мужчины будут менее деятельными и, вероятно, предпочтут пораньше отходить от дел. Ослабнет их интерес к истории наряду с ощущением преемственности исторической традиции. В то же время мы избавимся от самой яркой и дикой страсти, которой подвержены цивилизованные мужчины, а именно гнева, с каковым защищают жен и детей от нападений цветного населения. Думаю, в итоге мужчины станут менее воинственными и, быть может, менее жадными. Отыскать баланс между хорошими и дурными последствиями едва ли возможно, но очевидно, что указанные последствия будут разнообразными и значимыми. Поэтому патриархальная семья по-прежнему важна, хотя есть сомнения, что она долго будет оставаться таковой.

Глава 14

СЕМЬЯ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В этой главе я хочу оценить, как семейные отношения влияют на характер индивида в трех аспектах: воздействие на детей, воздействие на мать и воздействие на отца. Разумеется, провести строгое разграничение здесь затруднительно, поскольку семья есть сплоченная единица, и все, что воздействует на родителей, также сказывается и на детях. Тем не менее, я попытаюсь провести указанное разграничение, и начать будет естественным с детей, ибо все мы были детьми, прежде чем стать родителями.

Если верить Фрейду, эмоции маленького ребенка по отношению к другим членам семьи исполнены враждебности. Мальчик ненавидит своего отца, в котором видит сексуального соперника. К матери он испытывает чувства, которые вызывают у записных моралистов величайшее отвращение. Также он ненавидит претендующих на родительское внимание братьев и сестер, поскольку жаждет этого внимания исключительно для себя. В более старшем возрасте

последствия этих бурных страстей проявляются различно и порой ужасно, варьируясь от гомосексуализма в лучшем случае до одержимости в худшем.

Эта фрейдистская доктрина шокировала общество меньше, чем можно было бы ожидать. Правда, несколько профессоров лишили должности за поддержку этой доктрины, а один из лучших представителей поколения был депортирован за растление¹. На таково уж влияние христианского аскетизма, что людей сильнее шокировало пристрастие Фрейда к вопросам секса, чем нарисованная им картина детской ненависти. Впрочем, нужно постараться избавиться от предрассудков и трезво оценить, насколько Фрейд прав в своих рассуждениях о детских страстях. Начну с признания, что общение с молодежью в последние годы привело меня к следующей мысли: в теориях Фрейда гораздо больше истины, нежели я предполагал ранее. Однако я по-прежнему считаю, что эти теории отражают лишь одну сторону положения дел, причем ту, которую, при небольшой помощи родителей, довольно легко исправить.

Возьмем эдипов комплекс. Младенческая сексуальность, несомненно, выражена сильнее, чем считалось до Фрейда. Думаю даже, что гетеросексуальность проявляется в раннем детстве сильнее,

¹ Речь о Гомере Лейне. — *Примеч. автора.* Г. Лейн — американский педагог и просветитель, считал, что детям следует предоставлять больше свободы в поведении; работал в английской экспериментальной школе Саммерхилл, но в 1917 году две ученицы обвинили его в сексуальных домогательствах; школу закрыли, самому Лейну полиция обвинений не предъявляла, но он счел за лучшее покинуть страну. — *Примеч. ред.*

чем можно вывести из работ Фрейда. Для неразумной матери совсем не трудно непреднамеренно сосредоточить гетеросексуальные чувства юного сына на себе самой, и верно, что в этом случае неизбежны дурные последствия, описанные Фрейдом. Зато подобное развитие событий менее вероятно, если мать довольна своей сексуальной жизнью, ибо в таком случае она не будет искать у ребенка эмоционального удовлетворения, которого надлежит искать лишь у взрослых. Родительский импульс в своей первозданности — это импульс *заботы* о детях, а не требование любви, и женщина, счастливая в сексе, бессознательно будет воздерживаться от действий, которые могли бы вызвать неподобающую эмоциональную реакцию ребенка. Посему счастливая женщина, вероятно, будет лучшей матерью, чем несчастливая. Но ни одна женщина не в состоянии быть счастливой постоянно, так что в пору неприятностей понадобится известная толика самообладания, чтобы не ждть от детей слишком многого. Эту толику самоконтроля достаточно просто выработать, однако в прежние времена ею пренебрегали, и считалось, что мать ведет себя вполне допустимо, беспрерывно лаская детей. Гетеросексуальные эмоции малых детей могут найти естественный, полезный и невинный выход в общении с другими детьми; в этой форме они становятся элементом игры, и, как и все игры, готовят ребенка к взрослой жизни. В три или четыре года ребенок для своего эмоционального развития нуждается в компании сверстников обоих полов, а не только братьев и сестер,

которые непременно старше или младше. Современная крошечная семья без супружеских изменений чрезмерно строга и ограничена для здорового развития в детстве, но это не означает, что ее следует исключать из детской окружающей среды.

Не только матери повинны в пробуждении у маленького ребенка нежелательных привязанностей. Служанки и няни, а позже школьные учительницы не менее опасны — пожалуй, даже более опасны, ведь они, как правило, страдают от сексуального голода. Органы образования придерживаются мнения, что с детьми должны взаимодействовать исключительно несчастные старые девы. Налицо грубое психологическое невежество, с которым не вправе мириться ни один человек, внимательно наблюдавший за эмоциональным развитием маленьких детей.

Ревность братьев и сестер широко распространена в семьях и порой оказывается причиной одержимости в зрелом возрасте, а также вызывает менее серьезные душевные расстройства. Если не брать крайние формы, ее легко предотвратить, при условии, что родители и другие лица, ответственные за воспитание, приложат некоторые усилия и будут следить за своим поведением. Конечно, фаворитизм категорически недопустим — следует тщательно и дотошно соблюдать равноправие в отношении игрушек, угощения и внимания. С появлением новой сестренки или братика нужно постараться убедить детей, что это событие вовсе не заставит родителей любить их меньше. Там, где возникает обостренная

ревность, эти простые предписания, скорее всего, игнорировались.

Итак, мы подошли к определенным условиям, которые нужно обеспечить, чтобы психологическое воздействие семейной жизни на детей не оказалось дурным. Родители, в особенности мать, не должны страдать в своей сексуальной жизни. Обоим родителям необходимо избегать такого рода эмоциональных отношений с детьми, которые подразумевают реакцию, нежелательную для ребенка. Между братьями и сестрами не должно быть никаких предпочтений, но ко всем следует относиться беспристрастно и справедливо. В три или четыре года дом перестает быть единственной средой обитания ребенка, он должен проводить значительное время со своими сверстниками. При соблюдении этих условий, как мне представляется, дурные последствия, пугающие Фрейда, вряд ли возможны.

С другой стороны, родительская привязанность правильного типа, несомненно, способствует развитию ребенка. Дети, чьи матери не испытывают к ним теплых чувств, обычно худые и нервные, довольно часто страдают клептоманией. Любовь родителей побуждает детей ощущать себя в безопасности среди опасного мира и придает им смелости экспериментировать и изучать окружающую среду. Для психического здоровья ребенка нужно, чтобы он ощущал сердечную привязанность, ибо ребенок инстинктивно осознает свою беспомощность и потребность в защите, каковую может обеспечить только любовь. Чтобы ребенок рос счастливым, любо-

знательным и бесстрашным, требуется толика тепла в его окружении, и это тепло он обычно обретает в родительской любви.

Имеется еще одна услуга, которую мудрые отец и мать могут оказать своим чадам, пусть даже до сравнительно недавнего времени никто об этом не задумывался. Дело в том, что они могут приобщить детей к знаниям о сексе и родительстве в наиболее правильной форме. Если дети узнают о сексе как об отношениях родителей, которым они обязаны своим появлением на свет, это наилучшая форма преподнесения таких знаний, связанная с биологической функцией секса. В старину дети практически всегда узнавали о любви из скабрёзных шуток и приучались считать, что это некое постыдное удовольствие. Такая инициация посредством тайных разговоров обычно производила неизгладимое впечатление, и впоследствии было уже невозможно добиться достойного отношения к сексу во всех его проявлениях.

Чтобы решить, является ли семейная жизнь желательной или нежелательной, нам, конечно, нужно рассмотреть существующие практические альтернативы. Их, кажется, всего две: во-первых, матриархальная семья; во-вторых, государственные учреждения наподобие приютов для сирот. Для утверждения любой альтернативы в качестве правила потребуются существенные экономические перемены. Давайте вообразим, что таковые состоялись, и оценим их воздействие на детскую психику.

Начнем с матриархальной семьи. Здесь предполагается, что детям известен всего один родитель,

то есть женщина, которая заводит ребенка, когда ей того хочется, но не ждет, что отец станет проявлять сколько-нибудь заметный интерес к потомству, и вполне может подбирать разных отцов для разных детей. Допустим, что экономические условия удовлетворительны; сильно ли пострадают дети от такой системы? Какова, по сути, психологическая роль отца в общении с детьми? Думаю, самое важное заключается в последнем из упомянутых обстоятельствах, а именно, во взаимосвязи секса с семейной жизнью и продолжением рода. Вдобавок, после раннего младенчества, ребенку необходимы контакты не только с женским, но и с мужским миром. Особенно это важно с интеллектуальной точки зрения для мальчиков, хотя это и не кажется таким уж очевидным. В конце концов, есть дети, потерявшие отца в раннем детстве, но ничем не уступающие детям из полных семей. Без сомнения, идеальный отец лучше, чем никакой, но многие отцы сильно отличаются от идеала, и их отсутствие порой может быть даже к лучшему.

Сказанное выше приводит нас к умозаключению, или предположению, принципиально отличному от картины, наблюдаемой сегодня в реальном мире. При господстве традиции детей ущемляют в развитии, ибо для ребенка нет ничего мучительнее и опаснее, чем осознание себя иным, непохожим на окружающих. Мои слова относятся прежде всего к восприятию разводов в нашем современном обществе. Ребенок, привыкший к двум родителям и привязавшийся к ним обоим, сильно страдает от

развода: он ощущает себя уязвимым, и в таких условиях у него могут развиваться разнообразные фобии и прочие душевные расстройства. Когда ребенок привязывается к обоим родителям, они возлагают на себя серьезнейшую ответственность, решаясь на развод. Поэтому, на мой взгляд, общество, в котором отцам нет места, было бы для ребенка предпочтительнее того, где развод возможен, но по-прежнему считается исключительным событием.

У меня нет доводов в поддержку предложения Платона отнимать детей как у отцов, так и у матерей. По уже упомянутым причинам я считаю, что родительская любовь чрезвычайно важна для развития ребенка и что, хотя ее может быть достаточно от одного родителя, крайне прискорбно, если ребенок не получает любви ни от кого из них. С точки зрения сексуальной морали, которая интересует нас в первую очередь, значимым представляется вопрос об участии в воспитании отца. Тут трудно сказать что-либо определенное, но мне кажется, что можно сделать следующий вывод: в отдельных случаях отец приносит некоторую ограниченную пользу, но когда он склонен к тирании и ссорам, общение с ним принесет только вред. Потому ратовать за обязательное отцовство с позиции детской психологии не совсем уместно.

Воздействие семьи, существующей ныне, на психологию матерей оценить очень и очень непросто. Думаю, во время беременности и кормления грудью женщина, как правило, испытывает инстинктивное стремление обрести мужскую заботу и защиту; это

стремление, несомненно, мы унаследовали от человекообразных обезьян. Вероятно, женщина, которая в нашем довольно-таки суровом мире вынуждена обходиться без такой защиты, становится чрезмерно воинственной и самоуверенной. Впрочем, эти чувства, инстинктивны лишь отчасти. Они значительно ослабеют, если даже не исчезнут вовсе, если государство предложит надлежащий уход будущим и кормящим матерям и их детям. Пожалуй, наибольший урон женщинам вследствие устранения отца из семьи причинит исчезновение былой близости с противоположным полом. Так уж устроены человеческие существа, что один пол многому учится у другого, и обыденных сексуальных отношений, даже страстных, недостаточно для такого обучения. Сотрудничество в столь серьезном деле, как воспитание детей, и дружеское совместное проживание на протяжении долгих лет ведут к формированию отношений, все более важных и обогащающих для обеих сторон. Однако подобное станет невозможным, если мужчин освободят от ответственности за детей. Мне кажется, что и матери, живущие в сугубо женской среде или вступающие в контакты с мужчинами по тривиальным поводам, не будут, за редкими исключениями, идеалом для своих детей применительно к эмоциональному развитию — в отличие от женщин, счастливых в браке и во всем сотрудничающих со своими мужьями. Впрочем, во многих случаях на эти соображения сразу же возникают возражения практического свойства. Если женщина по-настоящему несчастна в браке — а это,

в конце концов, явление распространенное, — эти горести сильно затруднят для нее правильные эмоциональные взаимоотношения с детьми. В таких ситуациях она наверняка окажется лучшей матерью, если расстанется с отцом ребенка. Так мы пришли к совершенно банальному выводу, что счастливые браки хороши, а несчастливые — скверны и порочны.

Наиважнейшим в воздействии семьи на психику индивида мне представляется положение отца. Мы уже неоднократно имели возможность убедиться в значимости отцовства и сопутствующих ему страстей. Мы видели, какую роль оно играло на ранних стадиях развития патриархальной семьи и подчинения женщин, из чего вполне можно сделать вывод о том, сколь могучим и страстным способно оказаться это чувство. По причинам, которые не так-то просто обозначить, в цивилизованных обществах это чувство значительно ослабевает. Римские аристократы времен империи совершенно очевидно его утратили, а в наши дни многие интеллектуалы почти полностью от него избавились. Тем не менее, оно все еще присуще подавляющему большинству мужчин, даже в наиболее цивилизованных сообществах. Именно по этой причине, а не просто ради секса, мужчины вступают в брак — ведь получить сексуальное удовлетворение вне брака не составляет труда. Одна теория утверждает, что желание иметь детей более распространено среди женщин, чем среди мужчин, но мое собственное впечатление, чего бы оно ни стоило, позволяет считать, что на самом

деле все ровно наоборот. В немалом количестве современных браков дети — уступка со стороны женщины своему мужчине. В конце концов, это женщине терпит родовые муки, это она рискует своей красотой, рожая ребенка, тогда как мужчина ни о чем подобном не задумывается. В целом мужчина обыкновенно желает ограничить размеры своей семьи по сугубо экономическим основаниям; те же основания действительны и для женщины, но у последней имеются также собственные специфические причины. Глубина мужского желания обзавестись потомством становится очевидной, если вспомнить утрату материального комфорта, с которой обычно мирятся профессионалы (юристы, врачи и другие), стремящиеся обучать детей в дорогостоящих учреждениях, как принято в их среде.

Зачинали бы мужчины детей, не желай они впоследствии наслаждаться теми правами, которые сулит отцовство? Наверное, кто-то скажет, что, если мужчины не готовы нести сопутствующие обязанности, зачинать детей «просто так» поистине безрассудно. Я не соглашусь. Мужчина, желающий иметь детей, морально готов к ответственности, которая здесь заложена. Вдобавок сегодня, в эпоху контрацепции, мужчина редко зачинает ребенка случайно в погоне за удовольствиями. Конечно, каково бы ни было текущее законодательство, мужчине и женщине всегда будет доступен постоянный союз, в котором возможно приобщение к некоторым радостям отцовства; но если законы и обычаи будут изменены согласно воззрению, что ребенок

принадлежит лишь матери, женщины наверняка придут к мысли, что брак, каким мы его знаем сейчас, есть покушение на их свободу и подразумевает в том числе отказ от безраздельной власти над детьми с их стороны. Потому следует ожидать, что мужчинам придется нелегко в попытках убедить женщин поступиться правами, юридически им гарантированными.

В предыдущей главе я уже частично затрагивал вопрос о влиянии такой системы на мужскую психологию. На мой взгляд, она в значительной степени обесценила бы человеческие отношения, побуждала бы мужчин все больше и больше стремиться к удовольствиям, а не к союзу сердца, духа и плоти. В итоге все личные отношения неизбежно сведутся к откровенной банальности, и подлинные чувства мужчины будут обращены на карьеру, страну или иной безличный предмет. Впрочем, эти рассуждения носят довольно отвлеченный характер, ибо мужчины сильно отличаются друг от друга, и серьезное лишение для одного может оказаться не более чем досадной помехой для другого. Я убежден (хотя говорю об этом вслух с легким сомнением), что исчезновение отцовства как признанной формы социальных отношений сделает эмоциональную жизнь мужчин обыденной и унылой, обернется в итоге нарастанием скуки и отчаяния, и о продолжении рода постепенно забудут, а человечество станет пополняться разве что из старых запасов, накопленных от прежних поколений. Думаю, от скуки и обыденности нам не спастись. Ра-

зумеется, сокращение численности населения можно предупредить, выплачивая женщинам достойные суммы за жребий материнства. К таким мерам, полагаю, предстоит прибегнуть уже скоро, если царящий в мире милитаризм сохранит свои позиции. Но здесь мы вступаем на территорию, описанию которой посвящена следующая глава, а потому на сем стоит закончить.

Глава 15

СЕМЬЯ И ГОСУДАРСТВО

Семья, будучи институцией биологического происхождения, в цивилизованных обществах воспринимается как плод законотворчества. Брак регулируется законом, власть родителей над детьми расписана в законе со всеми подробностями. Вне брака у отца нет никаких прав, а ребенок принадлежит исключительно матери. При этом, пускай закон вроде бы направлен на поддержание целостности семьи, в наши дни он все чаще встает между родителями и детьми и постепенно, вопреки желаниям и намерениям законодателей, превращается в одну из важнейших причин распада семейной системы. Перед нами следствие того, что дурным родителям нельзя доверять заботу о детях в той степени, каковая признается необходимой в сообществе. Здесь и в случае нищеты родителей требуется вмешательство государства для спасения детей. В начале девятнадцатого столетия века выдвигалось предложение ограничить детский труд на фабриках, но против него категорически возражали — мол, так

мы ослабим родительскую ответственность. Хотя английский закон несколько не походил на законы древнего Рима, позволявшие родителям убивать детей быстро и безболезненно, он допускал лишение детей жизни через медленную агонию тяжкого труда. Это священное право пылко отстаивали родители, работодатели и экономисты. Тем не менее, общественная мораль восстала против этого отвратительного педантизма, и были приняты так называемые фабричные законы.

Следующий шаг оказался еще важнее: речь о введении обязательного образования. Это действительно серьезное вмешательство в права родителей. Немалое количество часов в неделю, за исключением выходных, дети отныне проводили вне дома, изучая то, что считало необходимым для изучения государство, а мнение родителей в данном отношении признавалось несущественным. Посредством школ государство постепенно и неуклонно усиливало контроль за детской жизнью. О здоровье детей заботились, даже если родители принадлежали к последователям Христианской науки¹. Умственно отсталых ребятишек отправляли в специализированные заведения. Нуждавшихся кормили из казны и выдавали им обувь. Если дети приходили в школу с явными признаками родительского физического насилия, родителей нередко подвергали судебному преследо-

¹ Квазирелигиозное учение, основанное в 1879 году американской активисткой Мэри Б. Эдди. Согласно этому учению человек может исцелить себя одной силой духа, не прибегая к медицине.

ванию. В старину родители были вправе забирать у детей их заработок, пока дети не достигали совершеннолетия; теперь же, пусть детям непросто спрятать заработанное, отбирать деньги запрещено, и при необходимости дети могут обратиться за помощью к полиции. Среди немногочисленных прав, оставленных родителям из сословия наемных тружеников, — право внушать своим детям всевозможные предрассудки, распространенные в родительском сообществе. Но даже это право во многих странах у родителей отбирают.

Как кажется, для этого процесса замещения отца государством не существует сколько-нибудь четких пределов. Государство присваивает именно функции отца, а не матери, поскольку оно заботится о ребенке так, как прежде заботился о нем отец. В высших слоях общества и у среднего класса данный процесс едва заметен, так что фигура отца сохраняет свою значимость, зажиточная семья выглядит прочнее, нежели семья наемных тружеников. Там, где укореняется социализм — как в Советской России, — отмена или полное преобразование образовательных институций, прежде обслуживавших детей богачей, признаются насущно необходимыми. Вряд ли можно вообразить нечто подобное в Англии. Я слышал, как видные английские социалисты с пеной у рта отвергали идею общего обучения в начальных школах. «Что? Чтобы мои дети якшались с каким-то сбродом из трущоб? Никогда!» Как ни странно, эти люди отказываются понимать, насколько тесно классовый раскол связан с системой образования.

В настоящее время во всех европейских странах налицо желание постепенно наделять государство всеми полномочиями и функциями отца для сословия наемных тружеников, но без соответствующего вмешательства в дела прочих сословий (особняком стоит Россия). Можно наблюдать довольно сильно различающиеся результаты — среди богатых и среди бедных: у последних происходит ослабление семьи, зато у первых почти ничего не меняется. Полагаю, мы могли бы сказать, что гуманитарная опека детей, стимулировавшая вмешательство государства до сих пор, будет продолжаться, причем количество случаев вмешательств будет возрастать. Например, тот факт, что немалое число детей из беднейших районов Лондона, не говоря уже о промышленных городах севера Англии, страдает от рахита, требует пристального внимания общественности. Родители не в состоянии справиться с этой болезнью сами, сколько бы ни пытались, ибо тут нужны особый режим питания, свежий воздух и солнце, чего семья не сумеет обеспечить при всем желании. Бессмысленно и даже преступно допускать физическое ослабление детей в ранние годы их жизни, и по мере развития гигиены и диетологии мы все чаще станем слышать, что дети ни в коем случае не должны страдать там, где этих страданий можно избежать.

Разумеется, все подобные предложения сталкиваются с ожесточенным политическим сопротивлением. Все состоятельные люди в каждом лондонском районе объединяются, чтобы никоим образом не допустить искоренения болезней и нищеты среди

бедных. Когда местные власти, как это было в Попларе, принимают по-настоящему эффективные меры для снижения детской смертности, чиновников сажают в тюрьму¹. Тем не менее, сопротивление богатей постепенно удастся преодолеть, а состояние здоровья бедноты мало-помалу улучшается. Поэтому мы с полным основанием можем ожидать, что государственная забота о детях наемных тружеников будет расширяться, а не сокращаться в ближайшем будущем, тогда как отцы окажутся отодвинутыми от воспитания. Биологическая функция отцовства заключается в защите беспомощного потомства; если эту функцию берет на себя государство, отец теряет свой *raison d'être*². Значит, в капиталистических обществах станет усиливаться классовое деление — на две касты: на богатых, сохраняющих семью в ее прежнем виде, и на бедных, все чаще призывающих государство выполнять экономические функции, традиционно возлагавшиеся на отцов.

Более радикальные преобразования семьи приняты в Советской России, но с учетом того, что восемьдесят процентов населения этой страны составляют крестьяне, среди которых семья все еще ценится столь же высоко, как она ценилась в Западной Европе в Средние века, устремления ком-

¹ В 1923 году показатель детской смертности в Попларе составлял 60, а в Кенсингтоне — 70 человек на тысячу; в 1926 году, после восстановления «законности», в Попларе он вырос до 71, но сократился до 60 человек на тысячу в Кенсингтоне. — *Примеч. авт.* Поплар — рабочий район на востоке Лондона, Кенсингтон — бывший аристократический район западного Лондона. — *Примеч. ред.*

² Смысл существования (*фр.*).

мунистов, вероятно, затронут лишь сравнительно небольшую городскую прослойку. Поэтому в России возможно возникновение ситуации, прямо противоположной той, какую мы описываем для капиталистических стран: высший класс ликвидирует семью, а вот низшие классы ее сохраняют.

Еще одной могучей силой, которая подразумевает постепенное отмирание отцовства, является стремление женщин к экономической независимости. Женщины, до сих пор проявлявшие наибольшую политическую активность, принадлежали к числу незамужних, но такое положение дел, по всей видимости, недолговечно. Надо отметить, что в Англии замужние женщины сегодня страдают куда сильнее незамужних. Замужняя учительница ничем не отличается для общества от той, которая открыто живет в грехе. Даже государственные врачи, специалисты по беременности и родам, если это женщины, должны оставаться незамужними. Дело тут вовсе не в том, что замужние женщины непригодны для такой работы, и не в каких-то юридических преградах для их трудоустройства (напротив, несколько лет назад приняли закон, безусловно утверждающий, что брак не лишает женщину ее прав). Нет, замужних отвергают исключительно из стремления мужчин сохранять впредь экономическую власть над женщинами. Но не следует предполагать, будто женщины готовы беспрекословно подчиниться такой тирании. Да, непросто найти партию, которая согласилась бы поддержать их требования, ибо консерваторы ценят дом и семью, а лейбористы славят

рабочих. Однако сегодня, когда женщины составляют большинство электората, можно ожидать, что им надоеет покорно подчиняться мужчинам и вечно терпеть и смиряться. Если они добьются своего, это, несомненно, скажется на семье. Для замужних женщин возможны два способа обретения экономической независимости. Во-первых, они могут и далее заниматься тем делом, каким занимались до брака. Значит, заботу о детях придется передоверить другим, что будет способствовать появлению все новых яслей и детских садов; логическим следствием этого будет фактическое исчезновение матери, наряду с отцом, из детского восприятия. Второй способ состоит в том, что женщины с малыми детьми получают государственное пособие — при условии, что они целиком посвящают себя уходу за ребенком. Конечно, этого способа по отдельности недостаточно, его нужно дополнить возможностью для женщины вернуться на работу, когда ребенок подрастет. Но он обладает очевидным преимуществом: так женщина может заботиться о ребенке самостоятельно, без унижительной зависимости от конкретного мужчины. Кроме того, тем самым будет подчеркнуто (что все более очевидно в наши дни), что появление на свет ребенка, ранее выступавшее как простое следствие удовлетворения сексуального желания, теперь становится заданной целью, осуществление которой, раз уж это совершается в интересах государства, а не родителей, должно оплачивать именно государство, не возлагая тяжкое финансовое бремя на отца и мать. Данное обстоя-

тельство получило общественное признание, однако пока еще не утвердилось мнение, что пособие по уходу за ребенком должна получать только мать. Впрочем, можно, думаю, смело допустить, что феминизм в рядах наемных тружеников постепенно заставит все осознать и закрепить законодательно.

Предположим, такой закон примут; его влияние на семейную мораль будет зависеть от формулировок. Отнюдь не исключен вариант, по которому женщинам не будут выдавать пособие, если ребенок рожден вне брака; или же возможно следующее условие: если женщину хотя бы единожды доказательно обвинят в супружеской измене, пособие на ребенка будет выплачиваться не ей, а мужу. По такому закону обязанностью местной полиции станет обход замужних женщин для определения их морального статуса. С точки зрения общественной морали эффект может быть позитивным, но я сомневаюсь в том, что женщины, которых это коснется, сильно обрадуются. Думаю, со временем зазвучат требования прекратить полицейское вмешательство — и мы услышим, что и женщины с незаконнорожденными детьми должны получать государственное пособие. Если так произойдет, экономическая власть отца в рядах наемных тружеников исчезнет окончательно, а семья, быть может, перестанет существовать как «двуродительская»: отец делается таким же дополнением к ней, как кошка или собака.

Правда, в наши дни большинство женщин испытывает такой ужас перед домашней рутинной, что, как мне кажется, они предпочтут продолжить рабо-

ту, которой занимались до брака, а не получать средства от государства на уход за своими детьми. Имеется достаточное число женщин, готовых покинуть дом ради заботы о чужих детях в яслях (это полноценная профессия), но я не думаю, что многие женщины, поступи им подобное предложение, захотят получать пособие на детей при возможности зарабатывать там, где они трудились до брака. Впрочем, это лишь догадка, и у меня нет сколько-нибудь убедительных доказательств в поддержку этого утверждения. Так или иначе, если в наших рассуждениях присутствует хотя бы крупинка истины, развитие феминизма в среде замужних женщин приведет, вероятно, в относительно ближайшем будущем и даже в капиталистическом обществе, к освобождению одного, а то и обоих родителей от ухода за детьми в рядах наемных тружеников.

Восстание женщин против господства мужчин представляет собой движение, в чисто политическом смысле практически исчезнувшее, но в более широком значении едва сформировавшееся. Постепенно общество начинает ощущать последствия этого восстания. Эмоции, которые должны испытывать женщины, по-прежнему считаются отражением интересов и чувств мужчин. В романах авторов-мужчин мы читаем, что уход за детьми доставляет женщинам физическое удовольствие; достаточно спросить любую мать среди своих знакомых, чтобы убедиться, что это не так, но пока женщины не обрели право голоса, никто из мужчин даже не задумывался над данным утверждением. Материнские эмоции долгое

время умиляли мужчин, которые подсознательно видели в них способ сохранения своего господства, и понадобятся значительные усилия, чтобы изменить это положение дел. До самого недавнего времени считалось, что все порядочные женщины желают иметь детей — и ненавидят секс. Даже сегодня многих мужчин шокируют те женщины, которые открыто заявляют, что не хотят детей. И многие мужчины даже осмеливаются читать женщинам нотации на этот счет. Пока женщины находились в подчинении, они не осмеливались проявлять искренность в отношении собственных эмоций и выказывали чувства, угодные и приятные мужчинам. Следовательно, нельзя опираться на привычное «нормальное» отношение женщин к детям, поскольку ясно, что с эмансипацией женские эмоции уже не те, что им приписывали ранее. Полагаю, цивилизация — во всяком случае, в своем нынешнем облике — ведет к неумолимому истреблению материнских чувств. Не исключено, что в будущем цивилизация падет, если за рождение детей и уход за ними женщинам не будут выплачивать суммы, сопоставимые с достойной заработной платой. Но даже при выполнении этого условия далеко не все женщины согласятся. Деторождение станет профессией, одной из многих, и выбравшие ее будут трудиться в ней с положенным тщанием, строго соблюдая все правила. Впрочем, это лишь мои фантазии. В них достоверно только то, что феминизм в своей современной форме оказывает несомненное воздействие на патриархальную семью, которая с

доисторических времен воплощала господство мужчины над женщиной.

Замещение отца государством, пока во многом нереализованное на Западе, сулит немалые преимущества. Этот шаг существенно улучшает здоровье общества и повышает общий уровень образования. Он смягчает жестокое обращение с детьми и делает невозможными те страдания, которые выпали когда-то на долю Дэвида Копперфилда¹. Можно ожидать дальнейшего укрепления физического здоровья и повышения качества интеллектуальных развлечений, в особенности посредством искоренения наихудших пороков семейной системы, которые обнажаются, когда эта система разлагается. Но имеются и немалые опасности в вытеснении семьи государством. Родители, как правило, любят своих детей, для них это не просто пешки в политической игре. От государства нельзя ожидать подобного отношения. Реальные люди, взаимодействующие с детьми от имени государства, например, школьные учителя, могут, если не перегружать их работой и как следует платить, демонстрировать некое подобие родительских чувств. Но у учителей мало власти, последняя принадлежит в основном администраторам. А те не контактируют с детьми, жизнью которых они управляют, и, будучи администраторами (иначе они не занимали бы те должности, которые занимают) воспринимают их как материал для реализации обозначенных целей. Более того, администраторы по определению ценят единообра-

¹ Речь о герое одноименного романа Чарльза Диккенса.

зие, важное для статистики и отчетности; если это «правильное» единообразие, оно подразумевает наличие большого числа людей, соответствующих представлению администратора о «правильных» людях. Дети, вверенные попечению таких институций, должны вести себя одинаково, а тех немногих, кто не в состоянии этого делать, будут наказывать — и сверстники, и власти. Это означает, что детей, обладающих ярким творческим потенциалом, ждут преследования и пытки, призванные сломить их дух. Это означает, что «одинаковое» конформистское большинство преисполнится самоуверенности и жестокости и станет наотрез отвергать любые новые идеи. А самое главное: пока мир остается разделенным на конкурирующие милитаристские государства, замена родителей государственными образовательными учреждениями повлечет за собой наращивание так называемого патриотизма, то есть готовности к взаимному истреблению без малейших колебаний всякий раз, когда того потребует правительство. Безусловно, так называемый патриотизм представляет собой величайшую угрозу для цивилизации, а потому всего, что увеличивает его вирулентность, следует избегать — как чумы, мора и голода. В настоящее время молодежь делит лояльность между родителями, с одной стороны, и государством — с другой. Если случится так, что фокусом их лояльности будет только государство, появятся весомые основания опасаться, что мир сделается еще кровожаднее, чем сейчас. Посему, думаю, до тех пор, пока не решена задача интернационализма,

рост влияния государства в области образования и ухода за детьми сулит риски, перевешивающие несомненные преимущества этого процесса.

Но если удастся учредить международное правительство, способное заменить насилие главенством закона, ситуация окажется совершенно иной. Такое правительство постановит, что национализм в его самых безумных формах ни в коем случае не должен проникать в образовательные программы любой страны. Оно будет настаивать на том, что детей следует учить лояльности международному сверхгосударству и прививать интернационализм вместо приверженности национальному флагу. В этом случае, пусть сохранится опасность чрезмерного единообразия и жестоких преследований «отступников», угроза милитаризации и войны постепенно сойдет на нет. Действительно, контроль сверхгосударства за образованием будет эффективной мерой предотвращения войны. Полагаю, мы вправе сделать вывод, что замена отца государством принесет пользу цивилизации, если государство будет интернациональным, но пока государства остаются национальными и милитаристскими, они олицетворяют собой угрозу вероятного сползания к войне. Семья стремительно разрушается, а интернационализм крепнет медленно. Потому текущая ситуация вызывает серьезные опасения. Тем не менее, она не выглядит безнадежной, поскольку интернационализм в перспективе способен крепнуть значительно быстрее. К счастью, мы не в силах предвидеть будущее, а потому имеем право надеяться, если уж не ожидать, что оно будет лучше настоящего.

Глава 16

РАЗВОД

Развод как таковой разрешался в большинстве эпох и стран, но всегда был скорее исключением, нежели правилом. Он никогда не рассматривался как альтернатива моногамной семье, всегда считался способом облегчить положение дел, если сохранение брака представлялось невозможным. Законы о разводе чрезвычайно различаются от эпохи к эпохе и от страны к стране; в настоящее время в Соединенных Штатах Америки развод все еще запрещен в Южной Каролине, но донельзя прост в штате Невада¹. У многих нехристианских цивилизаций развестись очень легко для мужа, а кое-где — и для жены. Моисеев закон позволяет мужу подать прошение о разводе; китайский закон допускает развод при условии возвращения жене приданого.

¹ В Неваде основаниями для развода служат преднамеренная разлука (уход из семьи), тяжкое или позорное преступление, алкоголизм, импотенция, жестокое обращение, отказ давать средства на содержание семьи и сумасшествие. См.: *Sex in the History of Civilization*, ed. by V. F. Claverton and S. D. Schmalhausen, London, George Allen & Unwin Ltd., 1929, p. 224. — *Примеч. авт.*

Католическая церковь, утверждая, что брак есть святое таинство, разводиться категорически запрещает, но на практике ее строгость отчасти смягчается тем обстоятельством — особенно когда речь идет о важных персонах, — что существует множество поводов объявить брак недействительным¹.

В христианских странах снисходительное отношение к разводу тем крепче, чем сильнее позиции протестантизма. Мильтон, как всем известно, высказывался о разводе одобрительно, будучи ревностным протестантом². Англиканская церковь в ту пору, когда считала себя протестантской, признавала развод в случае супружеской измены, но не по иным причинам. В настоящее время подавляющее большинство священнослужителей в англиканской церкви выступают против развода как такового. В Скандинавии развестись крайне просто, как и в протестантских областях Америки. Шотландия в сравнении с Англией более терпима к разводам. Во Франции антиклерикализм привел к облегчению процедуры развода. В Советском Союзе развод возможен по просьбе любой стороны, но, поскольку не предусмотрены ни социальные, ни юридические

¹ Следует напомнить, что в истории герцога и герцогини Мальборо брак объявили недействительным, поскольку герцогиню к нему принудили. На этом основании брак был расторгнут, хотя супруги прожили вместе много лет и у них были дети. — *Примеч. авт.*

² Великий английский поэт, автор «Потерянного рая» Джон Мильтон сочинил четыре памфлета о разводе — «Основа и дисциплина развода», «Суждение Мартина Бусера», «Тетрахордон» и «Коластерион» (1643–1645). В этих сочинениях он утверждал, что развод обоснован при душевной несовместимости супругов.

меры наказания за прелюбодеяние или рождение детей вне брака, брак в России утратил то значение, каким он обладает повсеместно — во всяком случае, в высших слоях¹.

На мой взгляд, любопытная особенность развода в том, сколь велико в этом случае оказывается различие между законом и обычаем. Самые вольные законы отнюдь не обязательно провоцируют наибольшее количество разводов. В Китае до недавних потрясений развод был почти неизвестен, и, несмотря на пример Конфуция², не одобрялся. Швеция допускает развод по взаимному согласию, чего не встретишь ни в одном штате Америки; однако в 1922 году — это последняя дата с сопоставимыми цифрами в моем распоряжении — число разводов на сотню тысяч человек населения составило 24 случая в Швеции и 136 случаев в Соединенных Штатах Америки³. Думаю, это различие между законом и практикой крайне важно; сам я одобряю более снисходительные законы в этой сфере, но, пока существует нормальная семья с двумя родителями,

¹ Нелишним будет напомнить, что работа Рассела была опубликована в 1929 году.

² Известно, что Конфуций женился в 19 лет и что у него был сын, но позднее он почему-то развелся с женой (во всяком случае, сильно отдалился от нее) и воспитывал сына самостоятельно. О семейной жизни в своих «Изречениях» он говорил так: «Трудно воспитывать только женщину и маленького человека. Если их приближаешь, они теряют почтительность. Если их отдаляешь, они обижаются» (пер. Б. Виноградского).

³ С тех пор общее число разводов и расторжений брака в Швеции увеличилось с 1531 в 1923 году до 1966 в 1927 году, а в США выросло на сотню браков с 13,4 до 15. — *Примеч. авт.*

есть веские причины поддерживать практику противодействия разводам, за исключением некоторых крайних случаев. Я придерживаюсь этой точки зрения, потому что воспринимаю брак не просто как сексуальное партнерство, но прежде всего как желание сотрудничать в продолжении рода и воспитании детей. Возможно и даже вероятно, как мы видели в предыдущих главах, что брак, понимаемый таким образом, падет под напором разных сил, среди которых главенствуют экономические, но в этом случае должен исчезнуть и развод, так как существование этой институции зависит от существования брака (он служит для последнего своего рода выпускным клапаном). Словом, в текущем обсуждении мы будем придерживаться рамок семьи с двумя родителями как распространенной нормы.

Протестанты и католики в целом трактуют развод не с точки зрения биологического предназначения семьи, но исходя из богословской концепции греха. Католики, утверждая, что брак нерасторжим, ибо заключается пред Господом, по необходимости считают, что, если двое поженились, ни один из них при жизни другого не вправе грешить на стороне, каков бы ни был по своему содержанию сам брак. Протестанты в целом допускают развод — отчасти, потому что не согласны с католическим представлением о святости брачных уз, отчасти потому, что принципиальная нерасторжимость брака может спровоцировать человека на измену, которая является смертным грехом; чем легче развод, тем ниже вероятность прелюбодеяния. Потому в тех проте-

стантских странах, где развестись просто, к прелюбодеянию относятся крайне неодобрительно, а там, где возможность развода отрицается, прелюбодеяние признается грехом, но допускается — во всяком случае, когда речь идет о мужчинах. В царской России развестись было чрезвычайно трудно, и люди не осуждали Горького за его бурную личную жизнь, в отличие от политической деятельности¹. В Америке же, напротив, никто не критиковал его политические взгляды, зато его осуждали по моральным соображениям, и ни одна гостиница не приняла бы его постояльцем.

Ни протестантскую, ни католическую точку зрения по данному вопросу невозможно обосновать рационально. Давайте начнем с католиков. Предположим, муж или жена впали в безумие в браке; в этом случае нежелательно рождение детей, а тех детей, что уже успели родиться, следует изолировать от безумца. Полное разделение родителей, даже при условии, что безумец временами приходит в себя (на краткий или длительный срок), желательно в интересах детей. Утверждать, что и при таких обстоятельствах здравомыслящий партнер не вправе искать любых юридически допустимых сексуальных отношений на стороне, значит проявлять бессмысленную жестокость, которая никак не содействует общественному благополучию. Выбор здравомыслящего партнера невелик и мучителен: он либо продолжает воздерживаться, чего требуют закон и об-

¹ Оставаясь официально женатым, Горький ушел из семьи и жил в гражданском браке с актрисой М. Андреевой.

шественная мораль; либо вступает в тайные отношения, старательно избегая зачатия; либо выбирает, как говорится, открытый грех, с детьми или без — уж как получится. Везде есть свои трудности. Полное сексуальное воздержание, в особенности когда ты уже привык к таким контактам в браке, очень болезненно. Оно нередко приводит к преждевременному старению и способно обернуться душевным расстройством; так или иначе, человек непременно становится малоприятным в общении, сварливым и раздражительным. Для мужчины вдобавок имеется немалая опасность того, что однажды самообладание ему внезапно изменит, и это закончится актом насилия, ибо желание удовлетворить сексуальную потребность может оказаться сильнее моральных принципов и страха наказания.

Вторая альтернатива, а именно тайная бездетная связь, является на практике наиболее распространенной в контексте нашего обсуждения. Она также чревата серьезными потрясениями. Необходимость скрываться угнетает партнеров. Полноценные сексуальные отношения невозможно развивать, не имея в виду детей и не ведя совместную жизнь. Более того, если мужчина или женщина молоды и активны, для общества будет полезнее позволить им завести общих детей. И, напротив, я считаю порочным и вредным законодательно закреплять условие, согласно которому человек не может иметь других детей, кроме как от сумасшедшего партнера.

Третий вариант, жизнь в «открытом грехе», представляется наименее ущербным — как для индиви-

да, так и для общества, если таковое возможно, но по экономическим причинам этот вариант в большинстве случаев неосуществим. Врач или адвокат, пытаясь жить в открытом грехе, лишится своих пациентов и клиентов. Человек, подвигающийся в какой-либо ученой области, незамедлительно потеряет свою должность¹. Даже если экономические условия благоприятствуют открытому греху, большинство людей испугается социального порицания. Мужчинам важно быть членом какого-нибудь клуба, а женщинам нравится ощущать себя уважаемыми в глазах других женщин. Разумеется, вынужденный отказ от этих удовольствий будет чрезвычайно болезненным. Следовательно, открытый грех притягателен разве что для богачей, художников, писателей и прочих — в богемной среде к таким вещам относятся более снисходительно.

Отсюда следует, что в стране, где не дают развода по причине сумасшествия партнера, как в Англии, мужа и жены таких несчастных оказываются в невыносимом положении, в пользу которого нельзя привести никаких доводов, помимо теологических суеверий и предрассудков. Сказанное о безумии так же верно и для венерических болезней, повседневных преступлений и бытового пьянства. Все перечисленное разрушает брак, как на последний ни смотри. Они делают партнерство невозможным, ставят под сомнение продолжение рода и це-

¹ Если только он не преподает в одном из старейших университетов и не состоит в близком родстве с пэром, входящим в состав кабинета министров. — *Примеч. авт.*

лесообразность общения заболевшего / буйного / пьющего родителя с детьми.

Уход из семьи — по-настоящему, не временно — является достаточным основанием для развода, ибо в данном случае суд просто-напросто признает свершившийся факт, а именно — что брак распался. Впрочем, с юридической точки зрения тут имеются некоторые осложнения: если давать развод на основании ухода из семьи, многие воспользуются этой уловкой и разводов станет еще больше. То же самое можно сказать и в отношении ряда других причин для развода, будто бы очевидных. Многие супружеские пары испытывают столь горячее желание расстаться, что готовы прибегнуть едва ли не к любому средству, разрешенному законом. По старым английским законам развод допускался в том случае, если мужа признавали виновным в прелюбодеянии или жестокости, и достаточно часто муж стоваривался с женой и колотил ее в присутствии слуг, чтобы заручиться доказательствами жестокости. Насколько желательно, чтобы двух людей, страстно мечтающих о расставании, закон принуждал терпеть компанию друг друга, — иной вопрос. Мы должны предельно честно признать, что любые основания для развода неизбежно окажутся доведенными до крайности, а многие люди начнут осознанно вести себя таким образом, чтобы предоставить эти основания. Но давайте отвлечемся от юридических затруднений и продолжим наше исследование обстоятельств, препятствующих сохранению брака.

Прелюбодеяние как таковое не должно, по-моему, считаться основанием для развода. Если люди не стиснуты строжайшими запретами или жесткими моральными установлениями, мне трудно представить, чтобы на протяжении всей своей жизни они ни разу не испытали желания изменить своей половине. Но такие желания вовсе не подразумевают, что существующий брак перестал служить своей цели. Между мужем и женой может по-прежнему наличествовать горячая привязанность и желание сохранить брак. Предположим, например, что мужчине предстоит провести по делам несколько месяцев вдали от дома. Если он физически здоров, ему будет трудно соблюдать воздержание весь этот срок, как бы он ни любил свою жену. То же самое касается его жены, если она не слишком строга в вопросах морали. Неверность в подобных обстоятельствах ни в коем случае не должна восприниматься как преграда для семейного счастья — и не является преградой, если муж и жена не видят необходимости в мелодраматических приступах ревности. Можно пойти дальше и сказать, что обеим сторонам в браке надлежит мириться с такими временными увлечениями своих половин, при условии, что супружеская привязанность продолжает существовать. Психология прелюбодеяния опошлена и опорочена общепринятой моралью, которая в моногамных странах постановляет, что влечение к одному человеку несовместимо с искренней привязанностью к другому. Всем известно, что это не так, но все почему-то под влиянием ревности цепляются за эту

ошибочную теорию и раздувают из мухи слона. Следовательно, прелюбодеяние не является веским основанием для развода, за исключением случаев, когда налицо сознательный выбор в пользу любовника или любовницы.

Сказанное, безусловно, означает, что интрижка на стороне не предполагает появления детей. Едва на сцене появляются незаконнорожденные дети, все становится куда сложнее. Это в особенности верно для детей жены, поскольку в случае, если брак сохраняется, муж сталкивается с обязанностью воспитывать ребенка чужого мужчины вместе со своими и даже (если стремятся избежать скандала) как своего. Это противоречит биологическому базису брака и вызывает вдобавок сильнейшее инстинктивное напряжение. Потому до изобретения средств контрацепции супружеская измена, возможно, заслуживала того внимания, которое ей придается, но контрацептивы значительно облегчили для нас различие между половым актом вне брака и контактами в браке, то есть в партнерстве ради продолжения рода. А посему ныне следует уделять гораздо меньше внимания адюльтеру, нежели того требует традиционная мораль.

Желательные основания для развода можно разделить на две категории. Есть те, которые охватывают недостатки одного партнера: безумие, дипсомания¹ и преступные наклонности; также есть те, которые сводятся к взаимоотношениям мужа и жены. Может случиться так, что и без вины кого-либо

¹ Пьянство, запои.

из супругов им станет не мила совместная жизнь — если не пойти на довольно серьезные жертвы. Может случиться так, что у каждого найдется важное занятие, которое потребует раздельного проживания в разных местах. Может случиться так, что один, испытывая неприязни к другому, вдруг увлечется кем-то посторонним, причем увлечется настолько, что брачные узы покажутся ему невыносимыми. В этом случае, если не вмешается закон, между супругами непременно возникнет ненависть. Вообще-то такие случаи, как хорошо известно, вполне способны обернуться убийством. Если брак распадается из-за недееспособности одного партнера или вследствие обуявшего кого-то всепоглощающего чувства, не следует, вопреки сегодняшней практике, возлагать на кого-либо вину. По этой причине наилучшим основанием для развода в подобных ситуациях будет взаимное согласие. Иные основания понадобятся лишь тогда, когда брак разваливается из-за целенаправленных действий кого-то из партнеров, в том числе скрытых черт характера.

Чрезвычайно трудно составлять законы, посвященные разводу, поскольку, каковы бы ни были законы, судьи и присяжные всегда будут руководствоваться собственными страстями, а мужья и жены станут делать все возможное, чтобы преодолеть барьеры, возводимые законодателями. Хотя по английскому праву развод нельзя получить без обоюдного согласия мужа и жены, все знают, что в действительности такое согласие обычно имеется, просто его не озвучивают. В штате Нью-Йорк нередко

нанимают свидетелей, которые приходят в суд и подтверждают факт измены. Жестокость теоретически является отменным основанием для развода, но ее можно истолковать таким образом, что процесс превратится в абсурд. Когда самый выдающийся киноактер наших дней разводился с женой, обвинявшей его в жестокости, один из пунктов обвинения гласил, что он, оказывается, приводил домой приятелей и говорил с ними о Канте¹. Вряд ли можно вообразить, что калифорнийские законодатели в здравом уме одобрили бы прецедент, позволяющий женщине развестись с мужем из-за интеллектуальных бесед в ее присутствии. Единственное спасение от всех этих интриг, нелепостей и нападок — развод по взаимному согласию всегда, когда отсутствуют какие-либо определенные показания для развода (безумие, к примеру), побуждающие одну из сторон подать заявление о расторжении брака. Сторонам придется уладить все финансовые претензии за пределами суда, и никому не потребуются нанимать хитроумных крючкотворов, чтобы доказать монструозность партнера. Должен добавить, что признание брака недействительным, в настоящее время фиксируемое при невозможности сексуальных отношений в браке, следует объявлять, когда брак является бездетным. То есть когда у мужа и жены нет детей, и они хотят расстаться, им достаточно предъявить медицинское свидетельство, из которого явствует, что жена не в тягости. Истинная

¹ Имеется в виду Чарли Чаплин и его развод 1920 года с первой женой — Милдред Харрис.

цель брака — дети, и удерживать пару в бездетном союзе значит жестоко обманывать людей.

Что ж, хватит насчет законов о разводе; что касается обычаев, тут другое дело. Как мы уже видели, закон может облегчить процедуру развода, но вот обычаи ее усложняют. Думаю, отмеченная нами частота разводов в Америке объясняется отчасти тем, что люди ищут в браке что-то, чего там нет, а эти поиски, в свою очередь, отчасти связаны с нетерпимостью к прелюбодеянию. Брак должен быть партнерством, равноправным с обеих сторон, длиться по желанию супругов минимум до тех пор, пока не подрастут дети, и не оказываться под угрозой из-за мимолетных увлечений партнеров. Если такие временные увлечения не одобряются обществом или отягощают совесть кого-либо из партнеров, каждая интрижка должна по необходимости заканчиваться новым браком. Такое отношение способно, думается, полностью уничтожить семью с двумя родителями, ведь если у женщины новый муж каждые два года и новый ребенок от каждого мужа, дети в итоге забудут об отцах, а брак утратит свой *raison d'être*. Мы вновь возвращаемся к святому Павлу: брак в Америке, как излагалось в Первом послании к коринфянам, трактуется как альтернатива блуду; следовательно, если мужчина готов на грех, ему надо давать развод.

Когда брак заключается с целью завести детей, начинает действовать совершенно иная этика. Муж или жена, если у них есть хоть какая-то любовь к детям, будут регулировать свое поведение так, чтобы

обеспечить детям все условия для здорового и счастливого развития. Порой для этого придется идти на существенные самоограничения и самопожертвование. Безусловно, обе стороны должны ставить интересы детей выше собственных романтических эмоций. Но все это происходит само собой, когда родительская привязанность искренняя и когда ложная этика не воспламеняет в груди ревность. Некоторые наверняка скажут, что если муж и жена больше не испытывают страсти друг к другу и не мешают один другому заводить сексуальные отношения вне брака, у них не получится полноценного сотрудничества в воспитании детей. Так, мистер Уолтер Липпман¹ говорит: «Супруги, которые не являются любовниками, на самом деле не сотрудничают, как предполагает мистер Бертран Рассел, в порождении детей; они отвлекаются, они думают о другом и, что хуже всего, просто послушны общественному мнению»². Налицо, прежде всего, незначительное и, возможно непреднамеренное, искажение смысла. Конечно, супруги, которые не являются любовниками, не могут сотрудничать в зачатии детей; но родить ребенка — это ведь еще не все, а из слов мистера Липпмана, по-видимому, следует именно это. Сотрудничать в воспитании детей, да-

¹ Американский журналист и политический обозреватель, автор теории общественного мнения (или, как предпочитал писать он сам, Общественного Мнения, то есть образа реальности, — в противовес обыденному общественному мнению как знанию о мире).

² См.: Walter Lippmann, Preface to *Morals*, 1929, p. 208. — *Примеч. авт.*

же после того, как страстная любовь угасла, — вот труднейшая, поистине сверхчеловеческая задача для разумных людей, способных на естественные привязанности. Об этом я могу судить на основании множества случаев, известных мне лично. Называть таких родителей «просто послушными» значит игнорировать эмоцию родительской любви, которая, будучи подлинной и сильной, сохраняет неразрывную связь между мужем и женой еще долго после того, как физическая страсть угасла. Надо полагать, что мистер Липпман никогда не слышал о Франции, где семья крепка, а родители честно исполняют свои обязанности, несмотря на исключительную терпимость общества к прелюбодеянию. Зато в Америке ощущение семьи крайне ослаблено, и частота разводов служит тому подтверждением. Там, где ощущение семьи сильное, разводы сравнительно редки, даже при юридической простоте процедуры. Простой развод, известный ныне Америке, должен рассматриваться как переходная стадия на пути от семьи с двумя родителями к сугубо материнской семье. Впрочем, этот переходный этап сулит немало треволнений детям, ибо в современном мире у детей пока еще два родителя — и дети могут привязаться к отцу, с которым желает развестись мать. Пока традиционная семья с двумя родителями сохраняется как норма, родители, которые разводятся друг с другом без веских причин, представляются мне людьми, нарушающими свои родительские обязанности. Не думаю, что принуждение к сохранению брака со стороны закона способно исправить положение.

Мне кажется, необходимо следующее: во-первых, определенная степень взаимной свободы, которая сделает брак более терпимым; во-вторых, осознание важности детей, о чем мы забываем вследствие чрезмерного внимания к сексу в проповедях апостола и под влиянием романтического движения.

Вывод напрашивается такой: развод избыточно затруднен во многих странах, в том числе в Англии, но простота развода не выглядит идеальным решением проблем брака. Стабильность брака важна для детей, однако этой стабильности лучше всего добиваться через различение брака и обыденных сексуальных отношений, а также через подчеркивание биологической, а не только романтической составляющей супружеской любви. Вовсе не утверждаю, что брак можно освободить от обременительных обязанностей. В системе, за которую я выступаю, мужчины освобождаются, по правде говоря, от обязанности сексуальной супружеской верности, но в обмен на них возлагается обязанность подавлять свою ревность. Нельзя жить хорошо без самоконтроля, но лучше контролировать отрицательные, разрушительные эмоции вроде ревности, а не благодатные и всеохватные чувства наподобие любви. Традиционная мораль ошибается не в том, что не требует самоконтроля, а в том, что требует его не там, где нужно.

Глава 17

НАСЕЛЕНИЕ

Основная цель брака состоит в том, чтобы восполнять человеческое население земного шара. Некоторые брачные системы решают эту задачу неадекватно, другие же оказываются чересчур эффективными. Именно с данной точки зрения я намереваюсь рассмотреть сексуальную мораль в настоящей главе.

В естественных условиях природы крупным млекопитающим требуются — речь о каждой особи в отдельности — обширные пространства для прокорма. Поэтому общая численность любого вида крупных диких млекопитающих невелика. Популяция овец и коров куда многочисленнее, но это объясняется вмешательством человека. Наша же собственная популяция совершенно непропорциональна численности всех прочих крупных млекопитающих. Это, конечно, связано с нашими навыками. Изобретение лука и стрел, одомашнивание жвачных животных, начатки земледелия и промышленная революция — все перечисленное способствовало увеличению по-

головья людей, которые в состоянии сосуществовать в границах одной квадратной мили. Последнее из указанных экономических преимуществ, как подсказывает статистика, точно содействовало достижению этой цели; по всей вероятности, о других можно сказать то же самое. Человеческий интеллект пригодился в первую очередь для увеличения численности рода.

Действительно, как отмечает мистер Карр Сондерс¹, в доисторические и исторические времена численность населения оставалась относительно стабильной, а увеличение численности, подобное случившемуся в девятнадцатом столетии, воспринималось как исключительное явление. Можно предположить, что нечто в этом роде произошло в Египте и Вавилоне с изобретением ирригации и упрямоченного сельского хозяйства. Но в целом в исторические времена ничего подобного как будто не случилось. Разумеется, все оценки численности человеческого населения до девятнадцатого века приблизительно, но бросается в глаза, что они совпадают между собой. То есть быстрый прирост населения представляет собой редкое, исключительное явление. Если же — а так, кажется, складывается дело в большинстве цивилизованных стран — численность населения опять тяготеет к стабильности, значит, появились какие-то новые обстоятельства.

¹ Так у автора. Правильнее «Карр-Сондерс». А. Карр-Сондерс — английский биолог и социолог, позднее директор Лондонской школы экономики.

Главная заслуга мистера Карра Сондерса заключается в том, что в своей книге о населении он показывает: почти во все эпохи и почти повсеместно численность населения сдерживалась сознательным ограничением, а не просто высоким уровнем смертности. Возможно, в некоторых случаях автор несколько преувеличивает. Например, в Индии и Китае, по-видимому, именно высокий уровень смертности препятствует стремительному росту населения. Относительно Китая статистики нет, но ведь для Индии она доступна. Показатель рождаемости в этой стране поражает воображение, однако численность населения, на что обращает внимание сам мистер Карр Сондерс, возрастает даже немного медленнее, чем в Англии. Объяснением здесь служат высокая детская смертность, эпидемии и прочие болезни. Полагаю, Китай при наличии статистики демонстрировал бы схожую картину. Впрочем, несмотря на эти важные исключения, исходный посыл мистера Карра Сондерса, безусловно, верен. Из истории мы знаем о различных способах ограничения численности населения. Простейший из них — инфантицид, истребление младенцев, к которому широко прибегали везде, где подобное допускалось религией. Порой данная практика укоренялась столь глубоко, что местные, принимая христианство, делали оговорку — новая вера не должна запрещать детоубийство¹. Духоборы, подвергшиеся гонениям правительства царской России вследствие отказа от

¹ Так было, к примеру, в Исландии. См.: Carr Saunders, *Population*, 1925, p. 19. — *Примеч. авт.*

воинской службы (они верили, что человеческая жизнь священна), позднее вызвали недовольство и канадского правительства — на сей раз своей склонностью совершать детоубийство¹. Чуть меньшее распространение получили другие способы. У многих народов женщинам велят воздерживаться от половых сношений не только во время беременности, но и при кормлении грудью, каковое часто растягивается на два или три года. Тем самым обеспечивается существенное ограничение плодовитости, особенно среди дикарей, которые стареют гораздо быстрее, чем цивилизованные народы. Австралийские аборигены делают чрезвычайно болезненную операцию, которая сильно ослабляет мужскую силу и поддерживает фертильность в заданных рамках. Как мы знаем из Библии, минимум один конкретный метод контроля рождаемости использовался еще в древности², хотя его категорически не одобряли евреи, чья религия всегда оставалась выражено антимальтузианской. С помощью разнообразных способов люди избегали массовой гибели от голода, а вот если бы они сполна реализовывали свою плодовитость, трагический итог был бы неизбежен.

Тем не менее, голод сыграл важную роль в сокращении численности населения земного шара,

¹ Духоборы начали переселяться в Канаду с 1899 года, а к 1930 году мигрировало около 9000 человек.

² Ср.: «Онан знал, что семя будет не ему, и потому, когда входил к жене брата своего, изливал [семя] на землю, чтобы не дать семени брату своему» (Быт. 38:9).

причем, возможно, меньшую в ранних первобытных сообществах и большую в сельскохозяйственных, крестьянских культурах на заре их развития. Голод в Ирландии в 1846–1847 годах оказался настолько губительным, что численность населения острова никак не достигнет предыдущих значений. В России голодали часто, а события 1921 года еще свежи в памяти нашего поколения. Когда я был в Китае в 1920 году, немалая территория страны страдала от такого же страшного голода, какой постиг Россию в следующем году, но китайское население удостоилось меньшего сочувствия (если сравнивать с теми, кто обитал по берегам Волги), ибо их муки нельзя было приписать проискам коммунистов. Названные случаи доказывают, что население конкретной области порой превосходит по численности пределы выживания. Правда, так происходит прежде всего там, где сезонные колебания чреваты резким сокращением запасов пропитания.

Христианство, чему бы оно ни учило, положило конец всем практикам по ограничению численности населения (кроме воздержания). Инфантицид, разумеется, запретили, как и аборт наряду со всеми способами контрацепции. Да, духовенство, монахи и монахини хранили celibat, но, как я полагаю, в средневековой Европе они отнюдь не составляли столь же значимый процент населения, как незамужние женщины в Англии в наши дни. Поэтому их нельзя считать статистически значимым параметром фертильности. Соответственно, в Средние века выросла смертность, если сравнивать с антично-

стью, и причиной этого были нищета и болезни. Население увеличивалось в числе очень медленно. Чуть более высокие темпы прироста характерны для восемнадцатого столетия, но лишь девятнадцатый век принес радикальные перемены, и темпы роста достигли высот, ранее, пожалуй, невысказанных. По оценкам, в 1066 году в Англии и Уэльсе проживало 26 человек на квадратную милю. В 1801 году эта цифра выросла до 153 человек, а в 1901 — до 561 человека. То есть за девятнадцатое столетие налицо прирост почти в четыре раза по сравнению с периодом норманнского завоевания! При этом прирост населения Англии и Уэльса вряд ли показателен для данной местности, ибо в ту пору британцы активно заселяли различные области земного шара, где раньше проживали разве что немногочисленные дикари.

Имеется крайне мало причин увязывать этот прирост населения с улучшением уровня рождаемости. Скорее, следует говорить о снижении уровня смертности — частично благодаря развитию медицинской науки, но, как мне кажется, больше благодаря повышению качества жизни вследствие промышленной революции. С 1841 года, когда в Англии стали наблюдать за показателями рождаемости, и вплоть до 1871—1875 годов уровень рождаемости оставался почти неизменным и держался к последней дате на отметке максимум 35,5. Затем произошли два события. Первым стало принятие закона об образовании в 1870 году; вторым — судебный процесс против Брэдлоу за неомальтузианскую про-

паганду в 1878 году¹. Изучение источников показывает, что с тех пор уровень рождаемости начал снижаться — медленно, но нарастая до катастрофических масштабов. Закон об образовании предложил мотив, ибо дети перестали быть прибыльной инвестицией, а Брэдлоу обеспечил, так сказать, средства. За пять лет с 1911-го по 1915 год рождаемость упала до отметки 23,6. В первом квартале 1929 года она едва дотягивала до отметки 16,5. Численность населения Англии пока еще неспешно возрастает благодаря медицине и гигиене, но стремительно приближается к постоянному значению². Во Франции, как всем известно, налицо практически неизменная численность населения уже на протяжении довольно долгого времени.

Падение рождаемости происходило стремительно и почти повсеместно в границах Западной Европы. Единственным исключением являлись отсталые страны — такие, как Португалия, например. Больше это присуще городским, а не сельским общинам. Все начиналось среди обеспеченных, но мало-помалу затронуло все слои населения в горо-

¹ Концепция классического мальтузианства (по имени английского философа Т. Мальтуса, который предрекал голод и социальные потрясения в результате неконтролируемого увеличения численности населения) подразумевает ограничение деторождения. С появлением медицинских средств контрацепции эта теория вновь приобрела немало влиятельных сторонников, которые желали хотя бы так избавить низшие классы от постоянной нищеты (меньше детей — меньше расходов).

² В первом квартале 1929 года население сократилось, что объясняется эпидемией инфлюэнцы. См.: «Таймс» от 27 мая 1929 года. — *Примеч. авт.*

дах и промышленных областях. Надо сказать, что сегодня уровень рождаемости по-прежнему выше среди бедных, чем среди зажиточных, но в беднейших районах Лондона упал ниже показателей десятилетней давности для богатейших. Это, как все знают (хотя кто-то не желает признавать), явилось результатом абортот и распространения контрацептивов. Нет никаких оснований думать, будто падение задержится на некоем показателе, соответствующем поддержанию стабильной численности населения. Совсем не исключено, что она упадет кардинально, население начнет сокращаться, и в конце концов это приведет, упаси небо, фактически к полному исчезновению большинства наиболее цивилизованных народов.

Прежде чем плодотворно обсудить этот казус, необходимо уточнить, чего мы, собственно, желаем. Имеется ли какое-либо приемлемое экономическое состояние, которое Карр Сондерс признает оптимальным для плотности населения, то есть для той плотности, каковая обеспечивает максимальный доход на душу населения? Если численность населения падает ниже данного показателя или поднимается выше, общий уровень экономического благополучия снижается. В целом всякий шаг вперед в экономическом развитии увеличивает оптимальную плотность населения. На стадии охотничьих сообществ вполне подходящим был один человек на квадратную милю, а в развитых промышленных странах плотность в несколько сот человек на ту же площадь не будет, вероятно, чрезмерной. Есть ос-

нования полагать, что Англия после войны сделалась перенаселенной. Однако этого не скажешь о Франции, а уж тем более об Америке. Но вряд ли Франция или любая другая страна Западной Европы добьется увеличения среднего показателя богатства за счет прироста населения. Потому у нас нет никаких поводов, рассуждая с экономической точки зрения, желать увеличения численности населения. Те, кто думает иначе, обычно вдохновляются националистическим милитаризмом, и желанный для них прирост населения будет временным, поскольку многие погибнут, едва начнется новая война, которой так жаждут эти люди. По сути, позиция этих людей заключается в том, что лучше ограничивать численность населения смертью на поле боя, чем противозачаточными средствами. С подобными воззрениями не следует мириться, и не оставляет ощущение, будто люди, придерживающиеся таких взглядов, мягко говоря, не слишком умны. Оставляя в стороне военные соображения, мы имеем основания радоваться тому, что осведомленность о способах контроля рождаемости способствует поддержанию относительно стабильной численности населения цивилизованных стран.

Однако все будет иначе, если численность начнет сокращаться, ибо этот процесс, если в него не вмешаться, сулит полное исчезновение, а мы никак не можем желать полного исчезновения наиболее цивилизованных народов мира. Поэтому использование противозачаточных средств следует только приветствовать. Не думаю, что это окажется сколько-

нибудь трудным. Мотив семейных ограничений носит преимущественно, но не целиком, экономический характер, и рождаемость допустимо повышать, снижая расходы на детей — или, если это будет необходимо, превратив детей в фактический источник дохода для их родителей. Впрочем, любая подобная мера в современном националистическом мире выглядит крайне опасной, поскольку за ней последует идея о необходимости военного превосходства. Можно вообразить, как все ведущие воинственные страны дополняют гонку вооружений гонкой размножения под лозунгом «Пушкам нужно мясо». Здесь мы вновь сталкиваемся с насущной необходимостью создания международного правительства для выживания цивилизации. Такое правительство, если оно действительно задумается о сохранении мира во всем мире, должно принять указы, ограничивающие численность населения любой воинственной страны. Нынешняя враждебность между Австралией и Японией¹ иллюстрирует значимость этой проблемы. Население Японии растет очень быстро, а население Австралии — довольно медленно (если не учитывать иммиграцию). Это провоцирует вражду, с которой чрезвычайно трудно справиться, ибо обоснованные доводы могут быть представлены обеими сторонами. Думаю, можно

¹ Корректнее говорить о напряженности между Японией и Великобританией, поскольку до 1931 года (а если отталкиваться от ратификации Австралией Вестминстерского статута, то и вовсе до 1942 года) Австралия формально оставалась доминионом Британской империи. Эту напряженность вызывали притязания Японии на ряд британских владений в Азии.

предположить, что в Западной Европе и Америке уровень рождаемости должен быть таков, чтобы не предусматривать никакого прироста, если только правительства не станут целенаправленно проводить иную политику. Но не стоит ожидать от наиболее мощных в военном отношении стран безучастного наблюдения за тем, как другие наращивают силы просто за счет увеличения численности населения. Поэтому любой международный орган должен в рамках выполнения своих обязанностей учитывать демографию и настаивать на пропаганде способов контроля рождаемости в странах, не желающих внимать голосу разума. Пока этого не сделано, мир во всем мире находится под угрозой.

Итак, вопрос населенности можно рассматривать двояко. Нужно противодействовать слишком быстрому увеличению численности населения — и не допускать его сокращения. Первая опасность стара как мир и наблюдается во многих странах, будь то Португалия, Испания, Россия или Япония. Вторая опасность возникла недавно и пока проявляет себя лишь в Западной Европе. Она также проявилась бы и в Америке, если бы та зависела только от фертильности населения, но до сих пор иммиграция пополняла и пополняет население Америки столь уверенно, сколько это вообще возможно, несмотря на предельно малую рождаемость среди коренных американцев. Новая угроза сокращения населения представляет собой опасность, к которой традиционный порядок и образ мышления пока не смогли приспособиться. На нее отвечают моралистскими

проповедями и законами против пропаганды контроля рождаемости. Такие методы, как показывает статистика, совершенно бесполезны. Использование противозачаточных средств сделалось повсеместным у цивилизованных народов, и этого уже не изменить. Привычка игнорировать вопросы секса столь глубоко укоренилась в умах власть предержащих, что нельзя ожидать внезапных изменений в этом отношении. Но это крайне вредная привычка, и, на мой взгляд, мы вправе надеяться, что, когда нынешние молодые займут важные посты в управлении, они в данном отношении окажутся лучше своих отцов и дедов. Можно рассчитывать, что они честно признают неизбежность распространения контрацептивов и желательность контрацепции до той поры, пока она не ведет к фактическому сокращению численности населения. Правильным для любой нации, которой угрожает вымирание, будет экспериментальное сокращение финансовой обременительности детей ради нахождения той точки равновесия, где уровень рождаемости будет соответствовать запросам населения.

В связи с этим одно положение нынешнего морального кодекса следует изменить на пользу обществу. В Англии женщин приблизительно на два миллиона больше, чем мужчин, и по закону и обычаю они обречены оставаться бездетными, что, несомненно, для многих из них очень скверно. Если общество терпит незамужних матерей и готово обеспечивать им экономически приемлемое существование, нет сомнений в том, что значительное число

женщин, ныне обреченных на бездетность, захочет завести ребенка. Строгая моногамия основана на допущении примерного равенства полов по численности. Если это не так, ситуация сопряжена с немалой жестокостью в отношении тех, кого арифметика принуждает к одиночеству. Поскольку у нас имеются все основания желать прироста населения, эта жестокость может быть нежелательной не только на частном, но и на общественном уровне.

С ростом осведомленности людей становится все проще контролировать силы, которые до сих пор выглядели стихийными. Увеличение численности населения — одна из таких сил. С момента появления христианства она считалась слепым инстинктом. Но быстро приближается то время, когда эту силу придется сознательно контролировать. Однако в данном вопросе, как и в вопросе попечения государства о детях, мы обнаруживаем, что вмешательство государства, если оно призвано приносить пользу обществу, должно происходить в международном масштабе; не стоит уповать здесь на конкурирующие милитаристские государства нашего времени.

Глава 18

ЕВГЕНИКА

Евгеника есть попытка улучшить биологический характер вида посредством осознанного вмешательства в его развитие. Идеи, на которые она опирается, суть дарвинистские, и недаром Евгеническое общество возглавляет сын Чарльза Дарвина¹; но на самом деле прямым провозвестником евгенических идей был Фрэнсис Гальтон, который упорно отстаивал влияние наследственности на человеческие достижения. В наши дни, и особенно в Америке, наследственность сделалась, если угодно, партийным вопросом. Американские консерваторы считают, что сформировавшийся характер взрослого человека определяется прежде всего врожденными чертами, а вот американские радикалы утверждают, наоборот, что образование это все, а наследственность — ничто. Не могу согласиться ни с одной из этих двух крайних позиций, равно как и с общим

¹ Имеется в виду Леонард Дарвин, четвертый сын Ч. Дарвина, офицер, председатель Королевского географического общества и Британского евгенического общества (после своего дальнего родича Ф. Гальтона).

для них мнением, стимулирующим эти крайности (речь о том, что итальянцы, южные славяне и прочие будто бы стоят ниже «урожденных» американцев из ку-клукс-клана¹). Пока нет возможности определять, какие ментальные способности человека проистекают из наследственности, а какие привносятся образованием. Если рассуждать с научной точки зрения, необходимо сопоставить между собой тысячи пар идентичных близнецов — разделить их при рождении и обучать их настолько различно, насколько это возможно. В настоящее время подобный эксперимент вряд ли осуществим. Лично я думаю, пусть мое мнение не является научно обоснованным и опирается лишь на внешние впечатления, что скверное образование способно испортить кого угодно (и портит, уж поверьте), но только люди с особой врожденной предрасположенностью могут достичь подлинного величия в той или иной области. Я не верю, что даже самое лучшее образование позволит превратить обычного мальчика в первоклассного пианиста; я не верю, что лучшая в мире школа может сделать всех нас Эйнштейнами; я не верю, что Наполеон не превосходил по способностям своих одноклассников в Бриенне² и просто

¹ Речь о так называемом втором (воссозданном в 1915 году) ку-клукс-клане, который объединял несколько сот тысяч американцев; официально он был распущен в 1944 году, но фактически прекратил свое существование в годы Великой депрессии.

² Имеется в виду Бриеннская военная школа — местное отделение Парижской военной школы в Бриенн-ле-Шато под Труа, — где Наполеон Бонапарт проучился пять лет, с 1779-го по 1784 год.

изучал стратегию, наблюдая, как его мать управляется с оравой непослушных сыновей. Я убежден, что в подобных случаях (а в известной степени во всех случаях) существует природная предрасположенность, которую посредством образования оттачивают до совершенства. На самом деле имеются очевидные доказательства этому: каждый способен опознать умного человека или глупца по форме головы, что вряд ли можно считать характеристикой, привносимой образованием. Или рассмотрим противоположную крайность — идиотизм, тупость и слабоумие. Даже самый фанатичный противник евгеники не посмеет отрицать, что идиотизм, по крайней мере, в большинстве случаев, есть врожденное заболевание, и для любого человека, интересующегося статистической симметрией, это будет означать, что на противоположном конце шкалы должно присутствовать соответствующее число людей с аномально выдающимися способностями. Посему я готов допустить, не вдаваясь в дальнейшие споры, что люди различаются своими врожденными умственными способностями. Я также допускаю кое-что, возможно, более сомнительное, а именно, что умные люди предпочтительнее своей противоположности. С учетом этих двух соображений можно сказать, что мы располагаем обоснованием для евгеники. Поэтому мне не следует от нее отмахиваться, что бы мы ни думали по поводу личностей конкретных поборников этого направления.

На тему евгеники написано довольно много благоглупостей. Большинство ее сторонников допол-

няет здравые биологические суждения набором социологических предположений менее убедительного свойства. Перечислю некоторые: добродетель пропорциональна доходам; наследование бедности (увы, слишком распространенное!) предопределено биологически, а не обуславливается юридически; поэтому, если побудить богатых размножаться вместо бедных, все вокруг стали бы богатыми. Очень много шума окружает тот факт, что бедные плодятся охотнее богатых. Лично я не склонен считать сей факт по-настоящему прискорбным, поскольку у меня нет никаких доказательств того, что богатые хоть в чем-то превосходят бедных. Даже будь факт действительно прискорбным, о нем не стоило бы сожалеть, ибо налицо всего-навсего ситуация, исправимая за несколько лет. Рождаемость среди бедных падает, и сегодня она столь же низка, как и девять лет назад среди богатых¹. Да, существует ряд факторов, определяющих различия в плодовитости нежелательного, так сказать, толка. Например, когда правительства и органы надзора препятствуют распространению сведений по способам контроля рождаемости, те люди, умственные способности которых ниже среднего, не в состоянии усвоить эти сведения, тогда как для прочих действия властей не представляют угрозы. Следовательно, всякое противодействие распространению сведений о контрацепции приводит к тому, что семьи глупых людей многочисленнее, нежели семьи умных. Впрочем,

¹ См.: Julius Wplf, *Die neue Sexualmoral und das Geburtenproblem unserer Tage*, 1928, pp. 165–167. — *Примеч. авт.*

выглядит вероятным, что это сугубо временное явление, ибо очень скоро даже самые глупые либо усвоят знания о контрацепции, либо — увы, это видится мне наиболее логичным следствием обскурантизма властей — примутся искать врачей, готовых сделать аборт¹.

Евгеника бывает двух видов — позитивная и негативная. Первая подразумевает стимулирование хорошей породы, вторая — ликвидацию дурной. Думаю, вторая в настоящее время является более осуществимой. Здесь действительно имеются большие успехи в отдельных американских штатах, а стерилизация недостойных рассматривается практикующими политиками в Англии. Полагаю, что возражения против таких мер, вполне естественных по своей сути, ничем не оправданы. Как хорошо известно, слабоумные женщины склонны заводить огромное количество незаконнорожденных детей, которые, как правило, абсолютно бесполезны для общества. Сами эти женщины станут счастливее, если их стерилизовать, ведь они сейчас беременеют вовсе не под влиянием стремления к размножению. То же самое, конечно, касается и слабоумных мужчин. Правда, тут таятся немалые опасности, по-

¹ Согласно Юлиусу Вольфу (op. cit., p. 6 и далее), в Германии на снижение рождаемости в первую очередь влияют аборты, а не контрацептивы. По его оценке, в настоящее время в Германии ежегодно производится 600 000 искусственных абортов. Для Великобритании цифры установить непросто, поскольку у нас не регистрируются выкидыши, но нет никаких оснований полагать, что эти цифры будут сильно отличаться от немецких. — *Примеч. авт.*

сколько власти вполне могут счесть любое проявление оппозиции своей политике признаком слабоумия. Но, думаю, риск стоит того, чтобы на него пойти, потому что совершенно ясно: число идиотов, слабоумных и глупых все-таки удастся таким образом значительно уменьшить.

Меры по стерилизации, на мой взгляд, должны строго ограничиваться лицами с душевными, психическими расстройствами. Я не могу одобрить закон наподобие принятого в штате Айдахо, который позволяет стерилизовать «умственно отсталых, эпилептиков, обычных преступников, моральных дегенератов и сексуальных извращенцев». Две последние категории чрезвычайно широки и будут определяться различно в разных сообществах. Закон Айдахо одобрил бы стерилизацию Сократа, Платона, Юлия Цезаря и святого Павла. Более того, обычный преступник вполне может быть жертвой функционального нервного расстройства, которое, по крайней мере, теоретически, поддается излечению посредством психоанализа и которое вполне может не быть наследственным. В Англии и в Америке такие законы обычно игнорируют значимость психоанализа и, как правило, объединяют в рассмотрении принципиально различные расстройства — лишь на основании приблизительно схожих симптомов. В итоге эти законы отстают лет на тридцать от передовых практик. В столь щекотливой области очень опасно заниматься законотворчеством, пока наука не сделала уверенных выводов, не вызывающих возражений, хотя бы несколько десятилетий; в против-

ном случае ложные идеи воплотятся в законодательных актах и будут исполняться судами на местах, а практическое внедрение передового опыта значительно замедлится. Мне кажется, на данный момент могут и должны служить основанием для законотворчества в интересующей нас области только психические расстройства. Здесь возможно вынести диагноз с высокой степенью точности, тогда как моральный упадок — оценка крайне субъективная. Тот же самый человек, который в глазах одних будет моральным дегенератом, в глазах других окажется пророком. Ни в коем случае не утверждаю, что закон в отдаленном будущем нельзя применять шире; я лишь отмечаю, что наше научное знание на сегодняшний день не соответствует благой цели и что очень опасно маскировать якобы научными выводами моральные суждения, как это, несомненно, происходит в ряде американских штатов.

Теперь перейдем к позитивной евгенике, которая сулит поистине любопытные возможности — к сожалению, не сегодня и не завтра. Позитивная евгеника заключается в попытках стимулировать желательных (с ее точки зрения) родителей завести как можно больше детей. В настоящее время все обстоит ровно наоборот. Например, необычайно умный мальчик в начальной школе со временем входит в число профессионалов и женится, допустим, в тридцать или тридцать пять лет, зато его сверстники, не слишком-то блиставшие в детстве, вступают в брак лет в двадцать пять. Распространение образования оказалось тяжким бременем для

профессионалов и вынуждает их сильно ограничивать размеры своих семей. Вероятно, в интеллектуальном отношении их средний уровень несколько выше, чем у большинства других сословий, поэтому данное самоограничение вызывает сожаление. Простейшей мерой в этом случае будет предоставление бесплатного образования, вплоть до университетского, их детям. То есть речь о том, чтобы распределять субсидии и гранты по заслугам родителей, а не детей. Это позволит покончить с чрезмерным усердием и сопутствующей суетой, каковые сегодня губят большинство умнейших людей Англии еще прежде, чем они достигнут двадцати одного года, вследствие умственного и физического перенапряжения. Впрочем, как в Англии, так и в Америке, государство едва ли одобрит какие-либо меры по стимулированию профессионалов обзаводиться многочисленным потомством. Препятствием тут выступает демократия. Евгенические идеи опираются на допущение исходного неравенства людей, тогда как демократия исходит из идеи всеобщего равенства. Поэтому политически очень трудно реализовать евгенические идеи в демократическом обществе, когда эти идеи не просто подразумевают, что существует некоторое количество «низших», вроде слабоумных, но признают за данность наличие превосходящего остальных меньшинства. Первое приятно большинству, второе угнетает. Меры, учитывающие первое обстоятельство, вправе рассчитывать на поддержку большинства, а прочие — нет.

Тем не менее, каждый, кто дал себе труд задуматься об этом, знает, что, пусть в настоящее время и трудно выявить признаки наилучшей породы, все-таки, безусловно, существуют некие отличия, которые наука способна установить и описать в относительно ближайшее время. Вообразите чувства фермера, которому сказали, что он должен предоставлять всем своим бычкам равные возможности! На самом деле, быка, которому суждено стать прародителем следующего поколения, выбирают предельно тщательно по объему молока среди его предков по женской линии. (Можно мимоходом отметить, что, поскольку наука, искусство и война неизвестны коровам, выдающихся заслуг у них добиваются только самки, а самцы в лучшем случае являются передатчиками женской наследственности.) Все домашние породы животных сильно выиграли от научного подхода к размножению, и не подлежит сомнению, что «разведение» людей аналогичными методами можно направлять в любом желаемом направлении. Конечно, гораздо труднее определить, чего именно мы хотим от человеческих существ. Быть может, выводя физически сильную породу, следует уменьшать у нее объем мозга. Или, выводя породу с блестящими умственными способностями, сделать ее более уязвимой к болезням. Или, стремясь к эмоциональному балансу, уничтожить искусство. В любом из перечисленных вопросов у нас отсутствуют необходимые знания. Потому-то в настоящее время нежелательно всерьез заниматься позитивной евгеникой. Но отнюдь не исключаю, что в ближайшую

сотню лет наука о наследственности и биохимия добьются колоссальных успехов, которые позволят вывести новую расу — и все признают ее безусловно высшей по сравнению с нынешними.

Впрочем, для практического использования научных знаний такого рода понадобится более радикальное видоизменение семьи, нежели все, о которых ранее упоминалось на страницах этой книги. Если поставить цель по-настоящему научного размножения, необходимо выделить в каждом поколении два-три процента мужчин и около двадцати пяти процентов женщин — для продолжения рода. Стоит предусмотреть — очевидно, на рубеже полового созревания — своего рода обследование, по результатам которого провалившиеся кандидаты будут стерилизованы. Отец впредь будет связан со своим потомством не теснее, чем бык или жеребец, а матерью станет выступать профессиональная родительница с нужной подготовкой, отличающаяся от прочих женщин своим образом жизни. Я не утверждаю, что все это непременно произойдет; тем более не утверждаю, что хочу этого; лично мне такое общество крайне отвратительно. Однако при объективном рассмотрении данного вопроса ясно, что подобный план может привести к замечательным результатам. Давайте предположим, что его приняли в Японии и что через три поколения японские мужчины сделались такими же умными, как Эдисон, и сильными, как боксеры. Если остальные народы между тем продолжают жить, как заведено от природы, они, разумеется, не смогут ничего противо-

поставить японцам в случае войны. Наверняка японцы, добившись такого уровня развития, изыщут способы привлекать другие народы в качестве солдат и будут полагаться на свою науку и технику как залог победы, которой они, скорее всего, достигнут. В подобной системе очень легко внушить молодежи слепую преданность государству. Кто-то осмелится заявить, что описанный ход событий в будущем невозможен?

Есть также разновидность евгеники, очень популярная среди некоторых политиков и публицистов; ее можно назвать расовой евгеникой. Она строится на убеждении, что какая-то одна раса или нация (та, к которой принадлежит проповедник теории) превосходит все остальные и должна использовать собственную военную мощь, чтобы увеличить свое жизненное пространство за счет «низших» народов. Самым показательным примером здесь является нордическая пропаганда в Соединенных Штатах Америки¹, нашедшая практическое воплощение в иммиграционном законодательстве. Эта разновидность евгеники может опираться на дарвиновский принцип выживания наиболее приспособленных; но, как ни странно, ее самые горячие сторонники суть те, кто считает необходимым за-

¹ Нордическую («арийскую») теорию в США активно развивали евгенисты, и во многом их стараниями было принято иммиграционное законодательство 1924 года, ограничившее приток переселенцев из Азии и южной Европы. Стоит отметить, что здесь Рассел фактически дословно цитирует фрагмент книги американского евгениста М. Гранта «Упадок великой расы, или Расовая основа европейской истории» (1916).

претить дарвинизм. Политическая пропаганда, отягощенная расовой евгеникой, относится к разряду нежелательных явлений; давайте забудем о ней и изучим позитивную сторону вопроса.

Во многих случаях факт превосходства одной расы над другой почти не вызывает сомнения. Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия, безусловно, больше сделали для мировой цивилизации, чем им удалось бы, населяй их по-прежнему аборигены. Как представляется, в целом справедливо считать негров низшими по сравнению с белыми, но для работы в тропиках они подходят идеально, а потому их истребление (оставляя в стороне гуманность) представляется крайне нежелательным¹. Но когда нужно выбирать среди народов Европы, политические предрассудки обосновываются обилием дурных, якобы научных исследований. Также я не вижу ни одного правдоподобного основания для унижения желтой расы и признания ее низшей, уступающей нашему благородному сообществу. Во всех этих случаях расовая евгеника выступает лишь прикрытием шовинизма.

Юлиус Вольф (см. цит. сочинение, стр. 143–144) приводит сравнительную таблицу уровней рождаемости и смертности на 1000 человек населения для всех основных стран, по которым существует ста-

¹ Позднее автор отмечал: «Я никогда не утверждал, что негры как таковые стоят ниже белых. Мои слова в работе «Брак и мораль» относились к поведению, обусловленному окружающей средой. Я убрал их из последующих изданий, поскольку они были восприняты неоднозначно». См.: Dear Bertrand Russell: Selected Letters, 1950–1968. London, Allen & Unwin, 1969.

тистика. Ниже всех расположилась Франция — 1,3, выше нее США — 4, затем Швеция — 5,8, Британская Индия — 5,9, Швейцария — 6,2, Англия — 6,2; Германия — 7,8, Италия — 10,9, Япония — 14,6, Россия — 19,5. А первое место занимает Эквадор — 23,1. Китай не фигурирует в списке, так как по нему сведений нет. Вольф приходит к выводу, что западный мир будет вскоре покорен Востоком, то есть Россией, Китаем и Японией. Я не стану пытаться опровергнуть его доводы, указывая на первенство Эквадора. Скорее, я напому приведенные Вольфом цифры по рождаемости среди богачей и бедняков Лондона, из которых следует, что рождаемость среди вторых сегодня ниже, чем была среди первых несколько лет назад. То же самое касается Востока, где по мере приобщения к западной жизни уровень рождаемости тоже неизбежно упадет. Никакая страна не способна обрести военную мощь без индустриализации, а индустриализация подразумевает образ мышления, ведущий к ограничению размеров семьи. Поэтому мы вынуждены заключить, что нам не грозит господство Востока, которого так боятся западные шовинисты (следом за бывшим кайзером¹), и нет ни малейших оснований предполагать, что оно когда-нибудь наступит. Тем не менее, поджигатели войн, вероятно, продолжат использовать это пугало, пока не возникнет международное правительство, распределяющее допустимые квоты прироста населения по странам мира.

¹ Имеется в виду император Германии Вильгельм II.

Здесь, как и в двух предыдущих случаях, мы сталкиваемся с опасностями для человечества от развития науки при сохранении международной анархии. Наука позволяет достигать поставленных целей, и если наши цели злонамеренны, результатом будет катастрофа. Если мир останется во власти злобы и ненависти, то чем сильнее в нем будет господствовать наука, тем ужаснее он будет становиться. Снизить накал и напор этих губительных страстей жизненно необходимо для человеческого прогресса. В значительной степени эти страсти своим появлением на свет обязаны ошибочной сексуальной этике и скверному сексуальному просвещению. Будущей цивилизации нужна новая, лучшая сексуальная этика. Именно этот факт делает реформу сексуальной морали одной из жизненно важных потребностей нашего времени.

С точки зрения частной морали сексуальная этика, научная и лишенная предрассудков, как нельзя полнее соотносится с эвгеническими соображениями. Я имею в виду следующее: при всех ослаблениях существующих ограничений на половые контакты добропорядочные мужчина и женщина не вправе приступать к продолжению рода без тщательного обдумывания физического и душевного здоровья своего потомства. Противозачаточные средства сделали отцовство добровольным, оно больше не складывается автоматически вследствие полового контакта. По различным экономическим причинам, рассмотренным в предыдущих главах, вполне вероятно, что значимость отца для образо-

вания и содержания детей будет неуклонно снижаться. Поэтому у женщин не останется повода выбрать в качестве отца своего ребенка того мужчину, которого она предпочитает в роли любовника или наперника. Совсем не исключено, что в будущем женщины, ничуть не жертвуя собственным счастьем, станут подбирать отцов своим детям по егеническим выкладкам, высвобождая истинные чувства для обыденных сексуальных отношений. Для мужчин же будет еще проще подбирать матерей своим будущим детям — по желательности конкретной женщины в качестве родительницы. Те, кто, подобно мне, считает, что сексуальное поведение касается общества лишь с точки зрения интересов детей, должны выводить отсюда двоякое умозаключение относительно будущей морали. С одной стороны, любовь без детей должна быть свободной; с другой — к продолжению рода следует относиться вдумчивее, чем это принято сегодня. Однако соответствующие моральные нормы будут несколько отличаться от тех, которые признавались до сих пор. Чтобы зачатие в конкретном случае воспринималось как добродетельное, больше не будет надобности в каких-то словах, произнесенных священником, или в каком-то документе, составленном регистратором; ведь нет никаких доказательств того, что такие действия влияют на здоровье или интеллект потомства. Важным будет считаться тот факт, что эти вот мужчина и женщина, сами по себе и в той наследственности, которую они передают, должны быть такими, чтобы от них родилось желательное

потомство. Когда наука сможет высказываться по данному поводу более уверенно, чем возможно вообразить сегодня, моральное кредо общества обретет евгеническую точность. Мужчин с наилучшей наследственностью будут охотнее всего привлекать в качестве отцов, а другие мужчины, приемлемые как любовники, окажутся отвергнутыми, когда речь пойдет об отцовстве. Институт брака, какой мы ее знаем, превращает подобную схему в непригодную для человеческой природы, и потому практическая ценность евгеники видится обществу крайне ограниченной. Но нет причин думать, что в будущем человеческая природа продолжит возводить барьеры, аналогичные нынешним, ведь контрацепция отделила деторождение от бездетных сексуальных отношений, и отцы, полагаю, впредь утратят привычные нам тесные личные связи со своими детьми. Значимость и высокий социальный престиж, возлагаемые моралистами прошлого на брак, перенесутся исключительно на деторождение, если мир делается более научным в своей этике.

Это евгеническое мировоззрение, хотя оно уже успело проникнуть в общество в форме частной этики некоторых людей из образованной среды, будет, по всей вероятности, распространяться все шире, пока наконец не воплотится в законе — быть может, в форме денежного вознаграждения желательным родителям и штрафования нежелательных.

Мысль о том, чтобы позволить науке вмешиваться в наши интимнейшие побуждения, несомненно, вызывает отвращение. Но это вмешательство куда

менее серьезное, чем то, которое на протяжении столетий позволяла себе религия. Наука как явление возникла недавно, она еще не обросла авторитетом традиции и древности, как религия, однако идеально подходит для обретения того же авторитета и уважения к себе, что и религия. Да, благополучие потомков есть мотив, достаточный для обуздания страстей обычного человека, но если оно станет элементом общепризнанной позитивной морали, причем выйдет за пределы хвалы и обвинений, позволит вознаграждать и карать экономически, забота о благополучии потомства вскоре станет для всех правилом, которое надлежит соблюдать всем благовоспитанным людям. Религия существовала еще до зари исторических времен, а наука бытует в мире от силы четыре столетия¹; но когда наука сделается зрелой и почтенной, она станет контролировать нашу жизнь ничуть не меньше, чем это делала религия. Предвижу время, когда все, кому дорога свобода человеческого духа, должны будут восстать против научной тирании. Тем не менее, если тирании не миновать, уж лучше ей быть научной.

¹ Если, разумеется, вести отсчет с эпохи Возрождения, то есть считать наукой только «современную» науку и игнорировать достижения Средних веков, Античности и более ранних периодов.

Глава 19

СЕКС И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

В настоящей главе я намерен заново изложить сказанное ранее в предыдущих главах относительно воздействия секса и сексуальной морали на индивидуальное счастье и благополучие. В этом вопросе нас заботят не только фактический период половой активности и не только фактические сексуальные отношения. Сексуальная мораль проявляется во всех возрастах — в детстве, юности и даже в старости индивида, причем разнообразными способами, благими и скверными, в зависимости от обстоятельств.

Традиционная мораль проявляет себя прежде всего тем, что накладывает некие табу на поведение уже в детстве. Ребенка учат, в очень раннем возрасте, не прикасаться к определенным частям тела под взглядами взрослых. Его учат говорить шепотом, когда возникает позыв сходить по-большому, и соблюдать уединение при отправлении этой потребности. Определенные части тела и определенные

действия тем самым приобретают некое своеобразное качество, не слишком понятное ребенку, который в результате проникается ощущением тайны и начинает испытывать специфический интерес. Некоторые интеллектуальные головоломки, скажем, вопрос, откуда берутся дети, надлежит обдумывать в тишине, ибо ответы взрослых на этот вопрос либо уклончивы, либо очевидно фальшивы. Мне знакомы мужчины, отнюдь не старые, которым, когда они в раннем детстве касались определенных частей тела, внушали с мрачной серьезностью: «Уж лучше бы ты умер, чем делал это». Приходится отмечать, увы, что с точки зрения добродетельности в более поздней, взрослой жизни эти внушения редко оправдывают ожидания традиционных моралистов. Добавлю также, что частенько можно услышать и более явные угрозы. Конечно, сегодня мальчиков в таких случаях гораздо реже пугают кастрацией, им «всего лишь» предрекают безумие. В итоге подобных наставлений большинство детей в раннем возрасте проникается чувством глубочайшей вины, а сексуальные отношения вызывают подспудный ужас. Эта связь секса с чувством вины и страха столь крепка, что по мере взросления человека делается почти полностью бессознательной. Хотелось бы, пожалуй, провести статистический опрос среди тех, кто относится скептически ко всем этим детским байкам, на предмет готовности прелюбодействовать во время грозы. Мне почему-то кажется, что девяносто процентов из них в глубине души уверены, что в этом случае их непременно поразит молния.

Садизм и мазохизм в облегченной форме практикуются и обычными людьми, но в своих худших проявлениях они всегда связаны с острым чувством сексуальной вины. Мазохист — человек, остро чувствующий вину сексуального свойства. А садист есть мужчина, убежденный в вине женщины — соблазнительницы и искунительницы. Эти отклонения показывают, насколько глубокий след способны оставлять в душе ранние впечатления от чрезмерно суровых нравственных поучений. Некоторые люди, работающие с детьми, в особенности те, кто опекает самых младших, постепенно просвещаются — это надо признать. Но, к сожалению, просвещение еще не проникло в наши суды.

Детство и юность представляют собой тот период в жизни, когда всякие грубые шутки, хулиганство и недостойное поведение выглядят естественными, спонтанными и не заслуживают осуждения, за исключением каких-то вопиющих случаев. Но нарушение сексуальных запретов воспринимается взрослыми совершенно иначе, нежели нарушение любых других правил, и потому ребенок приучается думать, что эти запреты принадлежат к особой сфере жизни. Если ребенок украдет фрукт с кухни, взрослый может рассердиться, может отчитать воришку, но не будет шокирован и не станет внушать ребенку, будто произошло нечто отвратительное. Если же взрослый, будучи человеком старой закалки, застанет ребенка за мастурбацией, в его голосе наверняка зазвучат нотки, которых ребенок никогда не услышит при иных обстоятельствах. Эти нотки будут

выражать неподдельный ужас, тем более что ребенок, возможно, не найдет в себе сил отказаться от порочной привычки, вызвавшей столь бурное неприятие у взрослого. Потрясенный серьезностью взрослого, ребенок искренне уверится в том, что мастурбация и вправду так вредна и порочна, как ему говорят. Тем не менее, он продолжит свое занятие. Так закладываются основы ханжества, которое, вероятно, останется с человеком до конца его дней. С самого раннего возраста он воспринимает себя грешником. Он быстро приучается грешить тайно и находит слабое утешение в осознании того факта, что никто не ведает о его греховности. Будучи глубоко несчастным, он жаждет отомстить миру, карая тех, кто преуспел меньше него самого в сокрытии подобной вины. С детства привыкая обманывать, он с легкостью прибегает к обману в дальнейшей жизни. Так он вырастает болезненно замкнутым лицемером и мучителем, а виноваты в этом родители, предпринявшие необдуманную попытку внушить ему свое представление о добродетели.

Отнюдь не чувство вины, не стыд и не страх должны доминировать в жизни ребенка. Дети должны быть счастливыми, веселыми и вести себя стихийно; им не следует страшиться собственных побуждений; не следует уклоняться от исследования природных явлений. Они не должны прятаться в темноте инстинктивной жизни, не должны хоронить в глубинах бессознательного те импульсы, с которыми при всем желании не в состоянии совладать. Если мы хотим вырастить порядочных мужчин и женщин, интел-

лектуально честных, социально бесстрашных, активно действующих и терпимых к другим, мы должны с самого начала жизни обучать их так, чтобы подобный результат оказался достижимым. Образование чрезмерно сосредотачивается на аналогии с обучением медведей танцам. Все знают, каким способом медведей учат танцевать. Их ставят на горячий пол, отчего они вынуждены подпрыгивать. А музыканты в это время наигрывают некую мелодию. Со временем достаточно одной только мелодии, чтобы заставить медведей танцевать. Так же обращаются и с детьми. Когда ребенок начинает интересоваться своими половыми органами, взрослые его бранят. В итоге детская память запечатлевает эту брань, и ребенок танцует под мелодию, тем самым полностью разрушая свои перспективы на здоровую и счастливую сексуальную жизнь.

На следующем этапе, то есть в подростковом возрасте, губительное воздействие традиционных взглядов на секс еще сильнее, чем в раннем детстве. Многие мальчики совсем не понимают, что с ними творится, и впадают в ужас от первых ночных поллюций. Они обнаруживают, что их одолевают те самые побуждения, которые, по словам взрослых, считаются чрезвычайно порочными. Эти побуждения настолько сильны, что превращаются в одержимость, во сне и наяву. В лучшем случае у мальчика одновременно возникают устремления предельно идеализированного сорта в отношении красоты, поэзии и образцовой любви, которая, как принято думать, полностью отделена от секса.

Вследствие манихейских элементов в христианском вероучении идеалистические и плотские побуждения подросткового возраста обыкновенно остаются разобщенными и даже конфликтуют друг с другом. Здесь я, пожалуй, процитирую слова своего приятеля-интеллектуала, который признается: «Моя юность, полагаю, была вполне типичной, и это расхождение побуждений проявлялось в очевиднейших формах. Часами напролет я читал Шелли и пускал слезу над строками вроде:

Так бабочку тянет в костер
И полночь — к рассвету...¹

Затем я внезапно срывался с этих высот и пытался подсмотреть одним глазком, как раздевается горничная. Это неодолимое желание вызывало у меня глубочайший стыд; мой идеализм проистекал из нелепого страха перед сексом».

Хорошо известно, что в подростковом возрасте нередки нервные расстройства, а люди, обычно довольно сдержанные, вдруг поддаются истерикам. Мисс Мид² в своей книге «Взросление на Самоа» утверждает, что о подростковых расстройствах на этом острове слыхом не слыхивали, и приписывает сей факт сексуальной свободе. Верно, эта сексуальная свобода в некоторой степени ограничивается

¹ К* (One word is too often profaned...). Перевод. Б. Пастернака.

² Маргарет Мид — американский антрополог, изучала социализацию детей и подростков в Полинезии, также занималась исследованиями в области детской психологии.

деятельностью миссионеров. Некоторые из опрошенных мисс Мид девушек проживали в миссионерском доме, и эти девушки в подростковом возрасте практиковали только мастурбацию и гомосексуализм, тогда как проживавшие в других местах также поддерживали гетеросексуальные контакты. Наши самые знаменитые школы для мальчиков не так уж отличаются в этом отношении от дома самоанских миссионеров, а вот психологический эффект такого поведения, безвредный на Самоа, в Англии может оказаться катастрофическим для школьника, потому что юноша, вероятно, чтит в душе заветы традиционной морали; самоанцы же видят в миссионерах белых людей с особыми вкусами и лишь безобидно подсмеиваются над ними.

Большинство молодых мужчин на пороге взросления испытывают ничем не оправданные трудности и неприятности сексуального свойства. Если юноша хранит целомудрие, не исключено, что внутренние побуждения сделают его робким и неуклюжим, так что, наконец женившись, он попросту не сможет сбросить эти оковы, разве что справится с этим в жестокой и грубой манере, после чего жена никогда уже не станет любовницей. Если он будет ходить к проституткам, пропасть между физической и идеалистической сторонами любви, возникающая в подростковом возрасте, будет расти, и в результате его последующие отношения с женщинами сделаются либо платоническими, либо порочными в его собственных глазах. Кроме того, он подвергнет себя серьезному риску заразиться венерическим заболе-

ванием. Вступая в связи с женщинами своего сословия, он минимизирует угрозу, но необходимость держать отношения в тайне не позволит им сделать эти отношения стабильными и спокойными. Молодые мужчины опасаются связывать себя браком — отчасти из снобизма, отчасти из нежелания обременять себя детьми. Вдобавок там, где развестись непросто, ранние браки редко бывают счастливыми, ибо двое, подходящие друг другу в двадцать лет, в тридцать могут разочароваться друг в друге. Поддерживать стабильные отношения с одним партнером можно только в том случае, если ранее человек имел некоторый опыт разнообразия. Будь наше восприятие секса здоровым, мы бы приветствовали временные студенческие браки, пусть даже бездетные. Тем самым молодые люди освободились бы от одержимости сексом, которая в настоящее время сильно отвлекает их от других сторон бытия. Подобный брак позволил бы им приобрести опыт общения с противоположным полом в качестве прелюдии к серьезному партнерству и браку с детьми. Они могли бы любить свободно, без сопутствующих уловок, хитростей и страха перед болезнями, то есть без всего того, что сегодня отравляет юношеские приключения.

Немалому числу женщин, которым в силу сложившихся обстоятельств суждено оставаться незамужними, традиционная мораль сулит боль и унижения, а также наносит несомненный психический урон. Я, как и все мы, знаком с незамужними женщинами строжайших моральных устоев, и эти жен-

щины заслуживают искреннего восхищения со всех возможных точек зрения. Но мне кажется, что в целом дело обстоит иначе. Женщина, не имевшая сексуального опыта и считающая крайне важным сохранение целомудрия, невольно демонстрирует обществу негативную реакцию, отягощенную страхом, и потому, как правило, ведет себя робко, но одновременно выказывает инстинктивную, бессознательную ревность, вынуждающую ее осуждать нормальных людей и желать наказания тем, кто наслаждается отношениями, для нее самой невозможными. Интеллектуальная робость особенно широко распространена среди записных девственниц. Мне даже думается, что интеллектуальная неполноценность женщин, если таковая существует, формируется преимущественно вследствие сдерживания любознательности, провоцируемого страхом перед сексом. Между тем нет ни малейших оснований для бед и горестей, порожденных пожизненной девственностью тех женщин, кому не удалось найти себе мужа. Нынешняя ситуация, когда подобное наблюдается почти повсеместно, почти не принималась во внимание на заре брака как институции, поскольку в те дни численность полов была приблизительно одинаковой. Безусловно, сегодняшней очевидный избыток женщин во многих странах выглядит достаточно убедительным доводом в пользу изменения общепринятого морального кодекса.

Брак, единственно допустимый вариант сексуальных отношений, тоже страдает от суровости указанного кодекса. Комплексы, приобретенные в дет-

стве, мужской опыт с проститутками, отвращение к сексу со стороны молодых женщин, желающих сберечь целомудрие, — все это препятствует счастью в браке. Хорошо воспитанная девушка с сильным сексуальным влечением не сможет, когда за нею начнут ухаживать, отличить истинное чувство от банального сексуального возбуждения. Она с готовностью выйдет замуж за первого же мужчину, который разбудит ее сексуально, а когда сексуальный голод будет удовлетворен, обнаружит, что у нее нет с этим мужчиной ничего общего. В просвещении этих двоих делается все для того, чтобы женщина испытывала робость, а мужчина поддавался в сексе стихийным порывам. А отсутствие осведомленности о сексе и нередкие первоначальные неловкости вследствие отсутствия такой осведомленности делают брак сексуально неудовлетворительным для обеих сторон. Кроме того, затрудняется умственное, а не только физическое партнерство. Ведь женщина не привыкла свободно обсуждать секс, равно как и мужчина, для которого все сводится к шуточкам друзей и общению с проститутками. Оба стесняются, испытывают неловкость и даже хранят молчание в интимнейшие, жизненно важные моменты жизни. Жена не может заснуть и все размышляет, получила ли она то, чего ей хочется. Муж тем временем думает, поначалу изредка, немедленно прогоняя эту мысль, но со временем возвращаясь к ней все чаще, что даже проститутки в постели податливее и живее, чем его законная жена. Его уязвляет ее холодность, а она страдает

из-за того, что он не знает, как ее возбудить. Все это — результаты нынешней политики умолчания и соблюдения благопристойности.

Во всех перечисленных ситуациях, от детства и юности до взрослого брака, традиционной морали позволяется отравлять любовь, наполнять ее мраком, страхом, взаимным непониманием, раскаянием и нервным напряжением, разделять телесные побуждения секса и духовные побуждения идеальной любви, превращать одного партнера в животное, а другого делать фактически бесплодным. Но животная и духовная природа не должны быть в противоборстве. Ни в той, ни в другой нет ничего несовместимого, и ни одна не способна расцвести полностью без тесного взаимодействия с другой. Любовь мужчины и женщины в своих лучших проявлениях свободна и бесстрашна, объединяет тело и разум в равных пропорциях; она не боится идеализировать, потому что имеется физическая основа, и не страшится плоти, якобы мешающей идеализации. Любовь должна быть деревом, корни которого уходят вглубь земли, а ветви простираются до небес. Но любовь не может расти и расцвести в окружении бесчисленного множества табу и суеверий, обличений и умолчаний. Любовь мужчины и женщины наряду с любовью родителей и детей — вот краеугольные камни человеческой жизни. Жертвуя одним, традиционная мораль претендует на то, чтобы превозносить другое, но на самом деле родительская любовь к детям страдает от деградации любви родителей друг к другу. Детей, появившихся на свет

как плоды радости и взаимоудовлетворения, любят честнее и горячее, в большем соответствии с природой, проще, нагляднее и, если угодно, животнее, но в то же время бескорыстнее и плодотворнее, чем возможно для родителей, терзаемых голодом и страхом, ищущих у беспомощного потомства хотя бы частички того, чего они сами лишены в браке, и тем самым уродующих юные умы и поневоле передающих свои проблемы следующему поколению. Бояться любви значит бояться жизни, а те, кто боится жить, успели умереть еще живыми.

Глава 20

МЕСТО СЕКСА В СИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Автор, который обращается к сексуальной тематике, неизбежно подвергается опасности заслужить обвинения в неподобающей одержимости предметом исследования со стороны тех, кто полагает, что такие темы обсуждать непозволительно. Принято считать, что он не отважится на цензуру благоразумия и пристойности, если только его интерес к предмету исследования не перевесит все прочие соображения. Эта точка зрения, впрочем, применима лишь к тем, кто ратует за изменения традиционной морали. Она не затрагивает тех, кто призывает преследовать проституток; тех, кто будто бы поддерживает законы против «белой работоторговли», но на самом деле противится добровольным и достойным внебрачным отношениям; тех, кто осуждает женщин за короткие юбки и помаду; тех, кто шпионит на пляжах в надежде обнаружить непристойные купальные костюмы. Никто из перечисленных не признается жертвой сексуальной

одержимости. Между тем ревнителю морали подвержены этой страсти, пожалуй, еще сильнее, чем авторы, требующие большей свободы для секса. Суровое морализаторство обычно представляет собой реакцию на похотливые эмоции, и человек, ее выражающий, как правило, преисполнен скабрёзных помыслов — неприличных, по мнению общества, но не потому, что они имеют сексуальное содержание, а потому, что морализаторство лишает такого человека способности мыслить ясно и здраво. Я полностью согласен с церковью в том, что одержимость сексуальной тематикой порочна, однако мне претит церковная позиция по поводу лучших способов преодоления этого порока. Печально известный святой Антоний был одержим сексом больше, чем самый завзятый сладострастник всех времен и народов; иных, более свежих примеров приводить не стану, чтобы никого не обидеть. Секс — естественная потребность, подобная потребности в еде и питье. Мы осуждаем пьянчуг и чревоугодников, поскольку в каждом таком случае налицо интерес, вполне законный по жизни, но узурпировавший власть над мыслями и чувствами человека. При этом мы не осуждаем тех, кто выказывает нормальное, здоровое наслаждение разумным количеством пищи. Конечно, аскеты мне возразят, поскольку согласно их парадигме питание нужно лишь затем, чтобы не протянуть ноги, но данное воззрение сегодня непопулярно, и его можно проигнорировать. Пуритане в стремлении избежать радостей секса стали уделять куда более при-

стальное внимание, нежели ранее, и застольным удовольствиям. Как писал критик пуританства в семнадцатом столетии:

Желаешь пировать, веселью предаваться?
Со святостью вкушай, с грехом изволь якшаться¹.

Можно сказать, что пуритане не преуспели в подчинении сугубо телесной части человеческой природы, поскольку отнятое у секса они перенесли на чревоугодие. Католическая церковь признает чревоугодие одним из семи смертных грехов, а Данте поместил обжор в глубочайших кругах своего Ада²; но этот грех все же имеет несколько сомнительное свойство, ибо трудно определить, где заканчивается законный интерес к еде и где возникает греховность. Нечестиво ли употреблять в пищу нечто, не обладающее питательной ценностью? Если да, то каждый орешек соленого миндаля чреват вечным проклятием. Впрочем, подобные взгляды устарели. Мы все узнаем обжору, стоит нам его увидеть, и на него, быть может, посмотрят неодобрительно, однако сурово критиковать не станут. Несмотря на это, непристойная одержимость едой довольно редко встречается среди тех, кто никогда не страдал от нужды. Большинство людей питается, а затем посвящает время иным заботам — до следующего приема пищи. С другой стороны, люди, которые

¹ А. Поуп. «Элегия в память одной несчастной дамы».

² Так у автора. На самом деле обжоры и гурманы пребывают в 3-м круге дантовского ада, где они гниют под дождем и градом (всего же кругов, как известно, девять).

приняли аскетическую философию и потому довольствуются лишь необходимым для выживания минимумом еды, становятся одержимыми — им мнятся наяву пиры и демоны с горами сочных плодов. А исследователи Антарктики¹, вынужденные питаться китовым жиром, коротают дни, планируя роскошные пиршества в «Карлтоне»² по возвращении домой.

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что моралисты должны воспринимать секс так, как ныне воспринимается в обществе еда (а не так, как размышляли о еде отшельники из Фиваиды). Секс — это, повторюсь, естественная человеческая потребность, такая же, как еда и питье. Действительно, люди способны без него обходиться, тогда как без еды и питья выжить невозможно, однако с точки зрения психологии плотское вожделение аналогично желанию есть и пить. Оно чрезвычайно усиливается воздержанием — и временно утоляется удовлетворением. В моменты обострения оно затмевает весь остальной мир. Все прочие интересы куда-то отступают, и предпринимаются действия, которые впоследствии могут показаться безумными. Более того, как и в случае с едой и питьем, вожделение изрядно стимулируется запретами. Мне знакомы дети, отвергавшие сочные спелые яблоки за завтра-

¹ Отсылка к экспедициям Р. Скотта, Э. Шеклтона и Р. Амундсена.

² Имеется в виду ресторан при одноименном отеле в центре Лондона, на углу улиц Пэлл-Мэлл и Хэймаркет. В 1920-е и 1930-е годы отель и ресторан олицетворяли роскошную жизнь.

ком и сразу из-за стола бежавшие в сад, чтобы тайком сорвать с деревьев незрелые кислые плоды. Не думаю, что кто-либо станет отрицать следующее: пристрастие состоятельных американцев к алкоголю сегодня намного сильнее, чем двадцать лет назад. Точно так же христианское вероучение и торжество христианской морали радикально повысили интерес к сексу. Поколение, которое первым отринет традиционную мораль, обречено предаваться сексу самым безудержным образом. Ничто, кроме свободы, не предотвратит возникновения сексуальной одержимости, но даже свобода не принесет такого результата, не утвердись она прочно и не сложись в обществе необходимое сексуальное просвещение. Здесь я хотел бы повторить и подчеркнуть, что считаю чрезмерное внимание к данному вопросу злом; на мой взгляд, это зло широко распространилось в наши дни, особенно в Америке, где его проповедниками выступают строгие моралисты, которые выказывают готовность верить в любые лживые измышления, когда речь заходит об их идейных противниках. Чревоугодник, распутник и аскет — все они самовлюбленные персоны, чей кругозор ограничен их собственными желаниями, каковые они рвутся удовлетворить или от каковых отрекаются. Человек, здоровый душой и телом, не станет настолько уж сосредотачиваться на себе. Он будет изучать мир и искать другие объекты, достойные его внимания. Зацикленность на собственной персоне отнюдь не является, что бы ни утверждалось, естественным состоянием нераскаявшегося человека. Это

заболевание, вызываемое почти всегда подавлением природных желаний. Распутник, истекающий слюной при мысли о сексуальном удовлетворении, обычно приходит к этому вследствие каких-то пережитых лишений, а человек, жадно поглощающий еду, скорее всего, пережил когда-то голод или нищету. Здоровые, интересующиеся всем, что их окружает, мужчины и женщины появляются не благодаря подавлению естественных желаний, а благодаря сбалансированному развитию всех побуждений, необходимых для счастливой жизни.

Нисколько не утверждаю, что обществу не нужны мораль и самоограничение в вопросах секса или применительно к еде. Что касается последней, у нас имеются ограничения трех видов — законодательные, диктуемые хорошими манерами и проистекающие из заботы о здоровье. Мы считаем неправильным воровать еду, брать больше положенного от общей порции и употреблять пищу способами, от которых почти наверняка заболеем. Ограничения подобного типа жизненно важны для секса, но они будут намного сложнее и подразумевают большую степень самоконтроля. Более того, поскольку одно человеческое существо не должно владеть другим, аналогом кражи в данном случае выступает не прелюбодеяние, а изнасилование, которое, очевидно, подлежит законодательному запрету. В том, что касается здоровья, почти все упирается в борьбу с венерическими заболеваниями, о чем уже говорилось при обсуждении проституции. Ясно, что сокращение профессиональной проституции есть наилучший

путь, помимо медицины, к искоренению этого зла, а сократить проституцию проще всего через большую свободу отношений для молодых людей, что и наблюдается в последние годы.

Всеобъемлющая сексуальная этика не может рассматривать секс просто как естественное побуждение и потенциальный источник опасности. Обе эти характеристики важны, но еще важнее запомнить, что секс неразрывно связан с величайшими благами человеческой жизни. Среди них первостепенными кажутся лирическая любовь, счастье в браке и искусство. О лирической любви и браке уже говорилось выше. Искусство, по мнению некоторых, не зависит от пола, но сегодня у этого взгляда приверженцев меньше, чем в прежние времена. Совершенно точно стремление к эстетическому творчеству психологически связано с ухаживанием, пусть не напрямую, но, тем не менее, под влиянием искреннего и глубокого чувства. Для того, чтобы сексуальное вожделение обернулось художественным выражением, необходим ряд условий. В первую очередь у человека должны быть творческие способности; как известно, творческие личности, даже внутри одного народа, то вдруг появляются в конкретную эпоху, то исчезают, из чего можно сделать вывод, что на художественное выражение воздействует также и среда, а не только врожденный дар. Кроме того, нужна некая свобода от ханжеских установок, свобода, усвоенная в процессе воспитания. Когда папа Юлий II заключил Микеланджело в тюрьму, он никоим образом не покушался на свободу, не-

обходимую творцу. Он посадил Микеланджело в тюрьму потому, что считал себя важной персоной и не терпел даже малейших намеков на дерзость со стороны любого, кто уступал в знатности и положении папе римскому. Но когда художнику приходится потакать богатым покровителям или городским советникам и подстраиваться в своем творчестве под их эстетические воззрения, он расстается со своей художественной свободой. А когда он вынужден, из-за страха перед социальными и экономическими невзгодами, жить в браке, который стал невыносимым, художник лишается энергии, необходимой для художественного творчества. Общества, приверженные традиционной добродетели, не в состоянии творить великое искусство. Зато на это способны те, что состоят из людей, которых наверняка стерилизовали бы в американском штате Айдахо. Америка в настоящее время импортирует большинство своих художественных талантов из Европы, где еще сохраняется свобода; но текущая американизация Европы вскоре заставит нас обратиться к тем же неграм. Похоже, последним оплотом настоящего искусства станут Верхнее Конго или нагорья Тибета. При этом не за горами окончательная гибель искусства, поскольку вознаграждение, приготовленное Америкой для иностранных творцов, неизбежно приводит к их творческой смерти. В прошлом искусство было более народным и отталкивалось от радостей жизни. Сами же радости жизни, в свою очередь, зависят от определенной спонтанности

в области секса. Там, где секс подавлен, остается лишь труд, а евангелие труда ради труда никогда не порождало шедевров искусства. Нет смысла сообщать нам статистику о количестве сексуальных контактов *per diem* (или правильнее говорить — *per noctem*?¹) в Соединенных Штатах Америки, согласно которой это количество ничуть не уступает цифрам из других стран. Не знаю, так ли это на самом деле, и не собираюсь ничего отрицать. Но одно из наиболее опасных заблуждений традиционных моралистов состоит в сведении секса к простому половому акту, дабы лишний раз осудить последний. Ни один цивилизованный человек и ни один дикарь, о котором я когда-либо слышал, не удовлетворяет свой инстинкт простым половым актом. Для удовлетворения желания, ведущего к акту, нужны ухаживание, любовь, товарищество. Без всего этого можно утолить лишь физический голод, а вот голод психический нисколько не ослабнет, и получить истинное удовлетворение не получится. Сексуальная свобода, которая нужна творцу, есть свобода любить, а не позволение утолять телесное вожделение с какой-то незнакомой женщиной; свобода же любить есть то, чего не понять традиционным моралистам. Если искусству и суждено воскреснуть после американизации мира, потребуется, чтобы сама Америка изменилась, чтобы ее моралисты сделались менее моральными, а аморальные личности — менее аморальными, чтобы обе эти группы осознали выс-

¹ В день... за ночь (*лат.*).

шие ценности секса и признали, что радость способен доставлять не только банковский счет. Ничто в Америке не выглядит столь печальным для путешественника, как отсутствие радости. Удовольствия носят дикий, вакхический характер, сулят моментальное забвение, а не восхищенное самовыражение в сексе. Мужчины, чьи деды танцевали под дудки в балканских или польских деревнях, сидят дни напролет за письменными столами, среди печатных машинок и телефонов, серьезные, важные — и бесполезные. Сбегая по вечерам в бары, к иной разновидности шума, они воображают, что находят счастье, тогда как на самом деле обретают всегонавсего отчаянное и несовершенное забвение от безнадежной рутины денег, что порождает деньги, используя тела человеческих существ, чьи души обращены в рабство.

Не буду заявлять, будто я всем сердцем убежден, что все лучшее в человеческой жизни связано с сексом. Начнем с того, что наука, ни практическая, ни теоретическая, с ним не связана, да и о важной социальной и политической деятельности такого не скажешь. Побуждения, формирующие комплексные желания взрослой жизни, можно распределить на несколько простых категорий. Власть, секс и родительские чувства представляются мне источником всех человеческих деяний, помимо тех, что призваны обеспечить самосохранение вида. Из трех перечисленных сил власть первой проявляется и последней умирает. Ребенок, поскольку у него очень мало власти, сдается стремлением получить больше. Дей-

ствительно, значительная часть его поступков обусловлена этим стремлением. Другое доминирующее желание в детстве — тщеславие, стремление к похвале и страх того, что тебя отругают или лишат чего-либо. Именно тщеславие делает ребенка социальным существом и наделяет его чертами, позволяющими жить в обществе. При этом тщеславие тесно переплетается с сексом, хотя теоретически отделимо от него. Зато власть, насколько я могу судить, очень слабо связана с сексом, а любовь к власти, ничуть не меньше, чем тщеславие, заставляет ребенка учить уроки и тренировать тело. Любознательность и жажду знаний следует, думаю, рассматривать как проявление любви к власти. Если знание есть сила, то любовь к знаниям есть любовь к власти. Следовательно, наука, за исключением определенных отраслей биологии и физиологии, должна трактоваться как область вне сексуальных эмоций. С учетом того, что император Фридрих II уже почил, этому мнению суждено оставаться более или менее гипотетическим¹. Будь он по-прежнему жив, император, без сомнения, велел бы кастрировать какого-нибудь выдающегося математика и композитора, чтобы пронаблюдать следствия в их творчестве. Полагаю, на трудах первого кастрация вовсе бы не сказалась, но вот для второго последствия были бы значительными. Убедившись, что жажда знаний является одним из ценнейших элементов человеческой природы, мы должны заключить, что крайне важная

¹ См. выше примечание о «куртуазном» дворе Фридриха на Сицилии.

область деятельности, если мы правы, свободна от влияния секса.

Власть также выступает побудительным мотивом в большинстве событий политической жизни (если толковать это слово в самом широком смысле). Во все не намереваюсь утверждать, будто великим государственным деятелям нет дела до общественного благополучия; напротив, я считаю таких персон людьми, у которых сильно развиты родительские чувства. Но, не обладая немалой степенью политической власти, они не справятся с задачами успешного политического строительства. Я знал многих людей с возвышенными помыслами на государственных постах, и в отсутствие изрядной толики личных амбиций многие из них оказывались не в состоянии добиться поставленных благих целей. Помнится, как-то Авраам Линкольн выступил перед двумя упорствующими сенаторами, и свою речь он начал и закончил следующими словами: «Я — президент Соединенных Штатов Америки, облеченный великой властью». Трудно не согласиться с тем, что он находил некое удовольствие в данном заявлении. На протяжении всей политической деятельности человечества, полезной и вредной, ведущими силами выступали экономические мотивы и любовь к власти; попытка интерпретировать политику по Фрейдю, на мой взгляд, ошибочна.

Если мы правы в том, что излагалось выше, большинство знаменитых людей, исключая творческих личностей, вовлекалось в свои деяния по мо-

тивам, не имевшим отношения к сексу. Если воспроизводить эти деяния, если распространять их, в более скромных масштабах, на все человечество, то следует вывести из тени секса эмоциональную и страстную природу человека. Желание понять мир и стремление его изменить представляют собой величайшие силы прогресса, без которых человеческое общество обречено замереть на месте или регрессировать. Быть может, избыток счастья обернется тем, что эти устремления ослабнут. Когда Кобден хотел привлечь Джона Брайта к кампании за свободу торговли, он воззвал к личной трагедии Брайта (недавней кончине супруги)¹. Не исключено, что без этого печального опыта Брайт не проникся бы состраданием к невзгодам других. Многих людей, как мы знаем, влекло в абстрактные поиски отчаяние, пережитое в реальном мире. Для человека, наделенного достаточной жизненной силой, боль может оказаться неплохим стимулом, и я не стану отрицать того, что, случись нам всем обрести полное счастье, мы не захотим сделать его еще полнее. Но не могу признать, будто обязанность человека состоит в том, чтобы причинять боль другим ради какой-то эфемерной пользы. В девяноста девяти случаях из ста боль скорее погубит, а в сотом случае надежнее довериться естественным потрясениям, которые не

¹ Р. Кобден — английский фабрикант и политик, горячий сторонник неограниченной конкуренции и свободы торговли. Дж. Брайт — английский парламентарий-радикал, один из лучших ораторов своего времени, убежденный сторонник интересов среднего класса.

менее болезненны. Пока существует смерть, будет и горе, а пока есть горе, ни на единый миг долгом человеческого существа не может стать его усугубление, вопреки тому обстоятельству, что отдельные выдающиеся личности сумели каким-то образом возвыситься над своими бедами.

Глава 21

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашего обсуждения мы пришли к ряду выводов — как исторических, так и этических. С исторической точки зрения стало ясно, что сексуальная мораль в том виде, в каком она существует в цивилизованных обществах, возникла из двух самостоятельных источников: с одной стороны, это желание добиться определенности в вопросе отцовства, а с другой стороны, это аскетическая убежденность в греховности секса за исключением тех случаев, когда половая близость необходима для продолжения рода. В дохристианские времена она опиралась, а на Дальнем Востоке вплоть до наших дней опирается на первый источник — конечно, за вычетом Индии и Персии, признанных, судя по всему, центров распространения аскезы. Стремление удостовериться в отцовстве неведомо, разумеется, тем отсталым народам, которые не осознают причастность мужчин к деторождению. У них, пускай мужская ревность и накладывает на женское поведение некие ограничения, женщины в целом сво-

боднее, чем в ранних патриархальных обществах. Очевидно, что переход от одного этапа общественного развития к другому происходил отнюдь не гладко, а ограничения женских свобод оказались насущно важными для мужчин, которые наконец заинтересовались ролью отцов собственных детей. На этом этапе сексуальная мораль предусматривалась только для женщин. Мужчине возбранялись связи с замужними женщинами, но в остальном он был сам себе хозяином.

С пришествием христианства появился новый мотив — желание избежать греха; моральные нормы, хотя бы теоретически, сделались одинаковыми для мужчин и женщин, но на практике внедрение этого учения нередко оборачивалось большей свободой для мужчин и меньшей для женщин. Ранняя сексуальная мораль имела выраженную биологическую цель, была призвана обеспечить подрастающему поколению покровительство обоих родителей, а не кого-то одного, хотя бы в первые годы жизни. Данная цель постепенно растворилась в христианской теории, однако сохранялась в христианской практике.

Уже ближе к сегодняшнему дню стали заметными признаки того, что как христианская, так и дохристианская сексуальная мораль претерпевают изменения. Христианская мораль утратила былое господство вследствие упадка религиозной ортодоксальности и общего снижения интенсивности веры — даже среди тех, кто продолжал веровать. Мужчины и женщины, родившиеся в нынешнем

столетии, по большей части не верят сознательно в греховность блуда как такового, но их подсознание все еще хранит былые представления. Что касается дохристианских элементов сексуальной этики, на них первоначально сказался один фактор, а уже в ходе перемен к нему добавился второй. Исходный фактор — изобретение противозачаточных средств, благодаря чему незамужние женщины обрели возможность смелее вступать в сексуальные контакты, не опасаясь, что это приведет к нежеланной беременности, а замужние получили возможность заводить детей исключительно от своих мужей (для выполнения обоих условий совершенно не требуется беречь целомудрие). Этот процесс еще не завершился, поскольку контрацептивы нельзя пока назвать абсолютно надежными, но, как мне кажется, мы вправе предположить, что до благополучного его завершения уже недалеко. Следовательно, подтверждение отцовства будет возможным без строгого соблюдения того правила, что женщинам запрещаются любые сексуальные отношения вне брака. Конечно, кто-то возразит, что теперь женщины примутся активно обманывать своих мужей, но ведь этот навык они освоили, если вдуматься, с незапамятных времен, а желание обмануть существенно ослабевает, когда женщина сама решает, кто станет отцом ее ребенка (в сравнении с ситуацией, когда она опасается вступить в связь с человеком, которого страстно любит). Потому можно допустить, что обман в отношении отцовства будет изредка встречаться, но гораздо реже, нежели это было в про-

шлом. Вдобавок вполне может быть, что мужская ревность в новых условиях приспособится к изменившейся ситуации и будет проявляться, лишь когда жена явно обозначит свое желание завести ребенка от другого мужчины. На Востоке мужчины всегда терпимо воспринимали «вольности» евнухов, которые привели бы в негодование большинство европейских мужей. Евнухов терпели, потому что они не могли претендовать на отцовство. Аналогичная терпимость потенциально допустима и для свобод, обусловленных внедрением противозачаточных средств.

В итоге семья с двумя родителями способна уцелеть в будущем, не требуя от женщин сексуального воздержания в той степени, какая предусматривалась ранее. Впрочем, второй фактор, влияющий на сексуальную мораль, будет иметь, как представляется, далеко идущие последствия. Речь об усилении вмешательства государства в содержание и воспитание детей. Этот фактор сегодня более значим в Европе, чем в Америке, и затрагивает преимущественно наемных тружеников, которые, между прочим, составляют большинство населения, так что, вполне вероятно, вытеснение отца государством, постепенно происходящее на наших глазах, в конечном счете охватит население целиком. Роль отца у животных и в человеческих семьях состоит в защите и содержании, но в цивилизованных обществах защиту обеспечивает полиция, а содержание готово взять на себя государство — во всяком случае, применительно к беднейшим слоям населения. Если

так и случится, отец перестанет быть сколько-нибудь значимой фигурой. Что до матери, тут имеются две возможности. Она может и далее заниматься повседневными делами, передав детей на попечение государственных учреждений, либо, если примут соответствующий закон, получать оплату от государства за уход за малыми детьми. Подобное решение, к слову, наверняка будет способствовать временному укреплению традиционной морали, ибо недобродетельных женщин могут лишить положенных от государства средств. Правда, тогда такая женщина не сможет содержать своих детей, не работая, то есть все равно ее детей придется препоручить опеке какого-то учреждения. Поэтому представляется вероятным, что экономические силы вынудят ликвидировать как отцовство, так и — до известной степени — материнство (в отношении детей недостаточно обеспеченных родителей). Вследствие этого сами собой исчезнут все традиционные основания традиционной же морали, и общество будет вынуждено искать новые основания для новой морали.

Распад семьи, если ему суждено случиться, не может, думается, служить поводом для радости. Детям необходима родительская любовь, а учреждения опеки, если их примутся внедрять широко, не смогут обеспечить им эту любовь. От детей станут добиваться единообразия (всеми способами), а дифференцирующее влияние различных сред постараются устранить. Пока не сформируется международное правительство, детей из разных стран будут пичкать вирулентным патриотизмом, который почти гаран-

тирует, что они, повзрослев, начнут истреблять друг друга. Потребность в международном правительстве вытекает также из вопроса о численности населения, ибо в отсутствие такого органа националисты продолжают настаивать на приросте населения сверх желательного порога, а с нынешним развитием медицины и гигиены единственным возможным способом избавления от избытка людей остается война.

Общественные явления нередко выглядят чрезмерно сложными для осознания, зато на индивидуальном уровне, как мне кажется, все довольно просто. Убежденность в том, что в сексе есть нечто греховное, причиняет индивиду немалый вред — начиная с раннего детства и вплоть до кончины. Помещая сексуальную страсть в духовную тюрьму, общепринятая мораль заодно заточила во многом и прочие формы дружеских чувств, а также сделала людей менее великодушными, менее добрыми, более эгоистичными и жестокими. Какая бы сексуальная этика в итоге ни утвердилась, ее нужно избавить от предрассудков и заложить в ее основу признаваемые и убедительные для всех факты. Секс нельзя отделять от этики, и то же самое верно для бизнеса, спорта, научных исследований или любой другой отрасли человеческой деятельности. Но он в состоянии обойтись без этики, основанной исключительно на древних запретах, возникших в примитивном обществе, совершенно не похожем на наше. В сексе, как в экономике и политике, нашу этику до сих пор определяют страхи, вроде бы опро-

вергнутые современными научными открытиями, причем польза упомянутых открытий во многом утрачивается из-за психологической неспособности общества их принять.

Безусловно, переход от старой системы к новой подразумевает ряд трудностей, как и любая глобальная перемена. Тех, кто ратует за любые этические новшества, неизменно обвиняют, как в свое время Сократа, в растлении молодежи; не буду заявлять, что это обвинение всегда беспричинно, даже когда новая этика, которую проповедают, ведет в случае одобрения обществом к лучшей жизни, нежели прежняя, подлежащая ликвидации. Все, кому знаком магометанский Восток, утверждают, что там люди, отвергающие правило молитвы пять раз в день, заодно перестают уважать прочие моральные правила, которые мы сочли бы более важными. Человек, предлагающий изменить сексуальную мораль, особенно уязвим для обвинений и непонимания; я сам отлично сознаю, что наговорил много такого, что некоторые читатели могли истолковать неправильно.

Главный посыл новой морали, в котором она отличается от традиционной пуританской морали, таков: мы верим, что инстинкт следует развивать, а не подавлять. Если рассуждать с этой точки зрения, наша позиция наверняка заслужит широкое признание большинства мужчин и женщин, но станет приносить практическую пользу, только если будет принята во всей полноте и ее будут внедрять в общество с ранних лет. Если в детстве инстинкт

подавляется, а не развивается, он будет подавляться и в более старшем возрасте, поскольку станет проявляться в крайне нежелательных формах. Мораль, которую я предлагаю, не сводится к тому, чтобы говорить взрослым и подросткам: «Следуйте своим побуждениям и живите, как вам заблагорассудится». Нет, в жизни необходима последовательность и цельность; нужны непрерывные усилия, направленные на желаемый результат, далеко не очевидно благоприятный и не всегда привлекательный; нужна забота о ближних; нужны некие нормы добродетели. При этом я не могу признать самообладание желаемым результатом, и мне очень хочется, чтобы наши институты и наша мораль низводили потребность в самообладании до минимума, а не возводили ее в максимум. Полагаться на самообладание — все равно что дергать в поезде стоп-кран. Тормоз полезен, когда понимаешь, что движешься не в том направлении, но вреден, если направление выбрано правильно. Никто ведь не скажет, что поезд всегда должен ехать на тормозах, однако внушаемая нам привычка к самоконтролю тормозит вдохновляющую нас жизненную энергию. Самоконтроль побуждает расходовать эту энергию впустую, на внутренние метания, а не на деятельность вовне, и потому всегда вызывает сожаление (хотя порой он действительно необходим).

Степень, в которой самоконтроль необходим в жизни, зависит от раннего осознания инстинкта. Детские побуждения способны вести к полезной или вредной деятельности, как пар в локомотиве

способен доставить нас к месту назначения или пустить под откос вследствие аварии. Задача образования заключается в том, чтобы направлять инстинкт туда, где он сможет развиваться с пользой для общества. Если эта задача успешно решается уже в ранние годы жизни человека, мужчина или женщина, как правило, живут деятельной жизнью, прибегая к строгому самоконтролю разве что в редчайших кризисных ситуациях. Если, с другой стороны, раннее образование сводится преимущественно к простому подавлению инстинкта, действия, к которым инстинкт побуждает человека в дальнейшей жизни, будут как минимум отчасти вредными, следовательно, придется постоянно сдерживать себя через самоконтроль.

Эти общие соображения выглядят особенно значимыми для сексуальных побуждений вследствие остроты последних и вследствие того, что они являются предметом пристального внимания традиционных моралистов. Большинство этих моралистов полагает, будто без строжайшего обуздания наших сексуальных желаний мы впадем в повседневный блуд, анархию и разврат. На мой взгляд, это представление восходит к мнению тех, кто с ранних лет усваивал запреты, а впоследствии пытался их игнорировать. У таких людей усвоенные запреты продолжают действовать, даже когда сами эти люди с ними не справляются. То, что принято называть совестью (внерассудочное, более или менее бессознательное принятие ценностей, усвоенных в раннем детстве), побуждает чувствовать, что условности

отвергают нечто порочное, и это чувство может сохраняться, несмотря на интеллектуальные доводы в пользу обратного. Тем самым личность как бы раскалывается, инстинкт и рассудок больше не идут рука об руку, инстинкт становится банальным, а рассудок — анемичным. В современном мире налицо всевозможные проявления недовольства традиционным воспитанием. Наиболее распространено недовольство тех, чей интеллект признает этическую правоту морали, усвоенной в детстве, но кто понимает, с большим или меньшим сожалением, что недостаточно героичен, чтобы жить в соответствии с этими заповедями. Таким людям мало что можно посоветовать. Будет лучше, если они сумеют изменить либо свою жизнь, либо свои принципы и добиться гармонии между ними.

Далее идут люди, чей разум отвергает многое из того, чему учили в детстве, но чье бессознательное все еще цепляется за эти знания. Такие люди склонны внезапно менять свое поведение под давлением любых сильных эмоций, в особенности страха. Тяжелая болезнь или потрясение могут заставить их раскаяться и отказаться от былых интеллектуальных убеждений под напором детских воспоминаний. Даже при обычных условиях их поведение определяется запретами, причем может принимать нежелательные формы. Запреты отнюдь не помешают таким людям действовать способами, предосудительными для традиционной морали, зато лишат искренности чувств и тем самым устроят из поведения некоторые значимые элементы. Внедрение

нового морального кодекса вместо старого не будет полноценным, если личность не признает новый кодекс целиком, если признание происходит только на верхнем уровне, то есть в сознательном мышлении. Для большинства людей это крайне затруднительно, если в юные годы им внушали старую мораль. Поэтому невозможно судить о новой морали обоснованно, покуда она не проникнет в детское образование.

Сексуальная мораль должна основываться на ряде общих принципов, относительно которых, быть может, имеется довольно широкое общественное согласие, несмотря на различное отношение к последствиям воплощения этих принципов на практике. Первое, что следует обеспечить, — это любовь: глубокая, сильная, честная любовь между мужчиной и женщиной, связь личностей, которая ведет к союзу, обогащающему обоих. Второе по важности — надлежащая забота о детях, физическая и психологическая. По отдельности ни один из этих принципов не вызывает отторжения, но вот относительно последствий их практического воплощения я бы предложил слегка подправить традиционную мораль. Большинство мужчин и женщин, так уж получается, не в состоянии проявлять столько искренности и великодушия в любви, ведущей к браку, сколько могли бы, не пичкай их с детства всевозможными запретами. Им либо недостает необходимого опыта, либо они приобрели этот опыт тайными, нежелательными способами. Более того, поскольку моралисты одобряют ревность, эти су-

прузеские пары считают себя вправе держать друг друга, что называется, под замком. Конечно, хорошо, когда муж и жена любят друг друга так сильно, что ни один из них не испытывает искушения нарушить брачную клятву; но скверно, что неверность, если таковая случилась, обычно воспринимается как нечто ужасное, а всякая дружба с представителями противоположного пола признается нежелательной. Полноценная жизнь не может строиться на страхах, запретах и взаимном ограничении свобод. Если удастся обеспечить верность без всего перечисленного — замечательно, но в противном случае за нее придется заплатить чрезмерно высокую цену; не исключено, что здесь было бы полезнее и разумнее проявлять толику терпимости. Не подлежит сомнению, что взаимная ревность, даже при соблюдении физической верности, часто вреднее для брака, чем вера в спасительную силу искренней и крепкой любви.

Многие люди, мнящие себя добродетельными, трактуют родительские обязательства в отношении детей куда легкомысленнее, чем кажется мне допустимым. В нынешней семейной системе с двумя родителями такая трактовка сразу после рождения детей побуждает обоих партнеров всемерно поддерживать гармоничные отношения, даже если это требует значительной степени самоконтроля. Но, вопреки уверениям традиционных моралистов, этот контроль подразумевает не только подавление соблазнов неверности; не менее важно обуздывать проявления ревности, злости, стремления властво-

вать и так далее. Не вызывает сомнений тот факт, что серьезные ссоры между родителями нередко становятся причиной нервных расстройств у детей; поэтому следует делать все возможное для предотвращения таких ссор. В то же время, если у партнеров не хватает самоконтроля для того, чтобы разногласия между родителями не затрагивали детей, подобный брак намного лучше и полезнее расторгнуть. В этом случае расторжение брака отнюдь не выглядит наихудшим вариантом для детей; на самом деле, такой исход лучше, чем слышать гневные крики и яростные обвинения, наблюдать, быть может, физическое насилие, что выпадает на долю многих детей в дурных семьях.

Не следует думать, будто перемены, которых желает разумный поборник большей свободы, возможно осуществить моментально, отдав взрослых и даже подростков, отравленных прежними строжайшими моральными запретами, на волю ничем не сдерживаемых поврежденных побуждений, которые одобряются моралистами. Так, разумеется, придется поступить, ибо иначе эти люди будут воспитывать своих детей столь же скверно, как воспитывали их самих; но это лишь переходный этап. Разумной свободе надлежит обучаться с ранних лет, ведь в противном случае единственно доступной окажется свобода скабрзностей и предрассудков, а не свобода цельной личности. Банальные побуждения ведут к физическим излишествам, дух же остается в оковах. Инстинкт, правильно развиваемый с детства, способен принести больше, нежели образова-

ние, вдохновляемое кальвинистским убеждением в первородном грехе; когда такому образованию позволяют творить свое черное дело, выясняется, что преодолеть его последствия очень и очень сложно. Одно из важнейших достижений психоанализа состоит в открытии дурного влияния запретов и угроз на характер ребенка; чтобы справиться с этим влиянием, нужно время — и нужны психоаналитические методики. Причем это касается не только тех откровенных невротиков, изъяны которых очевидны всякому; это касается и большинства нормальных людей. На мой взгляд, девять из десяти тех, кто прошел через традиционное воспитание в ранние годы, очень плохо подготовлены к здоровому восприятию брака и секса как таковых. Теплые искренние отношения для таких людей невозможны; их можно разве что побудить осознать нанесенный им воспитанием урон и удержать тем самым от причинения своим детям такого же урона.

Доктрина, которую я желаю пропагандировать, вовсе не призывает к вседозволенности; она предусматривает почти столько же самоконтроля, как и в традиционной морали. В настоящее время самоконтроль направлен больше на вмешательство в свободу ближних, чем на обуздание собственных инстинктов. Полагаю, можно надеяться, что при наличии правильного образования с первых лет жизни человека уважение к ближним войдет в привычку; тем же, кто рос в убеждении, будто мы вправе накладывать вето на действия ближних во имя добродетели, будет, несомненно, трудно добиться

этой приемлемой формы совместного проживания (если вообще возможно). Однако отсюда никоим образом не следует, что невозможно переучить тех, кому внушали сызмальства традиционную мораль. Суть крепкого брака — взаимоуважение в сочетании с глубочайшей близостью, физической, умственной и духовной, которая делает искреннюю любовь мужчины и женщины наиболее плодотворной из всех человеческих эмоций. Такая любовь, как и все великое и драгоценное, предполагает собственную мораль и требует жертвовать меньшим ради большего; но эти жертвы должны быть добровольными, ведь иначе они разрушают само основание любви, ради которой будто бы приносятся.

Содержание

Глава 1. Почему сексуальная этика необходима?	5
Глава 2. Когда отцовство неизвестно.	15
Глава 3. Господство отца	25
Глава 4. Фаллический культ, аскетизм и грех	33
Глава 5. Христианская этика.	44
Глава 6. Романтическая любовь	62
Глава 7. Освобождение женщин.	76
Глава 8. Табу о сексуальном знании	89
Глава 9. Место любви в жизни человека. . .	111
Глава 10. Брак	122
Глава 11. Проституция	135
Глава 12. Пробный брак	145
Глава 13. Семья в наши дни	155
Глава 14. Семья в индивидуальной психологии	173
Глава 15. Семья и государство.	186
Глава 16. Развод	199
Глава 17. Население	215

Глава 18. Евгеника	228
Глава 19. Секс и индивидуальное благополучие	245
Глава 20. Место секса в системе человеческих ценностей	257
Глава 21. Заключение	271

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Бертран Рассел
БРАК И МОРАЛЬ

Редактор *К. Ковешников*
Компьютерная верстка *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 15.06.2020. Формат 84x108^{1/32}.
Усл. печ. л. 15,12. Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2020 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705,
пом. 1, 7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru. Интернет-магазин: www.book24.ru.
E-mail: neoclassic@ast.ru. ВКонтakte: vk.com/ast_neoclassic.

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасында импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
к., Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2020
Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

ISBN: 978-5-17-123308-2

9 785171 233082

16+

